

ЕВГЕНИЙ ПОНАСЕНКОВ

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
Третье издание

Евгений Понасенков

**Первая научная история
войны 1812 года**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 94(47)"1812"
ББК 63.3(2)47

Понасенков Е. Н.

Первая научная история войны 1812 года / Е. Н. Понасенков —
«Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-120818-9

Перед вами – уникальная книга: подлинная история войны 1812 года! Крупнейший в России специалист по эпохе Наполеона, известный ученый-историк, Евгений Понасенков, изучил десятки тысяч документов, хранящихся в архивах России и Европы, а также дневники и мемуары участников событий – и сумел создать принципиально новое описание той грандиозной кампании. Безупречная точность научного изложения сочетается с яркой и элегантной манерой подачи материала. Впервые дано подробнейшее описание жизни всех слоев русского общества, исследованы экономические, дипломатические и культурные аспекты произошедшего. Вы узнаете об истинных планах и поступках Наполеона и Александра I, о произошедшей параллельно с вторжением гражданской войне в России, о закулисных «боях» и интригах мира профессиональных ученых и государственной пропаганды. Выпускник исторического факультета МГУ, автор многих научных работ, Евгений Понасенков, сегодня по праву считается интеллектуальным гуру нового поколения. К его заслугам относится и создание крупнейшей в России личной коллекции книг и предметов искусства эпохи Наполеона.

УДК 94(47)"1812"
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-17-120818-9

© Понасенков Е. Н., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

От автора	9
Историография	16
I	16
II	27
III	39
IV	51
V	60
VI	71
VII	79
VIII	83
Российская империя – предыстория	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Евгений Николаевич Понасенков

Первая научная история войны 1812 года

Потомство воздаст каждому по заслугам. Тем больше оснований посмеяться над недомыслием тех, которые, располагая властью в настоящем, рассчитывают, что можно отнять память даже у будущих поколений.

Публий Корнелий Тацит

Рабство существует в России потому, что Император не может без него царствовать. По множеству причин Россия была неизбежно отстранена от всеобщего развития цивилизации, исходящей из Рима.

Граф Жозеф Мари де Местр

Неприятель одержал победу...

Генерал А.П. Ермолов о Бородинском сражении

Вас громко обвиняют в несчастье, постигшем вашу империю, во всеобщем разорении... И не один класс, но все классы объединяются в обвинениях против вас.

Из письма великой княгини Екатерины Павловны брату (Александру I), 1812 г.

Никакой, даже самый идиотический, идиот не сможет приписать неслыханные катастрофы Наполеона слабоумному Кутузову и его безвольному повелителю.

Командующий Союзной армией князь К.Ф. Шварценберг, 1814 г.

Суди сама, до какого падения дошла наша армия, если старик унтер-офицер и простой солдат остаются во Франции, а из конно-гвардейского полка в одну ночь дезертировало 60 человек с оружием в руках и лошадьми. Они уходят к фермерам, которые не только хорошо платят им, но еще отдают за них своих дочерей.

Из письма Ф.В. Ростопчина жене (1814 г.)

Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим естественно производило вопрос: почему же не так у нас?..

Гвардейский офицер и писатель А.А. Бестужев

Простите! Ваше Сиятельство, что командировки для усмирения мятежа в Арзамас и Астрахань воспрепятствовали мне до сего времени представить Вашему Сиятельству сочинение мое о войне 1812 года и присоединить нижайшую просьбу о поднесении с прилагаемым для Государя Императора экземпляром и письмо Его Величеству.

Из письма П.А. Чуйкевича А.А. Аракчееву, 1814 г.

Величайшее несчастье России заключается в безнаказанности высших сановников, а также в изобилии всевозможных наград, которые лишь изредка и только отчасти достаются самым достойным.

Наталья Нарышкина (дочь градоначальника Москвы Ф.В. Ростопчина)

Историю России прячут от русских и хотят скрыть от всего мира. Воспоминания о том, что происходило вчера, является собственностью императора. Он меняет на свое желание летописи страны и ежедневно раздает своему народу исторические истины, которые совпадают с выгодой момента.

Маркиз Астольф де Кюстин

Иные так расхваливают свою родину, что, словно мечтают ее продать.

Жарко Петан

Трагедия должна быть школой для королей и народов; это – наивысшая ступень, которой может достигнуть поэт.

Наполеон (в беседе с И.В. Гёте)

Легче одурачить людей, чем убедить их в том, что они одурачены

Марк Твен

Данный материал создан и (или) распространен иностранным средством массовой информации, выполняющим функцию иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

На первой доске переплета и на форзаце: «Битва на Москве-реке», офорт, Париж, 1820-е гг.

На нахзаце: «Эпизод Московской кампании 1812 года», офорт, Париж, 1820-е гг. (оба предмета из личной коллекции Е.Н. Понасенкова).

Публикация и распространение иллюстраций возможна только с письменного согласия Е.Н. Понасенкова.

Рецензенты

А.Н. Сахаров – доктор исторических наук, профессор, председатель Научного совета Российской академии наук «История международных отношений и внешней политики России», председатель Диссертационного совета ИРИ РАН «История России до XX века».

М.И. Кротов – доктор экономических наук, профессор СПбГУ.

Л.П. Колодникова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

М.С. Гедин – кандидат исторических наук (Украина).

А. Мельник (Франция) – профессор геополитики ICN Business School (Университет Нанси).

А.А. Васильев – военный историк, архивист, научный редактор журнала «Старый Цейхгауз».

Н.Ю. Шведова – старший научный сотрудник, хранитель коллекции «Редкая книга» музея-панорамы «Бородинская битва».

А.Б. Савинов – историк искусства, старший научный сотрудник музея «Усадьба Лопасня-Зачатьевское».

Н.В. Арутюнова – кандидат политических наук, преподаватель Дипломатической академии МИД России.

А.А. Бринцева – кандидат искусствоведения.

Т. Сакоян (Армения) – преподаватель истории Армянско-Российского международного университета «Мхитар Гош».

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский (США) – коллекционер, почетный член Российской академии художеств, член Союза благотворителей музея «Метрополитен» (Нью-Йорк).

Граф А.Н. Каменский – реставратор, коллекционер предметов искусства, потомок русских участников наполеоновских войн.

© Иллюстрации, концепция макета обложки – Понасенков Е.Н., 2020.

© Издательство АСТ

От автора

*Вместо того чтобы бросать мне несправедливые упреки,
попробуйте сделать лучше, чем я.*

Наполеон Бонапарт

Свободен лишь тот, кто может позволить себе не лгать.

Альбер Камю

В мире существует множество ярких явлений, которые в представлении не только обывателя, но подчас и специалиста, кажутся понятными и известными, хотя, на самом деле, их суть до сих пор не раскрыта. История – это, безусловно, наука, но наука весьма молодая. Большинство тем еще просто физически не успели стать изученными научно, объективно. Еще больше не повезло сюжетам масштабным, эффектным и важным для идеологии государства: многие из них сфальсифицированы пропагандой практически с самого начала – и в подобном виде давно вросли в бессознательное масс. Даже исследователям, которые пытаются взглянуть на упомянутые непростой судьбы темы поверх догм, зачастую не хватает энергии, личностной свободы и масштаба, чтобы решить проблему на принципиально новом – качественно ином уровне. Они все равно остаются в психологических путах привычных концепций, определений и терминов.

Все вышесказанное в полной мере относится к «Русской кампании Наполеона» – к войне Шестой антифранцузской коалиции 1812 года (1812–1814 гг.) – и вообще к той эпохе в целом. Завалы мифов, откровенной лжи, ограниченности национальных исторических школ – вот главные враги историка. Несмотря на многие тысячи сочинений, война 1812 года до сих пор не вписана в контекст мировой Истории – и, по сути, даже в военную и общественную картину антифранцузских коалиций конца XVIII – начала XIX вв. Война – это отнюдь не только боевые действия (а применительно к той эпохе – они лишь звучная подробность, с точки зрения физического масштаба происходящего): нам важно понять соотношение смыслов, исторических и цивилизационных систем! Мы должны научиться чувствовать атмосферу ушедшей эпохи, но не забывать извлекать практическую пользу из знаний о прошлом. Задача истинного ученого – сродни математическому анализу, лишённому пристрастий и попыток конструирования или оправдания устаревших псевдонациональных мифов. Нам давно пора выяснить самые простые вещи: кто такие участники, почему произошел конфликт между странами столь отдаленными географически, кто участвовал, за что сражался, как себя проявил и какие понес потери? Огромный, возможно, первостепенный интерес представляет поведение и отношение к проис-

ходящему общества, а также то, как модель жизни стран-противников прошла проверку временем. Кто оказался истинным победителем в боях 1812 года – и в Истории, с точки зрения опыта двух веков?

Чтобы избежать блуждания в душных «комнатах», населенных чучелами мифов, переполненных государственными «копролитами» и прочим, насажденным прислужниками идеологии, я обратился к широчайшей базе документов – к первоисточникам. Именно они должны диктовать историку его «мнение». Факты и логика – вот все, что нам необходимо. Безусловно, историография важна – и ее разбору, спору и подтверждению отдельных положений данное исследование обращено в немалой степени. Надо сказать, что только сегодня, по прошествии более двухсот лет, мы имеем возможность в полной мере исследовать необходимый массив источников. Ускорение технических возможностей перемещаться из страны в страну, из архива в архив, из библиотеки в библиотеку, а также появление на рынке значительного числа семейных архивов деятелей наполеоновского времени (к чему, к сожалению, большинство моих коллег отнеслись без должного внимания) – позволили значительно расширить исследовательскую базу. Не стоит на месте и методология науки: целые дисциплины становятся вспомогательными историческому знанию. Однако именно их мои коллеги и проигнорировали.

За последние годы и десятилетия многие науки (например, физика, биология, физиология, нейрофизиология, генетика, астрономия и т. д.) сделали колоссальный шаг вперед – а история стала отставать, я бы сказал, эволюционно. Лень и патриархальность в характере многих моих коллег, а применительно к темам, контролируемым идеологией некоторых отстающих государств, ситуация усугубляется малодушием или нежеланием что-либо изучать всерьез, если можно легко получить бюджетный грант за набившие оскомину вульгарные псевдопатриотические басни.

В немалой степени причиной научного отставания стал описательный подход к изучению войны 1812 года. Двести лет из года в год выпускаются тонны печатной продукции разной степени филологического качества, которые лишь бестолково повторяют пересказ передвижения батальонов и эскадронов, не анализируя главное: почему эти соединения стали враждовать, почему оказались в том месте и в то время, кто в них состоял – и к чему привело их противостояние?! Лишь единицы авторов радуют тем, что пытаются хотя бы уточнить по первоисточникам упомянутые передвижения и количество наличного состава, но до упомянутого анализа на качественном, масштабном уровне не доходят. Никто до меня не предпринял попытки капитальным образом понять, как был создан миф о 1812 годе, когда и кем была подменена реальность.

Я подчеркну: мы должны использовать, возможно, слишком сухие, но строго научные (и тем красивые!) методы, формулы и термины. К примеру, необходимо осознавать, что невозможно полностью отождествлять Российскую Федерацию с государством, погибшим в 1917 году (и до того уже со времени интересующих нас событий 1812 года эволюционировавшее более ста лет) – с Российской империей. Разные смыслы, разная территория, идеология (и ее запрещение на официальном законодательном уровне сегодня) и т. д. Ученые не могут себе позволить говорить «мы» в отношении тех конкретных людей, которые жили двести лет назад и в другой стране – это физиологически ошибочно и моментально убивает главное: непредвзятость, объективность. Кроме того, пора перестать спекулировать разного рода вымышленными «нравственными» победами. Вы можете себе представить, чтобы, предположим, химическая реакция в лаборатории прошла бы одним образом, а лаборанты доложили бы в статье, что, «с нравственной точки зрения», результаты совсем другие?! Или математик оспорил бы таблицу умножения, аргументируя, что «с нравственной точки зрения», дважды два – не четыре, а, предположим, 31,9, причем семь – больше восемнадцати (не ищите в этих цифрах скрытого смысла – они не имеют никакого смысла, как и те нечистоплотные приемы, которые я ими высмеиваю)? Прозорливые читатели, знакомые с моими уже опубликованными работами,

конечно, догадались, что речь идет, к примеру, об итогах Бородинского сражения, когда, имея в оборонительной позиции больше войск, чем противник, М.И. Кутузов умудрился проиграть битву и сдать Москву (вдобавок оставить в ней около 30 тысяч русских раненых, большинство из которых сторели заживо в подожженном собственными властями городе!), но служанки идеологии пытаются это выдать за грандиозный успех!

Именно поэтому мне пришлось выбрать для своей новой монографии о войне 1812 года то название, которое вы видите на обложке. Фактически все пришлось начинать заново: по первоисточникам, с логикой и математикой вместо отвлеченных беллетристских категорий, с максимальной внутренней свободой и желанием понять суть явления. Моя первая монография 2004 года называлась «Правда о войне 1812 года»: в ней я начал этот процесс, объяснив характер конфликта как очередную антифранцузскую коалицию. Впервые с цифрами в руках я разоблачил удобный для оправдания агрессивных планов Александра I миф о тотально негативном влиянии присоединения России к торговой блокаде Англии – и сегодня моя точка зрения стала доминирующей среди ученых. Я также показал истинное отношение ряда сословий к войне: оказалось, что «единение всех вокруг трона» – это также продукт идеологической лжи. Более того: одна из глав была специально посвящена теме коллаборационистов.

Теперь же мы увидим полную картину происходящего. Я использовал системный подход: в хронологической системе координат объяснены явления как таковые, в их развитии вглубь и вширь, а также я обратился за содействием к смежным научным дисциплинам. В немалой степени название объясняется и принципиальной позицией моей приверженности к материалистическому подходу и к знанию эволюции.

До чего же дошло (а вернее, докатилось) наше общество и научное сообщество: ученый вынужден заявлять, что он знает и принимает теорию эволюции – и это в XXI веке! Подобное понимается не априори, как естественное для образованного человека, единственно возможное для научного изыскания и вообще психически адекватное, но о том приходится говорить специально! Какая цивилизационная яма! Какой регресс!

Далее. Мои предшественники зачастую вырывали события из контекста, не могли увидеть общей картины. Необходимо было объединить полезную для раскрытия темы информацию об экономике, географии, климате, антропологии, физиологии, дипломатии, военном деле, законотворчестве, искусстве и т. д. Статистические выкладки должны идти рука об руку с созданием психологического портрета главных действующих лиц.

Я полагаю верным открыто и внятно сказать и о следующем. Все изложенное в книге стало возможным благодаря моей внутренней свободе – и свободе, в том числе и от пресловутых бюджетных грантов, госзаказа. Меня, к примеру, невозможно «отчитать на кафедре», «вынести выговор», «лишить премии», «задвинуть по проекту», «понижить в должности», «уволить» и т. д. Сам я не «подставляю» своим правдоискательством «коллектив» (в подобном меня часто обвиняли в бытность мою студентом исторического факультета МГУ). Безусловно, мне было бы проще, сытнее, безопаснее, простите, «мычать в стаде», не тратя НИКАКОЙ энергии, не разыскивая никакие документы – просто повторять, подобно попугаю, засаленные фразочки из репертуара казенной пропаганды эпохи крепостного рабства или сталинских репрессий (а именно тогда и изобретались все главные тезисы об «отечественной войне 1812 года»). Эти мерзости, как блохи в диване, продолжают жить в нашей общей исторической «квартире» – и пора бы уже их вывести (а лучше выкинуть вместе с трухлявым «диваном»). Да, мне было сложно без упомянутых грантов, без регулярной поддержки, без тепленького местечка, столь любимого многими моими «коллегами». Мне приходится самому зарабатывать на поездки по архивам, библиотекам и полям сражений в разных регионах и странах. В этом мне помогли и другие профессии, которыми я обладаю.

На самом деле, режиссура, актерское и певческое мастерство дают очень многое и для профессии ученого-историка. Вы лучше понимаете драматургию событий, детальнее разби-

раете логику и антилогику поступка персонажа. Вы знаете, что такое руководить большими группами людей и выходить на общение с залом, а иногда и с площадью, с толпой. Как кабинетный «младший научный сотрудник» может понять, что происходило, когда тому или иному историческому персонажу необходимо было овладеть настроением толпы – «зала»? Как попытаться верно прочувствовать многие нюансы произошедшего в начале Первой Итальянской кампании Бонапарта, в дни переворота 18 и 19 брюмера, на плоту на Немане в 1807 году и т. д.? Только ленивый автор-сочинитель (такие термины – «автор», «сочинитель» – я использую, когда не вижу оснований именовать того или иного коллегу солидным и ответственным определением «историк») не писал об «актерских способностях» Наполеона и Александра I, о том, как (будучи еще генералом) Бонапарт «играл» перед австрийскими дипломатами в 1797 году, а Александр – всю жизнь (и, в том числе, в Тильзите и в Эрфурте). Но что «сочинители» в этом понимают?

Эпоха 1812 года – это время блистательного ампира: монументального, роскошного и одновременно утонченного явления в эстетике, которое пронзало лучами возрожденной античности, символами неоклассицизма все сферы жизнедеятельности высшего общества европейских стран (и даже среднего класса во Франции, Англии /регентский стиль/ и отчасти Италии и Швейцарии). И что же? Много ли могут интересного понять и поведать об этом элитном, дорогостоящем, аристократичном явлении сотрудники советских (и несоветских) кафедр и «музеев-заповедников»? Равно как и большинство их коллег из западных стран, ныне заразившихся левыми идейками. Благодаря не только моим историческим работам, но и режиссерским, певческим, благодаря моим политическим выступлениям, я получил возможность бывать в домах европейских аристократов-потомков действующих лиц наполеоновской эпохи. Не бахвальства ради: добывания фактических сведений и атмосферы ради я обращался к подобному во время всей работы над книгой и над множеством статей – и перечисляю сейчас! Очень показательным было сравнение упомянутых домов с часто вульгарным обиталищем отечественных нуворишей. А это весьма и весьма «кстати» для исследователя истории: вот вам раскрывается и местная тема неуклюжего копирования всего западного, и тема нуворишей во Франции в 1790-е гг., новой аристократии Французской империи 1800-х гг. и т. д. Графы Прованские и «Фамусовы», «Растиньяки» и «Маниловы», Фуше и Ростопчины, Жозефины до и после замужества за А.Ф.М. де Богарне – и многие другие «персонажи» оживают на глазах: и вы можете их исследовать прямо в интерьере! Практически лабораторная работа!

Я частый эксперт-участник политических ток-шоу – и опять это помогает историку проводить «лабораторную работу». Происходит живое общение с новыми «Скалозубами» в погонах (а антропологический тип не меняется) и с некоторыми лицемерными чиновниками, которые за кулисами не стесняются говорить, чем, на самом деле, для них является бюджет, выделенный, к примеру, на празднование юбилея войны 1812 года. А чернь, которую водят за 300–500 рублей закрикивать приличных гостей по хлопку администратора – это же кладезь для ученого! Вы проходите в коридоре перед или после эфира – и видите их взгляды: вот они – взгляды отрепья, пинающего безоружных французских пленных в 1812 году (от чего их спасали некоторые русские офицеры и дворяне), вот он – взгляд ненависти черни на дворян и интеллигенцию в России в первое десятилетие после 1917 года. Недалеко по морфологии мозга и по уменьшению наследственных патологий от них ушли и маргиналы, бесчинствующие после взятия королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г.: в тот день бывший свидетелем сего штурма молодой Бонапарт почувствовал отвращение – и не стал поднимать «жакерию» потом – в 1814 году!

А как «младшие научные» смогут понять такую важнейшую вещь в психологии общественных процессов, как зависть? Чтобы понять, как ненавидели исторического деятеля – надо, чтобы исследователь сам был хотя бы немного известен и вызывал какие-то сильные эмоции. Я повторяю: все, о чем я сейчас столь неожиданно для академического стиля толкую – это все

очень и очень важно со строго научной точки зрения! Это дает совсем иной уровень понимания явлений.

Да, вместе с тем, занятость, так сказать, «на многих фронтах» тоже отвлекает, отнимает силы и время. Поэтому некоторые места в отдельных главах книги еще могут требовать стилистических дополнений (однако это никак не влияет на концепцию и на ее доказательную систему). Но подобное – лишь подробность на полях. Важно дать теме новое дыхание, подумать о том, о чем еще не успели подумать, концептуально определить суть произошедшего в 1812 году.

Сколь неожиданными дорогами до нас доходят исторические документы и артефакты! Один из поклонников моих интервью и очерков на политические темы, ученый и коллекционер из США Игорь Горский, случайно обнаружил в провинциальном антикварном магазине в Англии рукопись знаменитого французского архивиста и историка рубежа девятнадцатого и двадцатого века Л. Маргерона с расписанием Великой армии перед началом кампании 1812 г. (ученые были уверены, что его исследование заканчивалось мартом 1812 г.) – и переслал ее мне. Другой пример. Когда по приглашению правительства Италии я снимал фильм «*Misteri del Golfo di Napoli*» («Мистерии Неаполитанского залива», Италия, 2012 г.), я получил возможность изучить не только местные архивы (с документами времен правления Иоахима Мюрата / Жоашена Мюра / и данными неаполитанских войсковых частей 1812 г.), но и изучить фонды музеев – в том числе с ампирной мебелью, принадлежавшей королю Иоахиму Наполеону (королевский титул Мюрата) и, что нам особенно интересно, направленной в 1812 г. в Италию для готовящегося визита императора Наполеона. Подобную же мебель я наблюдал и в римских музеях. Эти артефакты стали дополнительными косвенными свидетельствами того, что Наполеон изначально не планировал поход в Россию. Подобных замечательных примеров – множество!

Наконец, у меня появилась возможность стать коллекционером вещей наполеоновской эпохи, а это очень помогает в правильном понимании исторического контекста. Когда вы можете, не обращая внимания на график работы архива, держать в руках письма участников событий, когда вы видите фарфор и художественное стекло не только в альбомах или на выставках, но имеете случай ими воспользоваться, наслаждаться эстетически и информационно – вы приближаетесь к людям интересующей нас эпохи.

Абсолютное большинство изданий последних лет (да и десятилетий) потчуют доверчивого покупателя-читателя иллюстрациями тысячу раз опубликованными – и уже набившими оскомину. С недавнего времени картинки стали просто нагло и бездумно «скачивать» из Интернета – в ужасном качестве, безо всяких авторских прав и с неверными подписями, с ошибочной научно-предметной атрибуцией. Я очень рад и горд тем, что данную монографию я могу полностью проиллюстрировать экспонатами (картинами, гравюрами и литографиями, предметами декоративно-прикладного искусства, документами-автографами деятелей наполеоновской эпохи и т. д.) исключительно из моей личной коллекции, абсолютное большинство из которых незнакомо и специалистам по теме (и публикуются они впервые). Всё: от обложки – до форзацев! До меня подобного не делал ни один историк. Одновременно с этим я должен и предупредить: использование данных изображений возможно исключительно с моего личного согласия – в противном случае мои юристы устроят штурм ваших «Праценских высот».

Также хочу обратить внимание аудитории на то, что, в отличие от многих моих нерадивых коллег, которые спешат опубликовать типовые «басни», причем часто просто мошеннически меняя название на обложке (совсем не трудясь над созданием нового текста), я много лет не пользовался выгодами своего медийного имени и положения – и даже не переиздавал ставшую невероятно популярной и востребованной монографию 2004 года (перекупщики на «черном рынке» продавали ее по огромной цене). Я терпеливо и честно работал над новой

книгой (хотя настойчивых требований и соблазнительных предложений от множества издательств было хоть отбавляй).

Задумайтесь, дорогие читатели, сколько раз вы платите за ложь, за мифы, которыми пичкают вас уже двести лет? По вине развязавшего войну (и не первую – начиная с 1805 года!) императора Александра погибли сотни тысяч русских солдат и мирных жителей, по приказу российского командования уничтожались собственные села и города, финансы были порушены непомерными расходами на военный бюджет (еще до войны 1812 г. – в 1808 г., когда царь только начал готовиться к новому нападению на Францию). Затем бесконечные траты на годовщины, юбилеи, лживые учебники и агитационные материалы. Всё это – из вашего кармана. Недавний юбилей (в 2012 г.) – выделено более 2,4 миллиардов рублей! Чиновники замечательно отпраздновали, но что? К примеру, поражение русской армии в Бородинском сражении? А почему бы не отдать эти средства, например, пенсионерам, брошенным детям-сиротам или на ремонт больниц?

К бестолковым тратам госбюджета прибавляются и деньги доверчивых частников, накаченных пропагандой 200-летней «настойки» (но, безусловно, это «копейки» в сравнении с тратами общественного бюджета). Может ли здравомыслящий человек относиться к подобному без возмущения?

Но вернемся ближе к сюжету 1812 года. Вульгарная юбилейная киноподелка «Василиса» посвящена мифологемному персонажу: некоей Василисе Кожиной, которая якобы (по слухам...) убила безоружного французского пленного и еще была «конвойной». Велико героичество для христианки и весома тема для кинематографа XXI века! Ни-ка-ких прямых документов историки об этом не имеют, но бюджет фильма составил 7 миллионов долларов! А какие сборы? Всего около 302 тыс. долларов! То есть даже при колоссальной государственной (бюджетной) рекламе в СМИ, на фестивалях, даже не очень интеллектуальные зрители, готовые «клюнуть» на мифических «старостях», на эту пошлость наплевали (сравните со сборами тех же американских лент или фестивального европейского кино, отснятого «за копейки», но со смыслом). Возникает вопрос: а зачем в XXI веке бросать миллионы на опусы про лубочную «старостиху»? Как быть с несоразмерностью затрат и сборов? Кто за это отвечает? При этом вся компания участников процесса – называется «патриоты». Показательно то, что фильм планировался к выходу в 2012 г., но все затянулось (бюджет – штука лакомая), и поделка вышла лишь в 2014 г. По пути сменился и «патриот»-режиссер (с Д. Месхиева на А. Сиверса). Ни один, ни второй – ни до, ни после съемок – никак в серьезном внимании и изучении темы 1812 года и наполеоновской эпохи публично не отметились. Просто, так сказать, «к дате» освоили бюджет? И все вы знаете про еще одного усатого товарища, регулярно осваивающего бюджеты на пропагандистские киноподелки, которые не окупаются в прокате и давно не имеют никаких художественных качеств (почему и тут же забываются, но бюджет уже не вернуть). Вот и задумайтесь, уважаемые читатели, над тем, кого вам пытаются продать с «биркой» «патриот», а кого клеймят «непатриотами».

В итоге мне вспоминается название, которым замечательный литератор Дмитрий Быков озаглавил интервью, взятое у меня для газеты «Собеседник» (№ 34, 17 сентября 2012 г.): «Историк Евгений Понасенков: В войне 1812 года власть поимела россиян!» Дело в том, что эта фраза была уже из телефонного разговора за пределами основного интервью, но... но фраза показательная.

Я наблюдаю за происходящим в научных кругах и в обществе в целом и могу только призвать к тому, чтобы, наконец, завершить «войну», которая до сих пор продолжается – только в иных формах. Мы должны стать мудрее и выше устаревших склок и споров. Достижения лучших умов человечества позволяют нам не сидеть «по окопам». Отдельно хочется пожелать, чтобы государственная машина оставила историю историкам и не пыталась больше изобретать

монструозные мифы. Я далек от надежды, что все вышеперечисленное исполнится – но пусть эти мои пожелания останутся на бумаге...

Показательно: все последние годы мою концепцию в отношении истории 1812 года активно поддерживали многие видные ученые. Среди них: доктор исторических наук А.Н. Сахаров (17 лет возглавлявший Институт истории РАН, а до этого – главный редактор издательства «Наука»); знаменитый специалист, автор солидных монографий по эпохе 1812 года, доктор исторических наук, профессор Н.А. Троицкий (сохранившаяся в моем архиве наша переписка еще ждет отдельной публикации); известный знаток войн наполеоновского времени, внимательный архивист А.А. Васильев – и многие другие. Есть и те, кто придерживаются и доказывают сходные с моими идеи, однако в силу своих амбиций не очень любят ссылаться (например, О.В. Соколов). Однако это в данном разговоре не так важно: а важно то, что названные мною исследователи являются ведущими специалистами и имеют международное имя! Так вот, крупные специалисты, что называется, «на моей стороне» – а кто «против»? А «против» (и то, как правило, не открыто, а «на кухне») – лишь некоторые «сотрудники» музеев и прочих бюджетных организаций, которые чувствуют опасность своему положению, исходящую от разоблачения мифов, на которых все их типовые косноязычные статейки, экскурсии, гранты, учебно-методические пособия и прочее держатся! Особенно «нервно» относятся приспешники мракобесов, получающие гранты не только из госбюджета, но и от клерикальных контор. А, кроме того, никто не отменял эволюции – и того, что осталось в лимбической системе приматов от их далеких эволюционных предков: зависть и доминантность. Да и сама морфологическая изменчивость головного мозга (специальный термин нейрофизиологии) объективно не позволяет многим охватить масштабные идеи. Все это, дорогой читатель, необходимо помнить при чтении как самой монографии – так и нервической графомании, которая, вероятно, начнется у многих после ее публикации.

После многочисленных докладов, сделанных мной на международных научных конференциях в музее-панораме «Бородинская битва», в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, в Государственном литературном музее, в Государственном историческом музее, в Центральном доме ученых РАН, в РГГУ, в МГУ и т. д.; после десятков опубликованных в научных изданиях ВАКа статей, после множества моих авторских документальных фильмов и интервью для центральных СМИ разных стран (включая такие известные издания, как французское «Фигаро» или российский аналитический еженедельник «Коммерсантъ-Власть»), важной ступенью признания моей концепции стал доклад, представленный мною на заседании Научного совета Российской академии наук 26 июня 2014 г. («Две модели реформирования Европы: Наполеон и Александр I»). Он был посвящен самой принципиальной теме – и во многом подводил итог моим исследованиям. Затем в 2015 г. этот доклад был опубликован в официальном издании РАН (то есть успешно прошел все редактирующие инстанции). Таким образом, только ущербные маргиналы и дешевые фальсификаторы смеют сегодня тщиться принизить уровень признания моих работ.

Я убежден, что современный человек достоин знать Правду об Истории. Для зрелого общества, лишенного социально-психологических комплексов – это норма (а для закомплексованных – наоборот...). Но моя книга – это еще и Реквием по погибшим солдатам и офицерам, а также по гражданским лицам с обеих противоборствующих сторон, и обличение тех, кто стал виновником конфликта, а затем совершал преступления в ходе кампании. Всё это важно узнать именно в строго научном изложении, чтобы избежать подобных трагедий в будущем.

Историография

История составляет в России часть казенного имущества, это моральная собственность венецосца, подобно тому, как земля и люди являются там его материальной собственностью; ее хранят в дворцовых подвалах вместе с сокровищами императорской династии, и народу из нее показывают только то, что сочтут нужным. Память о том, что делалось вчера, – достояние императора; по своему благоусмотрению исправляет он летописи страны, каждый день выдавая народу лишь ту историческую правду, которая согласна с мнимостями текущего дня. Так в пору нашествия Наполеона внезапно извлечены были на свет и сделались знамениты уже два века как забытые герои Минин и Пожарский: все потому, что в ту минуту правительством дозволялся патриотический энтузиазм.

Маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин

И если все принимают ложь, навязанную партией, если во всех документах одна и та же песня, тогда эта ложь поселится в истории и становится правдой. «Кто управляет прошлым, – гласит партийный лозунг, – тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым».

Джордж Оруэлл, «1984»

Иные так расхваливают свою родину, словно мечтают ее продать.

Жарко Петан

Из множества нулей получают отличные цепи.

Станислав Ежи Лец

I

В рамках данной главы нет надобности и смысла углубляться в подробное описание многих тысяч разного объема и качества книг и статей, посвященных истории войны 1812 года. Нам важно узнать основные этапы историографии, назвать ключевых историков темы, а главное – выявить те часто *скрытые пружины*, которые двигали авторами. Подчеркну, что никто до сей поры практически не обращал внимания на биографию исследователей и психологический контекст написания той или иной работы.¹ Интересно проследить, кем создавался миф о 1812 годе, каким образом ученым затем удалось начать его разоблачать – и как в наши дни снова пытаются надеть на сгнивший скелет фальсифицированной истории истлевшую, но позолоченную «хламиду» государственной пропаганды.

Как же так? Вдумайтесь: до 1839 года, когда был издан царский официоз, о котором я скоро расскажу, **в течение 27 лет (!) войну 1812 года никто не называл «Отечественной»** (в смысле идейного значения). То есть для участников и современников она таковой точно не

¹ Интересующиеся подробным перечислением элементов историографии темы могут обратиться к следующим изданиям: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991; Шеин И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013 (данная работа претендует на подробное исследование, но она страдает «белыми пятнами» и небрежностью, а также нередко и тенденциозностью в оценках); Palmer A. Napoleon in Russia. L., 1997, p. 273–296.

являлась: они прекрасно знали и помнили, что параллельно с военными действиями против армии Наполеона (а этот конфликт, как вы узнаете из последующих глав, развязали сами русские) в России происходила настоящая *гражданская война* – прежде всего, крестьянская. Все сословия были разобщены, никто не хотел «сплотиться вокруг трона» (эту басню выдумали позднее), в Петербурге зрел дворцовый переворот, крестьяне убивали помещиков, помещики трусливо бросали свои имения, горожане не хотели защищать свои города (вернее, пепелища – ведь населенные пункты уничтожались по распоряжению русского командования). Крестьяне и казаки грабили города единоверцев, солдаты мародерствовали и даже опустошали православные церкви. Российские генералы умудрились проиграть Наполеону все сражения: и именно поэтому **ни один (!) русский генерал-участник войны не написал книгу по ее истории!**

Повторяю: поразительно, но об этом не задумывались мои предшественники – все сотни русских генералов и полковников (участников событий 1812 г.) бестолково висели портретами в Военной галерее Зимнего дворца, но ни один из них не написал книгу, посвященную войне 1812 года (только М.Б. Барклай де Толли, которого «затравили» за бегство армии от границ, был вынужден отписаться оправдательной брошюрой исключительно о своем поведении в первые недели кампании)! Это ведь оглушительно интересно: ни сам царь не отдавал соответствующего распоряжения, ни такой известный идеолог, как А.С. Шишков (1754–1841), или фаворит-распорядитель Россией А.А. Аракчеев (1769–1834) – никто не написал книгу, предположим, с названием «Отечественная война». Данное название, под которым мы знаем о тех событиях, было спущено сверху лишь позднее. Никто из перечисленных и *всех* прочих даже не заказал какому-нибудь историку, писателю или просто секретарю сочинить упомянутый труд! Почему? Ответ прост: **правда была настолько нелицеприятна и постыдна**, говорила о преступлениях такого количества русских чиновников и военных, открывала такие идейные язвы, что ее опасно было касаться. Обо всех этих ужасах вы узнаете из нижеследующих глав – и, я убежден, что, узнав о произошедшем из документов, вы бы сами трусливо и малодушно приняли решение молчать обо всем у вас на глазах случившемся.

Да, трудов опубликовано не было, зато русские участники событий вели поденные дневники, писали личные письма (как правило, многое замалчивая: зная, что есть большая вероятность перлюстрации корреспонденции), а также сочинения мемуарного рода – но пока в стол. Эти документы я буду цитировать далее сотнями, но приведу сейчас несколько характерных цитат, которые как раз объясняют то, почему их невозможно было опубликовать в книгах тех лет. К примеру, офицер лейб-гвардии Семеновского полка Александр Васильевич Чичерин (1793–1813) записал **о мародерстве и бесчинствах разлагающейся русской армии образца 1812 года** прямо на бивуаке: «Все грабят и тащат наперегонки и похваляются этим... Кто же эти варвары? Это мы, русские...»² Николай Васильевич Басаргин (1800–1861) позднее так характеризовал происходящее в 1812–1815 гг.: после оккупации Франции европейские монархи-коалиционеры начали «делить Европу как свое достояние».³ Офицер Преображенского полка Александр Викторович Поджио (1798–1873) был вынужден признать чудовищность итогов произошедшего: «Александр образует Священный союз. Охранение прав царских и бесправия народов служило основанием этому Союзу, равно бесчеловечному и безрассудному».⁴

Полагаю, что даже большинству так называемых специалистов по эпохе 1812 г. не знакомо имя офицера русской армии Карла фон Мартенса. Его записки не были опубликованы при жизни автора, а когда вышли в свет в 1902 г., то остались незамеченными. Среди прочего он рассказывает об адъютантах М.Б. Барклая де Толли: они имели свободный доступ в его каби-

² Чичерин А.В. Дневник. М., 1966, с. 188.

³ Басаргин Н.В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988, с. 55.

⁴ Поджио А.В. Записки. Письма. Иркутск, 1989, с. 10.

нет, могли изучить оперативные планы русского командования перед войной – и даже сняли с них копии! Сам К. фон Мартенс тогда же видел эти копии и проанализировал их. Он пишет, что «существовал план сосредоточить в тайне войска на берегу Немана и двинуть их двумя отдельными корпусами, каждый в 120 000, на Берлин и на Бреслау».⁵ Сегодня ученые располагают сохранившимися подлинными документами с наступательными планами русского штаба (подробнее о них – в соответствующей главе). Но в послевоенную пору необходимо было, с одной стороны, изображать миролюбивую жертву, с другой, оправдывать бегство от границ до Москвы и Тарутинского лагеря позднейшей выдумкой про «скифский план».

Теперь, я полагаю, вы начинаете догадываться, почему современники событий или стыдились, или боялись пытаться опубликовать книги, посвященные войне 1812 г.

Любопытно и парадоксально (но лишь на первый взгляд): уже в 1810–1820-е гг. в Европе появляется масса полноценных книг-описаний (по 400–800 страниц), посвященных Русской кампании Наполеона – с картами и гравированными портретами (в соответствующих главах я буду обильно цитировать эти издания). Такие книги выходили в Англии, в Пруссии, во Франции – всюду, только не в России!⁶ Автором первого и небольшого по объему русского сочинения о войне 1812 года был офицер с армянскими корнями Дмитрий Иванович Ахшарумов (Ахшарумов Гайк Ованесович: 1785–1837), оно вышло в 1819 году и называлось просто: «Описание войны 1812 года», то есть сугубо идеологический термин «Отечественная» на обложке не значился.⁷ Всего одна работа – и это за 7 послевоенных лет!

Как это ни удивительно, но мои коллеги почему-то не сочли должным изучить сие первое из созданных русскоязычных описаний войны 1812 года. Я же нашел его и внимательно прочитал. Конечно, оно полно разухабистого славословия в адрес монарха, много «воды» про отвлеченные материи, но целый ряд концептуально важных тезисов просто удивляют своей откровенностью. Безусловно, подобное не было следствием поисков истины: просто уж слишком фантазмагорическая лож могла бы доставить автору не самое лучшее положение в обществе живых свидетелей. Сравнивая объективно пропагандистскую книжку Д.И. Ахшарумова с, предположим, советскими изданиями 1940–1980-х гг., я пришел к поразительному выводу: она гораздо менее искажает историю и содержит ряд оценок, которые затем были нарочито перевернаны в угоду официальной версии событий.

Приведу примеры. Война не называется «Отечественной»; антифранцузские коалиции 1805–1807 гг. не преподносятся как оборонительные предприятия России (с. 2–3); признается, что в 1810 году Наполеон мог спокойно утвердить свою династию и царствовать еще долго (с. 5); открыто утверждается, что общество расценивало Тильзитский мир как «перемирие» перед новой войной (с. 6); признается, что царь планировал напасть первым, но временное отстранение от борьбы его бывших союзников (Австрии и Пруссии) поменяло его намерения

⁵ Мартенс К. фон. Из записок старого офицера. // Русская старина, 1902, № 1, с. 104.

⁶ К примеру: M'Queen J. The campaigns of 1812, 1813, and 1814: also the causes and consequences of the French Revolution, to which is added the French confiscations, contributions, requisitions... from 1793, till 1814. Glasgow, 1815; Segur Ph. de, General, comte. Histoire de Napoleon et de la grande armee pendant l'annee 1812. Brussels, 1825; Pepler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland vom Jahre 1812 bis 1814. Worms, 1832 и т. д.

⁷ Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 года. СПб., 1819, 294 с. Стоит оговорить, что количество печатных знаков на странице было совсем небольшим – примерно треть от того, что вы видите в данной книге, то есть все сочинение укладывалось страниц в сто, а то и менее. Также упомяну, что еще в 1813 г. Д.И. Ахшарумов по приказанию М.И. Кутузова быстро сработал коротенькую брошюру, посвященную событиям 1812 года (подробнее: Шведова Н. Кем и когда была написана первая история войны 1812 года? // Родина, № 6–7, 1992, с. 103) – с целью попытаться изобразить их в нужном именно М.И. Кутузову виде. Это анонимное сочинение, естественно, не содержало термина «Отечественная война», а называлось «Историческое описание войны 1812 года». В то время Д.И. Ахшарумов служил капитаном лейб-гвардии Егерского полка и адъютантом командира 3-го пехотного корпуса П.П. Коновницына. В 1813 г. вышла еще одна компиляция из реляций (но не исследование) Я.С. Деминского: Поход Наполеона в Россию, или Описание происшествий, бывших в России, в 1812 году, во время нашествия французов с народами почти всей Европы и бегства их. / Сочинил из донесений российских полководцев, государю императору, разных журналов, особенных известий и доказательств очевидных свидетелей. Яков Деминский. В Санктпетербурге: В Морской типографии, 1813.

(с. 11–12); сообщается, что уже с 1810 года русская армия была «усилена» для предстоящей войны (с. 12). Приводится поразительно точное (как историки уже знают из позднее открывшихся французских документов) расписание и списочное число армии Наполеона (включая вяло действовавший австрийский вспомогательный корпус) – **414 500 человек** (с. 22). То есть ни о каких «полчищах» в «600–650» тыс. чел. речи не идет: по всей видимости, Д.И. Ахшарумов пользовался данными подлинных ведомостей, опубликованных вскоре после войны генералом Ф.Ф.Г. де Водонкуром,⁸ или качественными сведениями русской разведки. Люди 1819 года не поверили бы в огромные цифры, внушаемые пропагандой через сто и более лет.

Это поразительно, но Д.И. Ахшарумов не считает возможным умолчать при живых свидетелях и о невыполнимом ультиматуме, брошенном царем Александром Наполеону весной 1812 года (с. 10–11). Все вы много раз слышали ложь о том, что Наполеон перешел Неман без объявления войны: на самом деле, как нам сегодня известно из документов, первым и задолго до Наполеона войну Франции официально объявил Александр I. В этом пункте Д.И. Ахшарумов несколько привирает, хитро изображая оба факта как бы одновременными: «...послы обеих Держав получили свое отправление и война сделалась неизбежною» (с. 11). Автор также постыдился и не смог назвать Бородинское сражение победой русских, хотя был вынужден долго разглагольствовать о стойкости – и прочих филологических ухищрениях, используемых для оправдания позора и провала (с. 118 и др.). Новоявленный русский историк признает, что сражаться с «природой и стихией» войскам Наполеона было еще «труднее», чем с русской армией (с. 292). А теперь – внимание: первый русский историк 1812 года и современник событий полагает, что после всех сражений 1812 г. Россия не является победительницей. Более того: по его мнению, Наполеон был вполне в силах совершить новый поход в 1813 году! Этот тезис нам надо будет вспомнить в соответствующей главе данной монографии, когда мы станем анализировать итоги войны и характер продолжения кампании в 1813 г. Послушаем Д.И. Ахшарумова: пожертвовав многим, Россия «...ничего бы еще не выиграла, и что новая в ней война была бы еще ужаснее настоящей...» (с. 281).

Но зададимся вопросом: что же в таком случае скрыл первый пропагандист темы 1812 года? А скрыл он гораздо более важные для режима вещи: а) постоянные и очевидные ошибки русских генералов, б) трусость и полководческую немощь царя, в) преступления командования (уничтожение населенных пунктов, собственных раненых), г) **гражданскую войну в России**, когда сословия не сплотились вокруг трона, а начали склочничать, причем в десятках губерний вспыхнули крестьянские бунты. Эта книжка была издана не для внешнего, а для внутреннего употребления и назидания. Однако данное сочинение не переиздавалось, и его автор не получил больших благ: по всей видимости, царю и чиновникам работа Д.И. Ахшарумова не показалась достаточно сервильной и красивой.

Ну и напоследок – о том комическом, что до меня никто не заметил. Россия, конечно, шла «своим путем», графоманы кричали об исключительности и величии, некоторые уже старались «очистить» русский язык от иностранных слов (а что бы осталось? «история», «император», «царь», «христианство», «генерал» – эти слова пришлось бы запретить первыми...), однако «патриоты» продолжали воровать у «вражеского» Запада все элементы цивилизации. Поэтому на титульной странице первой русской истории войны 1812 года главным и единственным эстетическим декоративным элементом награвирован контур **французского меча «гладиуса»**, макет которого в 1794 г. создал великий художник Ж.-Л. Давид (1748–1825), незадолго перед тем проголосовав в Конвенте за казнь короля Людовика XVI (1754–1793).⁹ Позднее Ж.-Л. Давид станет главным придворным художником императора Наполеона Вели-

⁸ Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812; avec un atlas militaire, par un officier de l'état-major de l'armée française. P., 1817, v. I, p. 49–52.

⁹ Сам подобный меч и подробности его создания – см.: Вершителю роковой безвестного велья. Исторические и художественные ценности Наполеоновской эпохи из частных собраний. Книга первая. М., 2004, с. 188–189.

кого. Стоит подчеркнуть, что живописец вдохновлялся античными предметами – и меч тот был плоть от плоти истории легионов древнего языческого Рима.

А теперь – *принципиально* важная информация: первое и единственное за период 1812–1839 гг. серьезное исследование войны 1812 года было написано в начале 1820-х годов Дмитрием Петровичем Бутурлиным (1790–1839), причем – на *французском языке!* В 1823–1824 гг. его практически одновременно издали в Париже и в Санкт-Петербурге: в русском переводе – «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году». ¹⁰ И снова мы видим, что ни о какой «Отечественной» войне и речи в ту пору идти не могло! Стоит упомянуть, что в 1812 г. Д.П. Бутурлин служил подпоручиком в Свите Его Императорского Величества.

В 1829 году снова в Париже полковник Николай Александрович Окунев (1788–1850) опубликовал небольшую работу, посвященную рассмотрению лишь некоторых военных аспектов событий 1812 года; в 1833 г. она была переведена и издана в России – и снова термина «Отечественная война» не значится: «Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году». ¹¹ Всё: больше русских книг, посвященных исследованию войны 1812 года до 1839 г. не существует: лишь три наименования, два из которых изначально написаны на французском языке (потому что почти все образованные люди общались именно на нем). Отдельные, как правило, безымянные заметки и заздравные безвкусные оды знакомым генералам серьезного упоминания не заслуживают.

И вот, наконец, пространное сочинение бывшего адъютанта М.И. Кутузова А.И. Михайловского-Данилевского (1789–1848) стало на долгие годы почти монопольным вариантом истории войны 1812 года: создало миф, во многом сфальсифицировав суть произошедшего. **Именно тогда – только в конце 1830-х годов, отчасти специально к юбилейным торжествам появился термин «Отечественная война»** применительно не к территории, а к характеру столкновения. А.И. Михайловский-Данилевский – этот незаметный ранее человек в малюсеньких очках – смастерил большую историческую неправду. Как можно всерьез воспринимать текст, который начинается столь смехотворно (из вступления к книге):

Счастливый жребий быть исполнителем **Высочайшей ВАШЕЙ** воли пал на меня. С благоговением дерзаю повергнуть труд мой к священным стопам **ВАШИМ**.

всемилоостивый государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

верноподданный

Генерал-Лейтенант Михайловский-Данилевский. ¹²

¹⁰ Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: с официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. СПб., 1823, т. 1. [2], XVI, 428, [7], 11 с., [3] л. ил., карт.; Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. Par le colonel Boutourlin, aide-de-camp de S. M. l'Empereur de Russie. Paris – Saint-Petersbourg, 1824, t. 1, X, 392 p.; t. 2, 459 p.

¹¹ Okouneff N. Considerations sur les grandes operations, les batailles et les combats de la campagne de 1812 en Russie. P., 1829; Окунев Н.А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1833; Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году, генерал-майора Николая Окунева, сочинителя Рассуждений о новейшей системе войны, Истории Итальянского похода в 1800 г. и рассмотрения свойства трех родов войск. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: [В типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи], 1841. [6], XXXII, 266 с.

¹² Михайловский-Данилевский А.И. Описание отечественной войны 1812 года по **ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ**. СПб., 1840, ч. I, с. X. Автор работал над созданием своей книги несколько лет – и первое издание данной книги вышло в свет в 1839 году.

Подобное стыдно читать: ведь на дворе уже вовсю шел девятнадцатый век – с его вольтовым столбом, железными дорогами, объяснением космоса, либеральными конституциями и плебисцитами. Наблюдая такое провинциальное и отсталое холуйство от генерала, невольно начинаешь доверять известным свидетельствам маркиза А. де Кюстина о российском обществе... Сами же участники войны 1812 года относились к А.И. Михайловскому-Данилевскому сильно неоднозначно, многие его презирали и открыто называли «лакеем» и «баснописцем».¹³ Еще один показательный рассказ из эпохи создания имперского мифа о войне 1812 г.: «В 1843 году военный министр князь Чернышев был отправлен с поручением на Кавказ. Думали, что государь оставит его главнокомандующим на Кавказе и что военным министром назначен будет Клейнмихель. В то время Михайловский-Данилевский, известный военный историк, заботившийся в своем труде о том, чтобы выдвинуть на первый план подвиги тех генералов, которые могли быть ему полезны, и таким образом проложить себе дорогу, приготавливал новое издание описания войны 1813–1814 годов. Это издание уже оканчивалось печатанием. Меншиков сказал: «Данилевский, жалея перепечатать книгу, пускает ее в ход без переделки; но в начале сделал примечание, что все, написанное о князе Чернышеве, относится к графу Клейнмихелю».¹⁴

Всерьез, на концептуальном уровне книгу А.И. Михайловского-Данилевского сегодня воспринимать нельзя, но надо помнить о том пагубном влиянии, которое сочинение «лакея» долго оказывало на историков, вынужденных слушаться концепции, спущенной от самого царя.

Возвращаясь к проблеме того, что многим в России память о войне 1812 года была неприятна, стоит вспомнить о **трудностях**, которые возникли у А.И. Михайловского-Данилевского во время сбора материалов для книги: «В архивах царил, по словам самого рижского генерал-губернатора Палена, «крайний беспорядок». Некоторые представители местных властей выступили против сбора материалов. Об этом сообщили Михайловскому-Данилевскому из Воронежа, Риги, где, как писал местный корреспондент, чиновники вряд ли станут собирать достоверные документы о неудачных действиях бывшего в двенадцатом году рижским губернатором Эссена, который является тестем нынешнего (1836 г.) генерал-губернатора Палена, «из опасения повредить памяти столь близкого родственника барона Палена»».¹⁵

Между тем излишним будет сказать пару слов об авторе «Описания отечественной войны в 1812 году, по Высочайшему повелению» (именно такое смехотворное название имела книга: будто бы сама война происходила «по Высочайшему повелению Николая I»!). Биография Александра Ивановича Михайловского-Данилевского весьма показательна: сын директора Государственного заемного банка, он окончил *немецкое военное училище* при церкви Св. Петра (St. Petri-Schule: Петришуле) в Санкт-Петербурге, в 1801–1807 гг. служил в Государственном заемном банке. В 1808–1811 годах учился в Геттингенском университете, с октября 1811 г. служил в Министерстве финансов, а с начала кампании 1812 года – определен адъютантом к Кутузову.¹⁶ Вот так отечественные казенные «патриоты» делали «военные» карьеры, а затем лепили мифы государственной пропаганды.

И еще одна характерная деталь (на нее не обращают внимания мои коллеги): **А.И. Михайловский-Данилевский составил описания войн, предшествующих 1812 году – и в их названиях выдал суть произошедшего:** «Описание первой войны импера-

¹³ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1901, с. 329; Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962, с. 491; Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1977, с. 225.

¹⁴ Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий. СПб., 1885, с. 247.

¹⁵ Малышкин С.А. Из истории создания А.И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году». // Материалы научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» 1993 г. Бородино, 1994, с. 39.

¹⁶ Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004, с. 468–469.

тора Александра с Наполеоном в 1805 г.» (СПб., 1843), «Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг.» (СПб., 1846). И после подобного вдруг, ни с того ни с сего, получилась «Отечественная» война и «нашествие Наполеона»?! Однако читатель со здоровым мозгом сразу разоблачит подлог – и поймет, что если «император Александр» осуществлял агрессию в упомянутые годы, то он или продолжит подобные действия в будущем, или сами упомянутые войны спровоцируют очередную. Любопытно, что в сочинении 1845 года Александр Иванович так вошел в верноподданнический раж, что «выдал» собственного монарха, сообщив буквально в начале книги, что именно Александр устроил войну 1805 года, хотя «Австрия и Пруссия желали сохранить мир»! Более того, автор полностью разоблачает царя: «Здесь убеждаемся в истине, что готовясь к первой войне с Наполеоном, Император Александр мыслил так же, как в последнюю борьбу с ним, в 1814 году...»¹⁷ Кроме того, официальный историограф объединяет войну 1812–1814 гг. в единый конфликт.¹⁸ Вот что значит потерять контроль в деле лизоблюдства: любое действие правителя становится прекрасным и оправданным – и человек, с психологической точки зрения, расслабляется и может *проговориться*.

Однако именно мифология, созданная А.И. Михайловским-Данилевским, прочно утвердилась в качестве главной и почти монополюсной. Выдуманные «победы» русской армии, выдуманный образ благостного царя – все это было напечатано большим тиражом, причем много раз переиздавалось. Единственные более-менее позитивные нюансы деятельности данного автора были: а) краткие записки-воспоминания, составленные по его запросу некоторыми незначительными участниками (эти материалы сохранились в архивах) и б) относительно точные и подробные карты и схемы.

Итак, общество николаевской России «взяло под козырек» – и приняло новый вариант своей недавней истории. Сопrotивление было бы подобно «бунту» и «вольтерьянству». Вспоминаются известные слова современника событий 1812 года, маркиза Астольфа Луи Леонора де Кюстина (1790–1857), который со стороны все видел объективно – и как иностранец мог не бояться выражать свои мысли (тем более уже покинув пределы Российской империи): «Лгать в этой стране означает охранять общество, сказать правду значит совершить государственный переворот» (подробные выдержки из его сочинения о России – см. в главе «Документы»).

Вот удивительное по точности свидетельство де Кюстина о том, как российское государство управляется с историей:

«История составляет в России часть казенного имущества, это моральная собственность венценосца, подобно тому, как земля и люди являются там его материальной собственностью; ее хранят в дворцовых подвалах вместе с сокровищами императорской династии, и народу из нее показывают только то, что сочтут нужным. Память о том, что делалось вчера, – достояние императора; по своему благоусмотрению исправляет он летописи страны, каждый день выдавая народу лишь ту историческую правду, которая согласна с мнимостями текущего дня. Так в пору нашествия Наполеона внезапно извлечены были на свет и сделались знамениты уже два века как забытые герои Минин и Пожарский: все потому, что в ту минуту правительством дозволялся патриотический энтузиазм».¹⁹ Этот документ эпохи нам особенно важен, учитывая, что он был написан де Кюстином буквально *в те же самые месяцы*, в которые упомянутый А.И. Михайловский-Данилевский сочинял свой миф-фальсификацию о войне 1812 года!

А сейчас я вам расскажу поистине **прекрасную историю**, о которой, я уверен, большинство из вас не знает. Очень интересно, какова же была реакция российских властей – а главное,

¹⁷ А.И. Михайловский-Данилевский. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Т. 1. СПб., 1846, с. 2–3.

¹⁸ Там же, с. 1.

¹⁹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб., 2008, с. 645–646.

какими методами они решили бороться с влиянием книги французского путешественника. Совсем недавно этот сюжет был документально исследован В.А. Мильчиной и А.Л. Основатом. Предоставляю им слово:

«Первым русским откликом на книгу Кюстина следует считать донесение того же Толстого – с 1837 г. тайного агента III Отделения в Париже – шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу от 27 мая / 8 июня 1843 г. Сообщив, что 8/20 мая (то есть ровно через неделю после выхода книги из печати) он послал новую книгу о России в Петербург пароходом из Гавра... Толстой был готов тотчас написать опровержение (для того, чтобы вовремя опровергать «клеветы» на Россию, его и держали в Париже под видом корреспондента Министерства народного просвещения). Однако Кюстин упомянул – и весьма неллицеприятно – Толстого в своей книге, назвав его брошюру «Взгляд на российское законодательство» (1840) «гимном в прозе деспотизму». Поэтому, чтобы не быть заподозренным в желании отомстить за себя самого, Толстой решил (как делал очень часто) опубликовать свою критику под чужим именем и уже нашел верного человека, которому было поручено прислать текст опровержения «из Франкфурта».

Между тем у начальства были другие виды. В записке, датированной 19 июня 1843 г., министр просвещения С.С. Уваров изложил свой взгляд на книгу Кюстина и способы борьбы с нею: не опровергать Кюстина впрямую и от лица русских, но найти в Париже, «где – при соблюдении некоторых предосторожностей – все покупается и – при наличии определенной ловкости – все продается», именитого писателя, купить его услуги и издать под его именем труд, который Уваров брался написать сам, – апологию российского государственного устройства, зиждущегося на неразрывной связи императора и его народа (той самой связи, в которой дерзнул усомниться Кюстин).

Первоначально на роль известного писателя, который бы «предоставил свое имя в распоряжение русских», прочили Бальзака (см. депешу российского поверенного в делах Н.Д. Киселева от 12/24 июля 1843 г., извещающую о его скором приезде в Россию и предлагающую использовать его в этом качестве), однако предложение то ли не было принято, то ли (что более вероятно) даже не было сделано (единственный намек на эту ситуацию в письме Бальзака к Э. Ганской нимало не проясняет дела; «Здесь ходят слухи, – сообщал он ей из Парижа 3/15 ноября 1843 г., по возвращении из России, – что я пишу опровержение на Кюстина и получил за это в России немало серебряных рублей. Я отрицаю только рубли! остальное вы знаете»).

Вместо этого в сентябре 1843 г. в Париже была выпущена (анонимно) брошюра русского дипломата польского происхождения К. Лабенского «Реплика о книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», сочинение русского автора», присланная из Петербурга в русское посольство в Париже и вверенная Н.Д. Киселевым попечению Я.Н. Толстого, который и занялся ее изданием. Сам Толстой, однако, был не слишком доволен в эту пору брошюрой Лабенского. «Рукопись написана превосходно, но она ничего не опровергает, жаловался он Бенкендорфу 2/14 сентября 1843 г., – это не более чем блестящее и очень пространное рассуждение о духе сочинения Кюстина вообще, рассуждение с немалыми претензиями, чересчур чопорное, чересчур манерное и, простите мне это выражение, слегка притянутое за волосы. Не так пишутся обычно подобные памфлеты; это – великолепная сатира, которой недостает только рифмы».²⁰

Таким образом, честь России и «государя» русские чиновники решили защищать самыми бесчестными и бессовестными методами и подлогом. Интересно, что проплаченная и агрессивная пропаганда на Западе – это отнюдь не изобретение советской номенклатуры: выше мы видели описание примера подобного уже в первой половине девятнадцатого века.

Более того: **еще в эпоху 1812 г. российское правительство уже начало свою пропаганду изнутри европейского общества.** Вот что писал путешественник и литератор

²⁰ Мильчина В.А., Основат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008, с. 719–720.

Е.П. Ковалевский (1809–1868) в биографии министра юстиции и внутренних дел с «говорящей» фамилией Блудов (Д.Н. Блудов: 1785–1864): Александр I внимательно относился к зарубежным СМИ, «...журнальная же пресса... особенно в Англии и Германии, была сильно возбуждена против нас. Для противодействия этой прессе, для опровержения клеветы и распространения истины (ну, да, конечно... прим. мое, Е.П.), государь, по мысли графа Каподистрии (Иоанн Каподистрия (1776–1831) – грек, министр иностранных дел России в 1816–1822 гг.: прим. мое, Е.П.), назначил во Франкфурт особенное лицо (Фабер), которое должно было следить за журналами европейского материка, вступить в сношения с влиятельными редакторами, доставлять им материалы или уже готовые статьи... Такого же рода поручение возлагалось на Блудова в отношении журналов английских и американских...»²¹ Подобную же деятельность вел позднее и СССР, внедряя в западное общество самые кошмарные левацкие идеи: и плоды этого мы пожинаем сейчас (среди прочего, именно вскормленные «совдепией» и проникшие к власти в СМИ, в университетах и в парламентах левые пустили варваров в Европу, после чего начался разгул терроризма). Я напомним: И. Сталиным было создано Советское информационное бюро с представительствами в зарубежных странах. В 1953 году, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 28 марта 1953 года Совинформбюро на правах Главного управления вошло в Министерство культуры СССР (хитро...), а 5 января 1961 года Совинформбюро было ликвидировано – и на его базе создано контора со вполне безобидным названием «Агентство печати «Новости»».

Что же касается пропаганды внутри самой России, то с ее устройством было, как ни странно, несколько сложнее: дело в том, что абсолютное большинство населения не умело читать (все крестьянство, все солдаты, бóльший процент унтер-офицеров, значительный процент попов и купечества, а также обитатели недавно присоединенных азиатских степей), а радио и ТВ пока не изобрели (зато в наши дни эти ресурсы зомбируют население самым чудовищным образом). В 1812 году решили срочно «гнать пропаганду» – и издавать журнал с эффектным названием «Сын отечества». Ну и что дальше? Это была официальная *агитка*, которую создали по приказу небезызвестного изобретателя идеологических «уток», попечителя Петербургского учебного округа и любителя красивых юношей С.С. Уварова (1786–1855), и начала она выходить только в конце 1812 года. Предназначалась агитка «для помещения реляций и частных известий из армии, для опровержения вредных толков насчет хода происшествий...».²² В СССР для той же цели выходила газета «Правда» и журнал «Большевик».

Но смешнее всего то, что этот *режимный* «Сын отечества» оказался совершенно бесполезен: во время полного хаоса войны он был никому не нужен, но даже если бы хаоса и не было, то как вы распределите несколько сотен экземпляров на много миллионов населения? Хорошо, даже если бы вы в 1812 году провели интернет – и распределили-таки, то остается самая серьезная проблема: поголовная неграмотность! Согласно первой попытке проведения опроса населения на предмет грамотности (лишь в 1844 году) выяснилось, что, даже если не учитывать «темные» азиатские и дальневосточные огромные регионы, в центральной части империи число грамотных и малограмотных вместе взятых составляет всего 3,6 %.²³ А по данным на 1820 год (т. е. через 8 лет после войны) в империи насчитывалось всего около 50 тыс. читающих людей (менее 0,1 % населения).²⁴ Сравните это с 40 % грамотных во Франции в старорежимном 1788 году (даже до того, как Наполеон провел реформы, позволившие постепенно обучить грамоте практически все население поголовно!).

²¹ Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. (Царствование императора Александра I). М., 2016, с. 107–108.

²² Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия... с. 685–686.

²³ Богданов Ю.А. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР: историко-статистические очерки. М., 1964, с. 20.

²⁴ Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001, с. 28–29.

Если мы продолжим игру в «если», в научную фантастику и обучим русских грамоте, то и в этой ситуации агитка С.С. Уварова не обретет смысла: ее не на что было купить – даже и в мирное время! В эпоху 1812 года цена годовой подписки на газету или журнал – около 15–20 руб.: это колоссальная сумма для подданных империи. По репрезентативным данным на 1840-е годы (показатели практически не менялись с 1810-х), к примеру, в сравнительно богатой Московской губернии земледelec в среднем зарабатывал 35–47 руб. (в год), а в Витебской губернии – 12–20 руб.²⁵ Мещане и разночинцы той поры постоянного заработка не имели (отчего Родя Раскольников и полез с топором на сорокалетнюю «старуху-процентщицу»). Что до аристократов (ничтожный процент населения) – то они читали в основном французские романы и британские газеты.

Второй после известной работы А.И. Михайловского-Данилевского крупной вехой историографии царского периода стало сочинение генерал-лейтенанта и профессора академии Генерального штаба Модеста Ивановича Богдановича (1805–1882) «История отечественной войны 1812 года» (СПб., 1859–1860). Это обстоятельное трехтомное исследование отличается обилием интересной фактуры, но ее научное значение во многом перечеркивалось все той же **задачей создания великодержавного мифа**. К примеру, участник Бородинского сражения, награжденный солдатским Георгиевским крестом, гвардеец М.И. Муравьев-Апостол (1793–1886), нашел «...у Богдановича большое сходство с известным Данилевским. Одни и те же замашки лакействовать».²⁶ Негативное отношение участников войны 1812 г. к официальным сочинителям очень напоминает подобное же со стороны свидетелей событий Второй мировой войны: я лично застал многих ветеранов (хотя большинства не стало еще до моего рождения), которым было больно и подчас стыдно вспоминать ужасы 1941–1945 гг. (и до этого сталинские репрессии, союз с А. Гитлером и нападение на Финляндию), а к пропагандистским поделкам они относились пренебрежительно. Некоторые успели даже оставить очень важные воспоминания – среди них: искусствовед, профессор Н.Н. Никулин (1923–2009), поэт и художник Л.Н. Рабичев (1923–2017) и прославленный писатель В.П. Астафьев (1924–2001).

Вместе с тем М.И. Богданович не преминул «лягнуть» предшественника (и отчасти конкурента) по профессиональному патриотизму: «...иностранные сочинения, документы и частные письма непременно должны быть приняты во внимание при исследовании войны 1812 года: генерал Михайловский-Данилевский впал во многие ошибки собственно от того, что совершенно устранял их либо пользовался только теми сведениями, которые подтверждали собственный его образ мыслей».²⁷

Далее. Помимо жанра, претендующего на серьезное исследование, был и другой – несколько **лубочный**. В нем прославился генерал И.Н. Скобелев (1778–1849).²⁸ Его убогое и примитивное сочинение «Беседы русского инвалида, или новый подарок товарищам» (СПб., 1838) сразу понравилось царю Николаю I, поэтому это бумагомарание многократно переиздавалось и внедрялось в среду армейцев. Присмотримся к личности сего пламенного патриота: элементарной грамоте он выучился поздно (вероятно, не ранее 19-летнего возраста), поэтому все его сочинения исправляли и дорабатывали в издательстве. Делами он прославился теми, что в 1820–1826 гг., находясь на должности генерал-полицмейстера написал несколько жалоб-доносов на А.С. Пушкина, в которых называл гениального человека «вертопрахом» и желал «содрать с него несколько клочков шкуры». Вот вам характерный портрет автора псевдопат-

²⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4, ч. 1: Московская губерния. СПб., 1853, с. 160–161; т. 8, ч. 1: Витебская губерния. СПб., 1852, с. 174–175.

²⁶ России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988, с. 21.

²⁷ Богданович М.И. История войны 1812 года. М., 2012, с. 18.

²⁸ О нем подробнее: Григорович Д.В. Русские знаменитые простолюдины. СПб., 1860, с. 87–102; Кубасов И. Иван Никитич Скобелев. // Русская старина, 1900, т. 101, № 2, с. 393–413; Мамышев В.С. Генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев. СПб., 1904.

риотической книжонки о 1812 годе. Графоман и доносчик не унимался – и вскоре написал еще одну брошюру с комическим названием «Письма из Бородина от безрукого к безногому инвалиду» (1839): здесь необходимо добавить, что «инвалид» также был неграмотный и бес-совестный.

II

Однако развитие капитализма (пусть и сдерживаемое пережитками крепостничества), **эволюция научных и общественных идей**, публикация в России и за рубежом буквально десятков томов ранее неизвестных документов сделали свое позитивное дело: историческая наука вышла на новый уровень своего развития. Да, она все еще оставалась описательной по стилю и местами продолжала носить на себе отпечаток великодержавной цензуры, штампов и комплексов, но появлялись ученые, которые создавали значительные труды и имели вполне адекватные суждения. О степени светскости и разумности ситуации в историографии самого рубежа девятнадцатого – двадцатого века можно судить, к примеру, по биографическим книгам, посвященным Наполеону, вышедшим из-под пера крупного и незаслуженно забытого русского историка А.С. Трачевского (1838–1906).²⁹ Далее я приведу значительные отрывки из его «Наполеона I». О реформах и внутренней политике консула и императора:

«Казалось, французы не ошиблись. Бонапарт сменил военный мундир на гражданский сюртук. Он послал Георгу III английскому горячий призыв к миру, а Павлу I предложил, ради дружбы, Мальту. Он даже заключил торговый договор с Соединенными Штатами, провидев в них могучего соперника британцам. И началась богатырская работа устройства разрушенной Франции. Консульство – эпоха Наполеона-правителя: тогда-то совершились те реформы, которые по блеску соответствовали его битвам, но превзошли их по прочности своих последствий.

...Теперь-то, среди мира, Наполеон поразил всех своего рода итальянской кампанией на поле гражданственности. Тут самым важным делом оказался Кодекс Наполеона (март 1804 года): его одного достаточно для увековечения этого имени».³⁰

И снова – об успехах внутренней политики Наполеона: уже перед столкновением 1812 года:

²⁹ Александр Семенович Трачевский (1838–1906) – российский историк. Незаслуженно забытый выдающийся исследователь и большой эрудит. Учитывая масштабы его познаний, а главное, талант – каждое его суждение стоит воспринимать с большим уважением. Упомяну некоторые вехи биографии. Учился А.С. Трачевский в ставропольской гимназии и в Московском университете. В 1869 году защитил в Москве магистерскую диссертацию – «Польское бескоролье» (Москва, 1869), в 1877 году, в Петербурге – докторскую: «Союз князей», увенчанную аж Уваровской премией. В 1873–1878 годах Трачевский был преподавателем тифлисской гимназии и давал уроки истории детям великого князя Михаила Николаевича. В 1878–1890 годах состоял ординарным профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете. В 1879 году им были устроены в Одессе женские курсы для подготовки к высшим женским курсам. Здесь же он вместе со своей женой Юлией Александровной заведовал «Новой школой» – мужской и женской гимназией, открытой им по собственной программе. В 1890 году Трачевский вышел в отставку и был утвержден приват-доцентом в Санкт-Петербургском университете, но к чтению лекций там не приступал. Однако с успехом читал публичные курсы в музее военно-учебных заведений («Соляной Городок»), где вместе с генералом В.П. Каховским устроил «Научный отдел» для постоянных профессорских курсов (1891). Главные труды Трачевского: «Испания XIX в.», часть 1-я (Москва, 1872); «Das russisch-osterreichische Bundniss vom Jahre 1781» (Historische Zeitschrift, 1875); «Германия накануне революции» («Вестник Европы», 1875; отд. изд. 1897), «La France et l'Allemagne sous Louis XVI» (Revue historique, 1880–81 гг. и отдельное издание с приложением документов – Париж, 1881); «Витторино да Фельтре. Очерк из истории педагогики» (Одесса, 1882); «Россия и Франция в конце прошедшего века» (Вестник Европы, 1885); «L'Espagne a l'eroque de la revolution francaise» (Revue hist., май – июнь 1886); «Международная политика в эпоху Людовика XIV» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1888); «Пруссия в Крымскую войну» (Исторический Вестник, 1888), «L'empereur Paul et le Premier Consul» (Revue d'histoire diplomatique, 1889); «Опыт приложения эволюционной теории к оружию» («Труды археологического съезда в Одессе», III, 1888); «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» («Документы архивов парижского и петербургского за 1800–1808 год», в Сборнике Императорского Русского Исторического Общества, 1890–1894); «Госпожа Сталь в России» (Исторический Вестник, октябрь 1894); «Новые умственные течения в современной Германии» (Наблюдатель, № 2 и 5, 1895), «Mouvement Social en Russie» (Revue internationale de Sociologie, август, 1895). «Судьба Ислама» (Северный Вестник, август и сентябрь 1895); «Московская смута XVII в. и основа социологии» (Научное Обозрение, январь, февраль и май 1900); «Наполеон I», биографический очерк (в изд. Павленкова; более подробное изложение той же темы в Вестнике всемирной истории, 1901); «Исторические черты XIX в.» (Научное Обозрение 1901). Кроме того, А.С. Трачевский написал учебники почти по всем отделам истории – русской, древней, средневековой и Новой. Для собрания сочинений Ф. Шиллера перевел «Историю отпадения Нидерландов».

³⁰ Ришелье. Оливер Кромвель. Наполеон I. Князь Бисмарк: Биогр. Очерки. М., 1994, с. 162–163.

«С такими средствами император стал энергично двигать вперед экономическое развитие страны. Возникло министерство торговли и промышленности (1811 год); явился практический торговый устав (1808 год), опиравшийся на указы XVII века. Не жалели средств на улучшение сельского хозяйства: осушали болота, охранялись леса, разводились луга. Плодопеременная система вытесняла трехпольную, свекловичный сахар заменял тростниковый, растительные масла стали даже вывозить за границу так же, как вина и скот. Введение испанских мериносов утвердило шерстяное производство. И крестьянин уже чувствовал некоторый достаток. Но главные заботы были направлены на промышленность: здесь приходилось бороться с Англией. В одном 1811 году, когда подготавливался русский поход, было издержано двадцать млн. франков «на поддержание коммерции». Завелись постоянные выставки; фабрикантам делались всякие поощрения; иногда казна передавала им собственные образцовые заводы. Возник Общий мануфактурный совет (1810 год), и посыпались открытия и изобретения. Наконец, Наполеон расширял фабричное законодательство: и тут, при быстром развитии дела, сама собой падала регламентация или стеснительная формалистика.

...Последствия этой промышленной деятельности были поразительны: в десять лет почти непрерывных войн возместилось с лихвой все, утраченное в революцию. Французские изделия стали первыми в Европе. Французы начали вывозить многие товары, в особенности несравненные шелковые и шерстяные ткани. Промышленность поддерживалась еще изумительными общественными работами, на которые было истрачено при империи полтора миллиарда франков: вырастали целые города, не говоря уже про порты, крепости, каналы, дороги. В то же время принимались меры оздоровления (оспопрививание), заводились богадельни и больницы, воздвигались статуи и так далее. А из Парижа Наполеон хотел сделать «что-то сказочное, колоссальное»: сооружения были в разгаре даже в 1813 году!»³¹

Здесь я ненадолго прерву цитирование А.С. Трачевского – и напомним о важном факте, который характеризует личность выдающегося реформатора. 25 декабря 1797 года Наполеон был избран членом Института по классу физики и математики, секция механики.³² Это произошло с подачи величайших ученых его времени – Лапласа, Бертолле и Монжа 305 голосами из 312.³³ Подчеркну, что на момент избрания Бонапарт чиновником не являлся, никакой власти не имел. Среди математических заслуг Наполеона: простой способ построения квадрата одной линейкой с двумя засечками (это решение стало существенным шагом к доказательству возможности при помощи только циркуля или только линейки с двумя засечками делать любые построения, выполнимые циркулем и линейкой без засечек) и теорема про равнобедренные треугольники, носящая его имя. Сравним такое феноменальное трудолюбие и дисциплину Наполеона, например, с главой Британского кабинета – главным (после царя Александра) врагом Наполеона – с Уильямом Питтом Младшим. В период противостояния с наполеоновской Францией он пристрастился к алкоголю (что весьма часто и едко высмеивалось карикатурами). По вполне серьезным подсчетам свидетеля-современника, Питт злоупотреблял алкоголем самым чудовищным образом. Несколько раз его стошнило прямо на трибуне!³⁴ Что же: Российская империя имела достойного союзника...

Но вернемся к А.С. Трачевскому – и вспомним его описание того, до чего была доведена агрессивная Англия, для которой Франция оказалась «крепким орешком»:

«Торговля пала; купцы банкротились; банки лопались; бумажные ценности понизились на пятьдесят процентов; государственные долги возросли до двенадцати миллиардов. Имея лишь ничтожное войско с негодными офицерами из аристократов-кутил, Англия выплачивала

³¹ Там же, с. 176–177.

³² Dictionnaire Napoléon / Jean Tulard. P.: Fayard, 1999, t. 2, p. 378.

³³ Roberts A. Napoleon the Great. N.Y., 2014, p. 156.

³⁴ Об У. Питте Младшем подробнее: Evans E.J. William Pitt the Younger. L.—N.Y., 1999.

громадные субсидии жадным членам коалиции на материке. На это уходило золото – и Англия вдруг стала жалкою страной бумажек, объявив принудительный курс для билетов своего банка. Бумажки господствовали до конца войны, увлекая даже Питта в гибельную расточительность и развивая ажиотаж в обществе. Рядом следовали, друг за другом, сначала иностранные займы, потом тяжкие налоги. Под конец Питт взялся даже за подоходный и прогрессивный налог, столь ненавистный богачам, хотя он старался выгородить крупных землевладельцев.

Богачи и знать вообще сваливали бремя войны на пролетария, как и везде, причем обогащались поставщики и банкиры. Народ доходил до нищеты. Однажды толпа выбила стекла в карете Георга III, крича: «Долой Питта, войну и голод!» Вспыхивали бунты среди моряков, которых держали впроголодь, почти без жалованья, сажали в какие-то клетки на целые годы, драли «кошками с девятью хвостами». Раз они появились в устьях Темзы на корабле с красным знаменем «плавучей республики». Глухое недовольство овладевало массами, и в Ирландии все было готово к поголовному жестокому восстанию. А Питт с каждым годом вдавался в материковый деспотизм. Был отменен Habeas Corpus; были запрещены сообщества, сходки, читальни; преследовали писателей и издателей, типографии и журналы. Так, для британца новый век начинался полным арсеналом торийской реакции, финансовым крахом и голодовкой в Англии, зверствами в Ирландии, миллиардами фальшивых ассигнатов и массой шпионов-подстрекателей во Франции – словом, материальным, политическим и нравственным банкротством.

Мало того. **Англия теряла свое обаяние в Европе: она становилась своего рода государством-пиратом** (выделено мной, Е.П.). Британцы блокировали порты, наседали на прибрежных жителей, обогащались торговыми призами даже за счет нейтральных. Они навсегда захватили Мальту и распорядились Египтом. Овладев Средиземным морем, они бросились в северные воды и здесь прославились тем, что зверской битвой у Копенгагена принудили датчан отказаться от вооруженного нейтралитета. Это вызвало негодование всего материка и даже Соединенных Штатов Америки, примкнувших к вооруженному нейтралитету». ³⁵

Интересны тезисы из работы А.С. Трачевского, посвященные сюжету войны 1812 года. Историк относит подготовку к войне на ранний этап (еще к 1809 году), четко заявляет об агрессивных планах царя Александра и т. д.:

««Борьба колоссов» подготавливалась с самого Ваграма. Наполеон шел только на тайное соглашение и внушал Александру: «Франция не должна быть врагом России: это – неоспоримая истина. Географическое положение устраняет всякий повод к разрыву». Тогда же император возвестил в Сенате свою радость по поводу того, что «друг» приобрел часть Галиции и Финляндии и занял Молдо-Валахию. Между тем с весны 1810 года в Париже появился Нессельроде, который сносился с Талейраном тайком даже от нашего министерства. ...И 1811 год начался в России резкою мерой: указ не только облегчал ввоз английских товаров, но и запрещал ввоз произведений Франции. С этой минуты Наполеон начал готовиться к войне.

<...> Александром овладела лихорадочная поспешность. Не дав созреть немецкому патриотизму, не дав Австрии и Пруссии времени изготавиться, он уже весной 1811 года начал стягивать войска в Литве, а в октябре был заготовлен ультиматум. В начале 1812 года Александр уже заключил союз с Швецией, Англией и даже с испанскими кортесами, причем обещал Бернадоту французский престол. Затем последовал мир с Портой, доставивший нам Бессарабию, и царь открыто говорил, что, «покончив с Наполеоном, мы создадим греческую империю». В апреле Россия потребовала, чтобы император очистил Пруссию и Померанию. «Как вы смеете делать мне такие предложения! Вы поступаете, как Пруссия перед Иеной!» – крикнул Наполеон нашему послу. «Я остаюсь другом и самым верным союзником императора», – сказал Александр его послу, отъезжая к армии в Вильну.

³⁵ Ришелье. Оливер Кромвель. Наполеон I. Князь Бисмарк... с. 171–172.

В Вильне все, не исключая Барклая, рвались в бой, низко оценивая силы врага. Два немца, Фуль и Толль, взялись устроить на Двине, в Дриссе, Торрес-Ведрас, забывая, что там нет ни гор, ни моря. А в лагере кишели интриги, перекоры да обычные беспорядки. Войска были разбросаны, хотя их было не меньше, чем у Наполеона, а пушек даже больше (тысяча шестьсот). Налицо оказывалось тысяч двести, да и тут было много плохой милиции. Только Баграцион шел с юга, а Чичагов, с дунайской армией, мог еще позже выдвинуться против австрийской армии Шварценберга. Хорошо еще, что не было исполнено первоначальное приказание Александра Чичагову – «действовать в тыл неприятелю, приближаясь даже к границам Франции».

...Воинственный пыл остыл, как только враг вторгся в наши пределы. Александр тотчас составил список того, «что надобно будет увезти из Петербурга», и 26 июня выехал из Вильны.

<...> Началось с такого сюрприза, как отступление бахвалившихся варваров перед «великою армией». Но этот-то позор и спас их. Наполеон, жаждавший «хорошей битвы», принужден был, вопреки себе самому, «гоняться за ними до Волги».

<...> В России погибло до двухсот пятидесяти тысяч европейцев почти всех наций (напомню, что советская пропаганда часто называла цифры потерь армии Наполеона в 600 тыс. чел и более – прим. мое, Е.П.). Но и русские не забудут нашествия «двунадесяти язык». У Кутузова осталось только тридцать тысяч солдат, а всего их погибло также не менее четверти миллиона (на самом деле – гораздо больше: об этом речь пойдет в соответствующей главе – прим. мое, Е.П.)».³⁶

Хотя автор, что естественно, не мог избежать всех штампов и неточностей в отношении описания деятельности Наполеона – перечисленные тезисы говорят о глубоком понимании исследуемой темы. Показательно и то, что глава VI упомянутой книги А.С. Трачевского озаглавлена весьма почтительно по отношению к Наполеону: «Оборона гения. 1813–1814».

Продолжим. Как правило, не обладающие кругозором современные авторы сочинений по теме 1812 года часто упускают из виду важные интеллектуальные тезисы различных эпох жизни российского общества. Такие идеи, с одной стороны, произрастали из рефлексии событий прошлого (в том числе и войны 1812 года), с другой – отражали их современные идеи, в свою очередь, питавшие ученых – их современников. В этой связи интересно обратить внимание на публицистические заметки великого русского поэта, драматурга и переводчика, выпускника историко-филологического факультета Московского университета, Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924). Именно ему принадлежат чудесные строки:

У каждого свой тайный демон.
Влечёт неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

Широко образованный и оригинально мыслящий, математик от поэзии, В.Я. Брюсов размышляет о значении цивилизации и культуры в жизни человечества: «Распространение культуры сближает между собою народы, внушает им чувство солидарности, делает войны между ними невозможными».³⁷ Замечательная мысль! Действительно, если мы посмотрим на народы Европы ныне, то они живут единой общеевропейской культурой – и не воюют более между собой. Агрессивными остаются лишь варварские анклавные территории на периферии. Нечто подобное уже обозначалось и в 1812 году: цивилизация империи Наполеона предлагала модель Единой Европы – единой и мирной. Но отстающие в развитии соседи жаждали войны; они

³⁶ Там же, с. 204–211.

³⁷ Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924. М., 2003, с. 113.

испытывали боязливое непонимание цивилизации и брутально хорохорились от комплекса ущербности. Все это давало питательную среду для разного рода конфликтов.

Весьма и весьма интересны выводы Брюсова-историка:

«Но каким путём можно достичь этой вожаденной цели, заключения мира?»

Прежде всего, мир бывает разный. При прежнем правительстве бывали годы, даже ряды десятилетий, когда Россия «наслаждалась» внешним миром. Но вряд ли мы захотим вернуться к миру под тяжкой властью столыпинского режима. Получила мир и Франция после 1814 года, когда коалиционные русско-немецко-английские войска разгромили последние силы Первой империи и вернули на французский престол ненавистных народу Бурбонов в лице безногого, расслабленного и почти слабоумного Людовика XVIII. Хотим ли мы получить нечто вроде подобного мира? Разве не может быть «мир» горше, тяжелее всякой «войны»?³⁸

Когда мы изучаем деятельность выдающихся личностей прошлого, мы должны учитывать и подобную логику столь неординарного мыслителя.

И, наконец, подводя черту под всем, что он изучил в истории России и что наблюдал на собственном опыте, **В.Я. Брюсов гениально заключает** (февраль 1901 года): «Давно привык я на все смотреть с точки зрения вечности. Меня тревожат не частные случаи, а весь строй нашей жизни, всей жизни. Его я ненавижу, ненавижу, презираю! Лучшие мои мечты о днях, когда это будет сокрушено».³⁹ Я, кстати, напомним, что это пишет человек, который был внуком крепостного помещика Брюса (от него, по заведенному обычаю, и произошла фамилия).⁴⁰

Метафорично, что первая небольшая экспозиция прототипа музея войны 1812 года открылась в начале двадцатого века (перед столетним юбилеем) в **Потешном дворце**. В 1908 г. был «Высочайше» учрежден Особый комитет по созданию в Москве «Военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 года». Эта контора организовала подписку сбора пожертвований: было выпущено множество подписных листов, в которых населению предлагалось скидываться на устройство музея. На титуле красовался призыв «Мы все в одну сольемся душу» – но вышел казус: народ идею не поддержал, и денег не собрали. В московских архивах и музеях сохранилось предостаточно пустых бланков: 3 подобных «девственно» чистых экземпляра есть и в моей частной коллекции.

³⁸ Там же, с. 145.

³⁹ Там же, вторая доска обложки.

⁴⁰ Об этом подробнее: Латышев М. Пути и перепутья Валерия Брюсова. // Брюсов В.Я. Час воспоминаний: Избранное. М., 1996.

Медь в. 1812. Диаметр 40 мм.

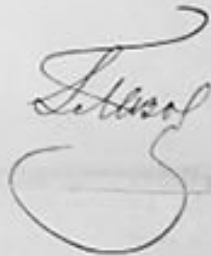
Подписной листъ на сооруженіе въ Москвѣ МУЗЕЯ 1812 г.

№ 141199

Деньги могутъ сдаваться въ мѣстные Казначейства и Государственные Сберегательные Кассы.

Подписной листъ по окончаніи подписки и не позднее 3-хъ мѣсяцевъ ~~сда-~~
дустъ ~~сда-~~ вернуть въ Комитетъ по устройству Музея 1812 г. въ Москвѣ.

Председатель Комитета
Генералъ-отъ-Инфантеріи

Членъ Комитета

Секретарь

ЗВАНІЕ, Имя, отчество и фамилія. (Въскрѣсныхъ проходахъ писать разборчиво).	СУММА.		ПРИМѢЧАНІЕ.
	Рубль.	Коп.	

Пустой «Подписной лист на сооружение в Москве музея 1812 г.» Из частного собрания Е. Понасенкова, публикуется впервые. Как мы видим, россияне не испытывали достаточных «патриотических чувств» – и музей (кстати, в ту пору в название будущего музея не стали помещать термин «Отечественная») создан не был.

Зато в частном русском оперном театре могли петь хвалебные слова в адрес Наполеона: в моей коллекции есть уникальное издание с портретом-профилем Наполеона на золотом фоне – либретто оперы «Наполеон» (издание С.И. Зимина, 1912 г.). К примеру – сцена в Вильно:

Хор
Король королей, полумира властитель,
Любимец победы, увенчанный славой,
Виват!
Веди нас с собой, о Титан победитель —
И радостно ринемся в бой мы кровавый...
Виват!
Спаситель народов, мы ждали всех дольше —
И вот ты явился, о вождь знаменитый...
Виват!
Дай счастье нам, дивный, дай вольности больше,
Верни нам, великий, блеск славы забытой!..
Виват!
<...> О, Цезарь, великий!.. Виват!..
Спаситель народов!.. Виват!..
Любимый сын Марса!.. Виват!..⁴¹

Стоит уточнить: помимо серьезных научных исследований и художественной литературы, к юбилею войны (в 1911–1912 гг.), естественно, вышло множество лубочной макулатуры. Как правило, подобное выпускалось в виде брошюры или небольшой иллюстрированной книжки. Мне удалось обнаружить (находится в моей коллекции) даже и совсем забытую (моими коллегами осталась незамеченной) брошюру карманного формата, «составленную» П.М. Андриановым. Она называется: «Великая Отечественная война. (По поводу 100-летнего юбилея).» Как вы понимаете, чем грандиознее и разухабистей название, тем меньше самого текста и смысла. Таким образом, термин «Великая Отечественная война» был выдуман задолго до событий 1941–1945 гг., но потом 1812 год «разжаловали» в просто «Отечественную» войну (следовательно, погибшие в 1812 году расстались с жизнью не в столь «великом» для идеологии мероприятии).

А сейчас мы подходим к очень интересной и достойной фигуре, многое сделавшей для публикации первоисточников и научного изучения эпохи 1812 года: я говорю о **великом князе Николае Михайловиче** (1859–1919). Крупный историк с международным именем, выдающийся и страстный энтомолог (создатель огромной коллекции бабочек – более 110 000 особей), известный «либерал», ценивший достижения западной цивилизации и считавший Наполеона величайшим гением.

Послушаем внимательного автора биографического эссе о великом князе – доктора исторических наук Д.И. Исмаил-Заде (1931–2009):

⁴¹ Оленин-Волгарь П. Наполеон I. М., 1912, с. 6–7.

«Николай Михайлович был первенцем в семье великого князя Михаила Николаевича, четвертого сына императора Николая I, родоначальника ветви Романовых, именуемой «Михайловичами».

Отец, великий князь Михаил Николаевич, занимал высокие посты в административно-военных структурах власти: генерал-фельдцейхмейстер (звание главного начальника артиллерии), генерал-фельдмаршал, кавказский наместник, главнокомандующий Кавказской армией, председатель Государственного совета.

Женившись на принцессе Баденской Цецилии-Августе, нареченной в России Ольгой Федоровной, Михаил Николаевич породнился также со шведским королевским домом, поскольку мать принцессы Софья Вильгельмина приходилась королю Густаву IV дочерью.

... 14 апреля 1859 года у Михаила Николаевича и Ольги Федоровны родился мальчик. Его назвали в честь деда – Николаем, крестными его были император Александр II и вдовствующая императрица Александра Федоровна, приходившаяся новорожденному бабкой.

Не успели умолкнуть залпы пушечных салютов в честь рождения великого князя, как, согласно традиции, он становится шефом 3-й Гвардейской и Гренадерской артиллерийской бригад, зачисляется в списки лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка и лейб-гвардии 2-ой легкой батареи. В день крещения был пожалован орденом Св. Апостола Андрея Первозванного.

<...> С 1901 г., с выходом в свет первого труда Николая Михайловича «Князь Долгорукий, сподвижники Александра I в первые годы его царствования», читающая Россия получает следовавшие одна за другой и имевшие сенсационный успех публикации великого князя. Назовем лишь некоторые из них: «Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I» (Т. 1–3. СПб. 1903); «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812» (Т. 1–7. СПб. 1905–1914); «Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной» (СПб. 1910) и др.

...Привилегированное положение великого князя открывало ему доступ к секретным архивным документам не только России, но и Франции, Германии. Но он и сам прекрасно знал – что и где искать. Захватывающе интересные, талантливо написанные сочинения Николая Михайловича приобретали особую научную ценность, благодаря прилагавым к ним историческим документам и мемуарам.

В 1908–1909 годах выходит труд Николая Михайловича «Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I» (Т. 1–3. СПб.). Написание биографии Елисаветы Алексеевны было задумано ещё великим князем Сергеем Александровичем, но после его гибели в 1905 г. по просьбе вдовы великой княгини Елизаветы Федоровны Николай Михайлович становится в этом как бы преемником Сергея Александровича. Между тем есть свидетельства того, что и сам Николай Михайлович настойчиво занимался поисками архивных документов, касавшихся Елисаветы Алексеевны, что было естественным следствием его интереса к личности Александра I. Однако названный труд вышел без главы, именуемой «секретной», поскольку в ней освещались интимные стороны жизни императрицы. Запрет был наложен Николаем II. К счастью, сохранилась корректура главы. Уважая фундаментальные знания Николая Михайловича, царь не мог быть уверен в умеренности авторских оценок в публикациях, посвященных членам Императорского Дома, и потому знакомится с ними до их выхода в свет. Николай Михайлович обстоятельно описывает императору подготовку труда об Александре I, определяет задачу своего исследования, дает перечень впервые публикуемых документов. Из письма Николаю II: *«Переходя к моей работе, она будет называться «Имп. Александр I. Историческое исследование», прошу заметить, что я не намерен писать и не пишу историю царствования, а шаг за шагом с 1801 по 1825 исследую правителя вообще. Русского Государя и простого смертного. Работа адски трудная и вот почему. Самая тема, избитая Шильде-*

ром, Вандалем, Татищевым; масса недомолвок, пробелов; некоторые действия трудно объяснить, наконец, легко что-либо забыть или пропустить. Надобно все уложить в один том. Приложения будут заняты документами, но все исключительно новые, нигде не помещавшиеся. **На этот раз прошу Тебя меня избавить от Твоей цензуры** (выделено мной, Е.П.), потому, если что-либо будет подвержено критике в печати как нашей, так и иностранной, то лучше чтобы все пало на мою спину исключительно и не говорили бы, что я писал с Твоего разрешения. Впрочем, я настолько уже привык к Твоей цензуре, что делаю перечень новых документов и того места, где я их откопал». ... Великий князь испытывал известное ограничение в своей работе и при сборе документов, допуск к которым определялся царем. «Любезный Николай! – пишет государь. – *Посылаю тебе краткую опись пакетов Государственного архива, предоставленную мне в отсутствие Извольского, товарищем его Сазоновым. Как ты увидишь, там не содержится ничего прямо относящегося до интересующего тебя вопроса об Имп. Александре I, Аракчееве и 2-же Крюденер. Можешь сохранить эту опись у себя*».

<...> Данная в монографии характеристика Александра I лишена фамильного пиетета, верноподданнических гипербола. Оценки автора достаточно конкретно вскрывают все стороны личности императора, можно сказать, с беспощадной критичностью.

<...> Особого упоминания заслуживает издание Николаем Михайловичем «Русских портретов XVIII и XIX столетий» (СПб. 1905–1909), представляющее собой иконографию отечественной истории. «Драгоценным материалом истории» назовет их Л. Толстой. Непреходящий успех «Русских портретов» был обеспечен благодаря тонкому вкусу их издателя – крупного историка, знатока искусств и коллекционера, а также мастерски составленным биографическим очеркам, принадлежавшим перу Е.С. Шумигорского, Б.Л. Модзалевского, К.А. Военского, А.А. Гоздаво-Голомбиевского».⁴²

Из упомянутой переписки Николая Михайловича с царем мы весьма рельефно видим **проблему сокрытия документов** монаршей семьей. Именно этот факт оказал огромное негативное влияние на изучение темы войны 1812 года и вообще всей эпохи.

А теперь я предлагаю обратиться к интереснейшим выводам труда Николая Михайловича – вот как он характеризует личность и деятельность Александра I и Наполеона:

«...Интересы России не требовали такого вмешательства, оказавшегося не соответствующими благу родины и приведшего только к выгоде чужеземцев, а вовсе не русских. Нескончаемая война продолжалась еще целых три года, потребовала громадных издержек и множества человеческих сил, которые можно было сохранить в целостности, и они пригодились бы впоследствии. Эти три года за освобождение Европы были роковыми во всех отношениях и для личности монарха. Александр очень скоро пресытился благами величия и славы, впал в настроение, заглушившее в нем чувство патриотизма, и отдался всецело зловредному мистицизму в области недостижимого на земле блаженства, которое высказывалось в применении на практике идеи Священного союза, столь не выгодного и вредного для интересов России. А Священный союз породил никому не нужные конгрессы, завязал постоянные отношения между Александром и Меттернихом, в которых последний оказался ловчее и предусмотрительнее, оставшись победителем на дипломатической арене, окончательно сбившим с толку доверившегося ему так не осторожно русского императора. Рядом с этим Священный союз и мистицизм породили на Руси аракчеевщину.

Александр, невольно отдавшись религиозно-мистическим утопиям, не мог уже заниматься делами с таким же увлечением, как раньше, он начал тяготиться всем тем, что входило в атрибуты царской власти и мало-помалу окончательно отстранился от забот по внутреннему управлению, доверившись одному только человеку – Аракчееву. Между тем государь не мог временами не осознавать своей ошибки; постоянные путешествия по России доказы-

⁴² Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. М., 1999, с. 5–11.

вают стремление знать и видеть, что делается на местах, но не хватило более силы воли лично руководить сложной машиной управления, и Александр впадал сам собой в противоречие, любовно подчиняясь другой воле, грузинского помещика (имеется в виду владелец усадьбы Грузино А.А. Аракчеев – прим. мое, Е.П.).

<...> Собственно говоря, в жизни Александра Павловича совершилось только два резких перелома в характере. Первый обратил всеобщее внимание при начале борьбы с Наполеоном еще в 1810 и 1811 годах, второй совершился в Париже в 1815 году и шел по нисходящей вплоть до самой кончины государя.

<...> О степени их (правителей разных стран – прим. мое, Е.П.) гениальности мы не говорим, так как это понятие уже имеет значение всемирное. **Лучшим примером служит Наполеон. Его гениальности никто не оспаривал и не будет оспаривать** (выделено мной, Е.П.).

Для России Александр не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватило знания ни русского человека, ни русского народа. Как правитель громадного государства вообще, благодаря сперва его союзникам, а потом врагу, Наполеону, он навсегда займет совсем особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от мнимой дружбы, и от соперничества с Наполеоном то наитие, которое составляет необходимый атрибут великого монарха. Его облик стал как бы необходимым дополнением образа Наполеона, до того эти два человека – антиподы умели каждый на свой лад обворожить и подчинить своей воле окружающих их людей. Оба нашли противодействие только в одной нации, а именно в стране Альбиона, которая вообще не признает или редко признает мировое значение личности, особенно другого народа.

<...> Что же касается Александра, то гениальность Наполеона отразилась, как на воде, на нем и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения, может быть, это парадокс, но мы его допускаем.

Если обратиться к деятельности императора Александра I по отношению к России, то время его правления нельзя причислить к счастливым для русского народа, но весьма чреватым по последствиям в истории нашей родины. После долгих царствований императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которая шла по стопам Великого Петра, Россия развивалась быстро и заняла в конце XVIII столетия уже вполне определенное положение среди стран Европы. Кратковременный павловский режим, кроме общего раздражения, не оставил других впечатлений.

<...> Можно было ожидать, что время соперничества и борьбы, так успешно законченной, вернет снова в русло начатую с таким рвением работу первых лет. Но надежда оказалась напрасной. Напротив того, все добытое на полях брани кровью русских воинов было принесено в жертву идеи Священного союза, а Россия продолжала пребывать в глубоком сне, в котором военные поселения не могли дать живой струи, а покровительство, оказанное разным сектам и масонству, только породило насаждение тайных обществ, которые благодаря событиям 14 декабря 1825 года надолго отвели Россию на путь самой убежденной реакции николаевского режима. Случилось нечто неожиданное: после блеска вступления на престол и мировой славы победы русского оружия Александр Павлович оставил брату тяжелое наследство, страну, изнеможенную от прошлых войн, а еще более от аракеевщины, и весь организм больным и утомленным, а внутри – полнейшую дезорганизацию власти и всякого порядка, при полном отсутствии какой-либо системы управления».⁴³

Итак, выдающийся ученый-историк, член российской императорской фамилии был вынужден признать: а) Наполеон – эталон гениальной личности в мировой истории, б) не он, а царь Александр был локомотивом конфликта, в) этот конфликт был категорически пагубен

⁴³ Там же, с. 258–261.

для русского народа, г) император Александр страдал опасной религиозной манией, д) своему преемнику он оставил Россию в самом худшем положении. Подчеркну: чтобы сделать подобные выводы, Николай Михайлович проделал колоссальную работу в архивах, первым опубликовал сотни важнейших документов, досконально знал всю фактическую часть истории эпохи Наполеона и Александра. Можно только предполагать, в каких бы выражениях звучали его тезисы, если бы его не сдерживала семья, положение, а также он мог бы уже знать документы, ставшие известными за истекшую сотню лет.

Дальнейшая судьба великого российского ученого и просвещенного человека сложилась трагично. После Октябрьского переворота он был сначала сослан, а затем арестован. 9 января 1919 г. бандиты из Президиума ВЧК (среди прочих – Я.Х. Петерс, М.И. Лацис, И.К. Ксенофонтов и секретарь О.Я. Мурнек) вынесли смертный приговор. Ходатайства Академии наук и лично Максима Горького (А.М. Пешков; 1868–1936) не помогли. Известны слова злобствующего и низкорослого В.И. Ленина, подтвердившего приговор: «революция не нуждается в историках». В итоге обладатель выдающегося интеллекта, человек высокого роста с классическим профилем и аристократическими манерами, Николай Михайлович, вместе с еще тремя великими князьями был расстрелян большевизским отряпом в январе 1919 г. (реабилитирован постановлением Генеральной прокуратуры РФ 9 июня 1999 года...). Всех расстреливали на краю общей ямы – поэтому могилы не существует. Вот на таких преступных основаниях создавалась власть советов, которая, укрепившись, начнет ломать под себя и историографию – и внедрять чернь и детей упомянутого отряпа в «ученые» и в начальники над исследователями. Но подобное было лишь новыми актами той вечно тлеющей гражданской войны, которая запылала во многих местах России и в 1812 году: именно об этом речь пойдет в последующих главах.

Далее. В своем лекционном «Курсе русской истории» (1907–1911 гг.) знаменитый историк В.О. Ключевский (1841–1911) резюмировал внешнеполитическую деятельность Александра I так: он стал «вооруженным сторожем выставленных им реакционных порядков». ⁴⁴ Крупный специалист по эпохе 1812 года еще царского периода, историк-эрудит А.К. Дживелегов (1875–1952) называл «Священный союз» (итог войны 1812–1814 и 1815 гг.) «самым бесправным угнетением», «реставрационной вакханалией» и «щитом феодальной реакции». Подчеркну, что этот научный вывод он не побоялся сделать в публикации 1915 года: сразу после юбилея – и во время ура-патриотического ажиотажа Первой мировой войны. ⁴⁵

Определенным итогом всей дореволюционной историографии стала коллективная монография «Отечественная война и русское общество», выпущенная к столетнему юбилею 1812 года. Эти богато изданные 7 томов освещали многие стороны конфликта и рассказывали о нем в широком контексте. Основной вывод книги повторял упомянутые выше тезисы А.К. Дживелегова. ⁴⁶ Более того, в главе, написанной будущим академиком В.И. Пичетой (1878–1947), сформулирована убийственная для охранительной традиции научная **концепция**: Наполеон был праведным борцом с агрессивной феодальной гнилью, а победа в войне 1812 года стала «разгромом демократии и торжеством старого порядка» ⁴⁷ (и это написано при живом царе и в юбилейном издании!). **Великий русский историк, академик М.Н. Покровский (1868–1932), с научной точки зрения, совершенно справедливо подытожил**: «совершенно невозможно говорить о «нашествии» Наполеона на Россию», то было лишь «актом необходимой самообороны». ⁴⁸ Священный союз, устроенный царем Александром, М.Н. Покров-

⁴⁴ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 томах. М., 1989, т. 5, с. 427.

⁴⁵ Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915, с. 238, 248, 268.

⁴⁶ Отечественная война и русское общество. М., 1912, т. 7, с. 21, 58, 59.

⁴⁷ Там же, т. 2, с. 32.

⁴⁸ Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 книгах. Кн. 2. М., 1965, с. 217.

ский рассматривал как акт «до тошноты пропитанный ханжеским духом», а его суть сводил к «военно-полицейскому надзору за всеми европейскими народами».⁴⁹

Именно эта оценка и концепция М.Н. Покровского, а также авторов упомянутой коллективной монографии устоялась в качестве единственно верной (что и справедливо) почти на 20 лет – до того момента, пока ее не стали ломать не объективные процессы развития науки, а жесткая указка власти.

⁴⁹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1924, с. 81–82.

III

Надо заметить, что в 1920-е и в начале 1930-х гг. интерес к теме войны 1812 года был невелик (зато больше внимания было уделено публикациям о Великой французской революции). Новых исследований не выходило. Однако даже авторы специальных монографий, посвященных историографии 1812 г. (в т. ч. И.А. Шейн) упустили из виду весьма интересную и качественную брошюру Б.И. Кузнецова «Краткий очерк подготовки и развертывания сторон в 1812 г. и Виленская операция» (М., 1932). Она была издана фактически как секретный учебный материал для академии РККА им. М.В. Фрунзе всего несколькими сотнями экземпляров – и сегодня находится в моей коллекции. На 29 страницах машинописного текста (в увеличенном формате) автор сумел дать краткую характеристику стратегическому развертыванию сторон и первоначальным планам Наполеона (на момент перехода через Неман). Кроме того, хотя и без детального анализа и сличения с архивным первоисточником, Б.И. Кузнецов верно использовал ведомости о составе и численности Великой армии, опубликованные Л. Маргероном и Г. Фабри.⁵⁰

Поворотным моментом в деле превращения советской исторической мысли в орудие агрессивной и вульгарной пропаганды стало письмо И. Сталина (1878–1953) «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в журнале «Пролетарская революция» (№ 6, 1931 г.). Фальсификация истории не просто оправдывается, а делается обязательной, государственно значимой. Сталин призывает не обращать внимания на архивные документы, а следовать политической задаче сегодняшнего дня. Среди прочего говорилось: «Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни бумажные документы?»

Однако все происходило не сразу. Показательно: терапевт и гематолог, серьезно изучавший историю медицины, Иосиф Абрамович Кассирский (1898–1971), в своей книге, посвященной Главному хирургу армии Наполеона Д.Ж. Ларрею, никакой «Отечественной войны» как ключевого идейного явления не замечает – соответствующая глава называется вполне научно, адекватно: «Вторжение Наполеона в Россию». Отмечу, что издание вышло в свет в 1939 г. (сдано в печать весной того же года):⁵¹ то есть еще до крайнего обострения болезни «патриотической» пропаганды в годы Второй мировой войны, но уже в период отхода от идеологии Коминтерна – и перехода к имперской пропаганде.

Для поколений, взращенных на совершенно мифологизированной историографии и учебных пособиях, выхолощенных к концу советского периода, будет большим удивлением прочитать статьи предвоенного периода: к примеру, еще в 1937 году в официозной прессе можно было услышать **о поражении русских в Бородинском сражении**, о колоссальных потерях и тому подобном. Мне удалось найти примечательную статью Е.В. Тарле, опубликованную 2 сентября 1937 г. В ней в частности говорится:

«Пленных русских оказалось на 58 тысяч убитых и тяжело раненых, потерянных русской армией, 700 человек...

...Что Бородино было сражением, с чисто, так сказать, формальной стороны проигранным для русской армии, никто на верхах армии тогда не сомневался. «Что бы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение 26-го (Бородинское) было проиграно. Армия, а особенно левый фланг понесли чрезвычайную потерю. Одна из причин, послуживших к проигрышу сражения, произошла, как меня уверяли, от беспорядка, поселившегося в артиллерийском парке после того, как убили графа Кутайсова; недостаток был также и в амуниции, и не знали, где ее взять», – так писал Винценгероде Александру 13 сентября 1812 года

⁵⁰ Margueron L. Campagne de Russie (1812). P., 1797–1906, v. 1–4; Fabry G. Campagne de Russie. P., 1903, vol. 4.

⁵¹ Кассирский И.А. Ж.Д. Ларрей и скорая помощь на войне. М.—Л., 1939.

из села Давыдовки (близ Тарутина). Ту же мысль высказывает царю в более скупых выражениях и Роберт Вильсон (из Красной Пахры, в письме от 13 сентября). То же говорят в подавляющем большинстве и русские и иностранцы, бывшие в битве. То же говорят и теоретики Жомини и Клаузевиц. Но никто и не думал никогда приравнивать это поражение к Аустерлицу или Фридланду, где было уничтожение армии, бегство и распыление людской массы. Ничего подобного при Бородине не было.

Самым кровавым сражением всей наполеоновской эпопеи считалась до Бородина битва при Эйлау, 8 февраля 1807 года, и ни с какой другой битвой Бородино современники вообще и не сравнивали. Но очевидцы даже и этого сравнения не допустили. Вот что писалось через три дня после Бородина: «Все говорят, что сражение Прейсиш-Эйлау не может иметь с ним (Бородинским боем) никакого сравнения, потому что все поле покрыто трупами» (29 августа 1812 г. Письмо Льва Аршеневского Руничу).

Под Бородиным русских выбыло из строя около 60 тысяч человек, половина сражавшейся армии. От гренадерской дивизии Воронцова из 4 тысяч человек уже к 3 часам дня осталось 300 человек. В Ширванском полку на 1 300 человек осталось 96 солдат и трое офицеров. (Материалы из отечественной войны 1812 г. И.П. Липранди, 1867, стр. 7–8). Были батальоны и роты, истребленные почти целиком. Были и дивизии (вроде дивизии Воронцова), от которых осталось в конце концов несколько человек. Были корпуса, больше походившие по своей численности не на корпуса, а на батальоны.⁵²

Теперь мы вплотную подошли к еще одному крупнейшему участнику историографии 1812 года: я говорю об академике Е.В. Тарле. Потратив несколько лет на изучение его трудов и биографии, я должен утверждать, что и **сам историк стал таким же мифом, как и тема 1812 года**. Начнем с того, что его имя при рождении – Григорий Вигдорович (имя «Евгений» появилось с момента перехода из иудаизма в православие в 19 лет), а изначальная фамилия (еще деда) – Бараб-Тарле.⁵³ Об этом не задумываются, но до того, как Е.В. Тарле была заказана биография Наполеона, историей императора французов и войны 1812 года он специально не занимался! Лишь в 1913 году вышла его «Континентальная блокада», но это было лишь очень узким по своей тематике историко-экономическим исследованием (хотя, не в пример его дальнейшим публикациям, весьма качественно документированным). А в середине 1930-х работал Е.В. Тарле уже быстро, нередко помощники копировали ему многие материалы из библиотек. Обе его известные работы («Наполеон», 1936 г. и «Нашествие Наполеона на Россию», 1937 г.) выдержали много прижизненных переизданий – и каждый раз автор самым вольным образом и без объяснений изменял смысловые акценты и оценки конкретных персонажей и фактов: таким образом, на сегодняшний день просто не существует некой одной книги Е.В. Тарле, единого варианта «Наполеона» или «Нашествия Наполеона на Россию». Кстати, здесь же замечу: даже имея задачу возродить миф о справедливой войне, Е.В. Тарле не стал использовать в названии своего сочинения термин «Отечественная война».

В своих публикациях и интервью я часто отмечал, что Е.В. Тарле легко жонглировал фактами, часто менял мнения и формулировки. В своих описаниях (именно этот термин очень точно отображает стиль его сочинений) он редко надолго останавливался, чтобы глубоко выяснить ту или иную цифру или обстоятельства события. Я уже обращал внимание на то, что все главные, самые значимые, к примеру, цифровые показатели, связанные с историей войны 1812 года, в книге Е.В. Тарле даны **без всяких ссылок на источник** (часто мы можем догадываться – но это уже не академический жанр). К таковым относятся численности Великой армии и русских сил перед началом Русской кампании, а также соответствующие показатели

⁵² Статья опубликована в сборнике: Изгнание Наполеона из Москвы. М., 1938, с. 266–277.

⁵³ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014, с. 19–20.

перед началом Бородинской битвы.⁵⁴ Что до его известной книжки «Наполеон» (написана в краткие сроки – и специально для популярной серии Жизнь замечательных людей), то в ней **вообще отсутствуют ссылки на документы и литературу**, поэтому ее жанр не может считаться академическим.

Я убежден, что нынешний «культ» и незаслуженная популярность работ сталинского историка должны уйти в прошлое. Хотя я понимаю: не в последнюю очередь популярность его в наши дни связана с тем, что издательствам не надо платить автору гонорар и нет необходимости проводить какую бы то ни было работу по подготовке материала. Е.В. Тарле обладал литературными талантами и кругозором, но научной ценности в его работах поистине мало. Кроме того, этот советский академик был очень и очень зависим от конъюнктуры и **постоянно «менял показания»** – причем самые принципиальные, наиболее оценочно важные. Во многом его успеху способствовало *отсутствие выдающихся конкурентов и критиков*: кто-то находился в эмиграции, кто-то был уничтожен стихией революции и преступлениями И. Сталина; в то же время на Западе постепенно воцарялось безвременье всевластия левацких кругов: а в среде социалистических маргиналов, этих псевдоинтеллектуалов, ничего масштабного зародиться не может. Поэтому даже конъюнктурный служка советского монстра превосходил их своим неоампирным масштабом и замахом (чему, естественно, помогало его дореволюционное классическое образование и путешествия в Европу!).

Хотя вышеозначенного вполне достаточно, чтобы оставить «глыбу» историографии в кладовой и пересыпанную нафталином, я все же проведу внушительный «парад» тех передергиваний, «изменений показаний» и прочей антинаучной деятельности, которые себе позволял Е.В. Тарле. В этом мне поможет отрывок из работы Б.С. Кагановича – одного из его современных и бережных биографов:

«Вместе с тем в первом издании «Наполеона» Тарле, как нам кажется, более откровенно выразил свое подлинное мнение о Кутузове и о «народной войне» 1812 г. в России, которое в позднейших изданиях смягчено и корректировано. Так, о поведении Кутузова при Аустерлице в издании 1936 г. читаем: «Но Кутузов, надевший маску бесконечного добродушия, тонкий придворный с ног до головы при всех своих мнимо простецких ухватках, хотя был твердо убежден, что русскую армию ждет катастрофа и что нужно бежать от Наполеона, не теряя времени, уклоняться от решительной битвы, отсиживаться вдали, – однако не смел противопоставить роковому легкомыслию, обуявшему царя, категорическую оппозицию, зная, что этим он ставит на карту свое положение главнокомандующего. Гораздо легче оказалось для него поставить на карту жизнь нескольких десятков тысяч солдат. Кутузов был в русско-австрийском лагере единственным настоящим полководцем, единственным понимавшим дело генералом (из тех, голос которых вообще что-нибудь значил)». В издании 1939 г. и последующих наиболее острые строки этой характеристики опущены.

В издании 1936 г. дана следующая общая характеристика Кутузова: «Михаила Илларионовича Кутузова и Александр I, и Наполеон, и все, близко его знавшие современники, считали хитрой старой царедворческой лисой. Но у него кроме этих качеств царедворца была еще и редко встречающаяся способность влиять на подначальных ему солдат-крепостных. Он перенял в этом отношении кое-что от Суворова, хотя о сравнении их талантов и их репутации в армии не может быть и речь. Тончайше проведенная симуляция добродушного старого служивого в генеральском мундире, немудрящего простого русского человека, уповающего на правоту дела, на Смоленскую чудотворную икону, доставленную в его лагерь, – все то, что проделал и разыграл талантливейшим образом Кутузов от Царева Займища до Бородина и во время Бородина и после Бородина, не обмануло его врагов, хотя обмануло и солдатскую массу и отчасти потомство».

⁵⁴ Тарле Е. ак. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1943, с. 45, 64–65, 154, 159, 162 и др.

Во всех последующих изданиях эта характеристика исключена, хотя можно думать, что Тарле и позднее придерживался этого же мнения о Кутузове. Об этом свидетельствует его письмо литератору С.Т. Григорьеву от 20 июля 1940 г.: «Кутузов – замечательный полководец, но он не Суворов и не Бонапарт. ...Равнять его с Суворовым или Наполеоном – значит лишь без нужды унижать его, вызывая на основательные и решительные противоречия всех знающих читателей. И натура не та, и приемы не те, и психика не та, и физика не та, и обстоятельства не те. Это важнее всего, важнее даже и того, что по своим стратегическим и тактическим дарованиям, **просто по размерам этих дарований Кутузов не равен Суворову и подавно не равен Наполеону** (выделено мной, Е.П.)».

Итоги Бородинской битвы в издании 1936 г. представлены следующим образом: «Когда Кутузову представили ночью первые подсчеты и когда он увидел, что половина русской армии истреблена в этот день 7 сентября, то он категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя. Это ему не помешало провозгласить, что Бородино было победой, хотя он был очень удручен, и в эту победу сам явно не верил». В издании 1939 г. последние восемь слов исключены. В издании 1941 г. добавлена фраза: «Победа моральная была бесспорно».

О так называемой «народной войне» 1812 г. в России Тарле в 1936 г. писал: «Партизанских отрядов было несколько: Давыдова, Фигнера, Дорохова, Сеславина, Вадбольского и еще два – три... Особенной жестокостью славился Фигнер. Партизанами были офицеры, солдаты, которых отпустило начальство, добровольцы. О партизанах французы в своих мемуарах почти ничего не говорят, тогда как о казаках говорят очень много. <...> Война в России длилась шесть месяцев. Из этих шести месяцев первые почти три <...> продолжалось победоносное наступление Наполеона по прямой линии Ковно – Вильно – Смоленск – Москва, прерываемое битвами и мелкими стычками. <...> Ни о каких массовых народных восстаниях против французов ни тогда, ни во время пребывания Наполеона в Москве слышно не было.

<...> Партизаны Фигнер, Давыдов, Сеславин, Кудашев, Вадбольский и т. д. были офицерами регулярной русской армии, получившими разрешение и поручение образовать дружины охотников (из солдат регулярной армии и из добровольцев) и тревожить отступающих французов внезапными нападениями. <...> Никакого массового участия в этих партизанских отрядах и в их действиях крестьяне не принимали. Все это происходило в течение примерно пяти недель в октябре и ноябре, до момента, когда остатки французской армии уже вышли из Смоленской губернии в Белоруссию. <...> Современникам и в голову даже придти не могло сопоставлять это участие гражданского населения в войне с беспощадной и неустанной борьбой, которую, начиная с лета 1808 г. и кончая осенью 1813 г., в течение более чем пяти лет вели против Наполеона и его маршалов по собственному почину испанские крестьяне и горожане. <...> Ясно, что если испанскую гверилью можно назвать действительно народной войной, то к России 1812 г. применять этот термин нельзя».

В издании 1939 г. этот пассаж несколько сокращен, слово «жестокость» в применении к Фигнеру заменено словом «неумолимость». В издании 1941 г. читаем только: «В России «народная война» выражалась в несколько иных формах, чем в Испании, хотя по ожесточенности она напомнила Наполеону испанцев». И далее: «В России ожесточение народа против неприятеля росло с каждым месяцем. Уже в начале войны для русского народа стало вполне ясно только одно: в Россию пришел жестокий и хитрый враг, опустошающий страну и грабящий жителей... В этих партизанских отрядах были солдаты, были казаки, были призванные уже во время войны ополченцы, были добровольцы из крестьян». Как видим, изменения внесены довольно существенные.

Отметим еще две характерные коррективы. В издании 1936 г. читаем: «Наполеон ниспроверг то преклонение перед штыковым боем, которое Суворов сделал таким общепринятым». В издании 1941 г. сказано мягче, чтобы не обидеть Суворова: «Наполеон ниспроверг то преклонение перед штыковым боем, которое после Суворова сделалось таким общепринятым,

хотя сам Суворов вовсе не отрицал значения артиллерии». Обращает на себя внимание также последовательное исключение Фридриха II из числа великих полководцев, в ряду которых он неизменно присутствовал в издании 1936 г. Так, в 1936 г. «крупными мастерами военного дела» названы Ганнибал, Цезарь, Фридрих II и, конечно, прежде всего Наполеон. В издании 1939 г.: Ганнибал, Цезарь, Суворов, Наполеон. В первом издании читаем: «Из полководцев он (Наполеон. – Б.К.) высоко ставил Фридриха Великого, Тюренна, Конде». В издании 1939 г. остались Тюренн и Конде.

Последнее прижизненное издание «Наполеона» на русском языке вышло в 1942 г., в разгар войны. Оно снабжено новым предисловием, в котором отвергаются любые аналогии между Наполеоном и Гитлером. Нелепо сравнивать «ничтожного пигмея с гигантом», гениального полководца и государственного деятеля с «полуграмотным, тупоумным, немецко-фашистским мерзавцем», – утверждал Тарле. Наполеон никогда не ставил себе целью уничтожение русского государства и тем более уничтожение русского и других народов. В Европе ликвидация им остатков крепостничества и провозглашение равенства всех сословий перед законом сыграли большую прогрессивную роль. «Всякий подданный Наполеона независимо от национальности и вероисповедания чувствовал себя под твердой защитой гражданского закона и был уверен в неприкосновенности своей жизни, чести и имущества»...

...Говоря о несопоставимости Гитлера и Наполеона, Тарле ссылаясь на Сталина, заметившего в речи 6 ноября 1941 г., что «Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва».⁵⁵

Повторяю: как же мы можем сегодня всерьез относиться к текстам Е.В. Тарле, если, к примеру, он всего лишь от страха быть уличенным в «непатриотизме» *без каких бы то ни было объяснений* поменял цифру потерь армии М.И. Кутузова в Бородинском сражении с 58 000 (в издании его книги 1943 года) на 42 000 – в наспех слепленной брошюре несколькими годами позднее⁵⁶ (после выхода угрожающих критических рецензий)?! Нужно было любым способом уничтожить факты, свидетельствующие о позорном поражении М.И. Кутузова и русской армии в генеральном бою – и они нагло и беззастенчиво, вопреки всем академическим «декорациям» Е.В. Тарле уничтожались! Но я напомним фразу, посвященную М.И. Кутузову из письма Е.В. Тарле: «Тончайше проведенная симуляция добродушного старого служивого...» Конечно! Именно хитрому и лицемерному (об этом в подробностях вы узнаете уже совсем скоро) Е.В. Тарле особенно легко было распознать, разглядеть суть натуры и методов «старой лисы»-Кутузова!

Еще важнее, чем просто подмена некоторых фактических показателей и формулировок оценки деятельности исторических лиц, стало то, что Е.В. Тарле осуществил возврат к охранительному мифу о причинах и характере войны 1812 года, похоронив достижения своих коллег (как минимум за предшествующие 50 лет), а также «не заметив» сотен документов, которые противоречили красивой сказке о той войне. Как же отнеслись к книге Е.В. Тарле маститые ученые его эпохи? Вместе с доброжелательным биографом академика – Б.С. Кагановичем – рассмотрим два примера:

«Гораздо интереснее была рецензия старого знакомого Тарле С.П. Мельгунова. Он отмечал, что автор книги – «один из наиболее видных и талантливых наших историков старой школы... Такого сжатого научного очерка, рассчитанного к тому же по форме изложения на широкую читательскую массу, в литературе, посвященной 1812 г., не было». Мельгунов, однако, считал, что «научное значение работы в значительной степени сведено на нет посторонними официальными директивами, полученными автором в духе новейших сталинских дирек-

⁵⁵ Каганович Б.С. Указ. соч., с. 190–195.

⁵⁶ На это обратил внимание еще А. Микаберидзе: Mikaberidze A. The Battle of Borodino: Napoleon against Kutuzov. L., 2012, p. 212.

тив о возрождении «патриотизма» в народе». «Автор придает наукообразную форму некоторым видам прародительской историографии, возвращается ко временам Липранди, чтобы доказать, что «не мороз и не пространство России победили Наполеона, его победило сопротивление русского народа», – пишет Мельгунов и добавляет: «Для установления такого тезиса вовсе не надо переходить на стезю фальшивого патриотизма и отрицать, например, роковое значение для наполеоновского войска преждевременных и довольно необычных осенних морозов». Как мы видели, ничего подобного Тарле не утверждал. «Истинный патриотизм не требует сусальной позолоты, – замечал Мельгунов. – И вовсе не требуется окутывать флером слащавого сентиментализма то, что принято называть «народной войной». <...> Это была ожесточенная борьба с обессилевшим тылом армии – и только». И в этом Тарле, как нам кажется, не повинен. Вообще многие замечания Мельгунова, не вполне несправедливые в отношении Тарле, оказались пророческими по отношению к позднейшей советской историографии 1812 г.

Известный польский военный историк генерал Мариан Кукель (1885–1973), одноклассник К. Радека по львовской гимназии и будущий военный министр польского эмигрантского правительства в Лондоне, сам автор капитального труда о кампании 1812 г., рецензировал и русское, и английское издания книги Тарле. Отзыв его очень недоброжелателен и пристрастен, но отдельные замечания М. Кукеля не лишены интереса. По его словам, Тарле преуменьшает роль польского вопроса в войне. Кукель указывал ряд новых западных изданий, не учтенных Тарле, и перечислял обнаруженные им неточности и ошибки военно-исторического характера. Он ядовито отмечал, что советский историк хвалит крестьянина за то, что тот не бунтовал. Ряд замечаний Кукеля явно несправедлив. Так, по его словам, «Тарле восхваляет бумажную войну, развязанную Багратионом против Барклая», что совершенно не соответствует действительности. «На иностранцев в главной русской квартире Тарле смотрит глазами Багратиона и Ермолова», – и это замечание Кукеля, вполне справедливое в отношении позднейшей советской историографии, нельзя признать обоснованным по отношению к книге Тарле 1938 г. «В том, что касается Кутузова и других русских вождей, историография г. Тарле пышет духом николаевской эпохи. С той только разницей, что даже Михайловский-Данилевский был более объективен, добросовестен и точен», – заключает Кукель.

В рецензии на американское издание книги Тарле, напечатанной в польском эмигрантском журнале, Кукель заходит еще дальше. «Если позиция Тарле, крайне националистическая и враждебная Западу, некритичная в отношении популярных традиций и легенд, поразительным образом сближает Тарле с николаевскими историками этой войны Михайловским-Данилевским и особенно Липранди, – то ни один из них не может сравниться с Тарле в бесцеремонности обращения с фактами и источниками. Это даже не отход историографии на уровень столетней давности, это нечто еще более трагическое: это историография, которая вообще перестала стремиться к истине», – пишет Кукель. Очевидно, что он совершенно не понимает расстановки сил и позиций в советской исторической науке. Приписывать Тарле «крайний национализм» и «вражду к Западу» абсурдно; в Советском Союзе в последние годы жизни Сталина его обвиняли за эти же книги в «космополитизме» и «низкопоклонстве перед Западом».⁵⁷

Безусловно, биограф-апологет старается отвести от своего «подзащитного» перечисленные серьезные обвинения, но факт остается фактом: именно Е.В. Тарле повернул время вспять – и способствовал восстановлению пошлого и антинаучного великодержавного мифа о войне. Кроме того, одно не исключает другого: Е.В. Тарле могли обвинять и «красные» писаки, и его коллеги по старой школе. Важно то, что опытные историки (они же и сторонние читатели) сразу почувствовали суть и смысл произошедшего. Таким образом, я должен резюмировать: Е.В. Тарле поставил свой талант на службу режиму, поэтому при всех литературных качествах

⁵⁷ Каганович Б.С. Указ. соч., с. 210–212.

издания, при пронизательных его оценках некоторых конкретных нюансов, книга сталинского академика не может восприниматься как строго научная и объективная.

В 1976 году гениальный поэт Иосиф Бродский написал: «**Человек страшней, чем его скелет**». И это правда. Вся мировая история тому подтверждение – и то, что творили русский царь и многие его подданные в 1812 году, как мы вскоре убедимся, не исключение. Но я сейчас вынужден погрузить вас в контекст жизни автора одной из самых популярных книг о войне 1812 года. Дело в том, что Е.В. Тарле менял свои «показания» не только в науке, но и в жизни – причем, я полагаю, что именно контекст жизни так его испугал, что заставил исказить правду истории: тем более что за ложь давали роскошные квартиры, машину и даже служанку, которая обо всем добросовестно стучала в ЧК.

Для большинства даже зачастую не видевших его фотографии читателей академик Тарле – это некий добрый и мудрый дедушка-историк. Человек, который решил написать труд – и написал его, как считал нужным. Но все гораздо сложнее. Внимательный анализ биографии Е.В. Тарле доказывает, что он был вначале жертвой сталинской системы, а потом и сам стал (ибо его таланты оказались нужны режиму) одним из пропагандистов и даже палачей своих более принципиальных и нравственно достойных коллег.

Как известно, Е.В. Тарле проходил по одному из многих сфабрикованных чекистами дел. Уникальные документы следствия по так называемому «**Академическому делу**» были опубликованы только в 1998 году.⁵⁸ При этом тираж был мизерный, а, главное – *сами историки постарались не комментировать произошедшее*: уж слишком сильно и комфортно было влияние легенды о Тарле.

Один из тех, кто внимательнейшим образом проанализировал упомянутые материалы, стал В.С. Брачев – его исследование вышло в 2006 году.⁵⁹ А сейчас я попрошу у вас *внимания, терпения и выдержки*. Я приведу весьма значительные отрывки из работы В.С. Брачева, а также большие (иначе нет смысла) цитаты допросов академика Е.В. Тарле, в которых он, пойдя на сговор со следствием, губит выдающихся ученых – своих коллег. Вы станете свидетелями того, как сам Тарле будет умолять следователя принять от него преступную клевету. Все это нам необходимо узнать и *прочувствовать*, чтобы понять, из каких корней росла кошмарная советская лженаука, как жило «высоконравственное» советское общество – все эти наследники «славных традиций Суворова, Кутузова» и прочих не менее достойных персонажей. Итак, слушаем:

«...ввиду заграничной командировки, в которой находился в январе 1930 г. Е.В. Тарле, сделать это одновременно с арестом С.Ф. Платонова чекистам не удалось. И «взяли» они его чуть позже – 28 января 1930 г. Арестом и обыском в квартире академика руководил сотрудник ОГПУ А.А. Мосевич.

...Начались усиленные допросы. Следствие интересовал, главным образом, академик С.Ф. Платонов. «С Платоновым, – заявил Е.В. Тарле, – я знаком еще со времени, когда я был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. За это время наши взаимоотношения с ним пережили и периоды больших сближений, и, наоборот, иногда мы расходились. Я знал и знаю Платонова как убежденного монархиста. Вспоминаю, что и в прошлом, и в последнее время он заявлял о своих симпатиях к монархии. Однако к царю Николаю II он относился плохо, считал его дегенератом (хорошо, что безумная особь из Думы этого не слышала – прим. мое, Е.П.); так же плохо относился к его детям, считал их плохо воспитанными, по его словам, «как дети армейского офицера». Хорошо относился Платонов к Константину Константиновичу, но в такой же примерно степени он не терпел Николая Михайловича и чрезвычайно резко отзывался о распутинской клике. В вопросах международной политики Платонов являлся гер-

⁵⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1. СПб., 1998.

⁵⁹ Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006.

манофилом. Это свое германофильство Платонов часто проявлял и подчеркивал. Так, например, он считал большой ошибкой русско-германскую войну 1914–1917 гг.; подчеркивал большое трудолюбие, организованность и культуру немцев; утверждал, что немцы хотя и разбиты, но дадут себя знать, так как у них силы есть и т. д. Он был большим сторонником русско-германского союза в прошлом.

<...> Об отношении Платонова к советской власти, – показывал Е.В. Тарле, – могу сказать, что он советскую власть признавал, но, конечно, с ней во многом расходился, я его считал монархистом в прошлом, но оппортунистом в настоящем. Я никогда не думал, что он ведет такую большую политическую игру».

Как видим, ни о какой контрреволюционной организации во главе с С.Ф. Платоновым в первых показаниях Е.В. Тарле еще нет и речи. Отрицает он и какие-либо разговоры в окружении С.Ф. Платонова о желательности военной интервенции в СССР и возможных кандидатурах на российский престол.

...4 февраля 1930 г. Е.В. Тарле направил на имя начальника секретно-оперативного отдела ОГПУ С.Г. Жупахина заявление. «Уважаемый Сергей Георгиевич. Очень прошу Вас вызвать меня, когда Вы будете в Доме предварительного заключения, на личную беседу по моему вопросу. С уважением, акад. Е. Тарле». Такая возможность ему была тут же предоставлена. Так началось нравственное падение, или «затмение», Е.В. Тарле...

Дело в том, что результатом этой беседы академика с видным чекистом стали показания Е.В. Тарле от 8 февраля 1930 г., оформленные, в отличие от его последующих собственноручных показаний, как протокол допроса.

«Признаю, – заявил здесь Е.В. Тарле, – что в Ленинграде в академической и научной среде существовала контрреволюционная организация во главе с академиком С.Ф. Платоновым. По своим программным установкам, по политическим взглядам организация была конституционно-монархической. ... По своей внутренней политике организация ориентировалась на зажиточное, собственническое крестьянство как социальную базу конституционной монархии России.

В международной политике организация ориентировалась на тесный военно-политический союз будущей монархической России и будущей монархической Германии, судя по тому, что именно таковы убеждения Отто Гетча, который всегда это пропагандировал. В этом направлении лидером организации С.Ф. Платоновым велись разговоры с лидерами германских националистов, в частности с лидерами националистов Шмидт-Оттом, Отто Гетчем и другими. В качестве претендента на российский престол организация ориентировалась на Андрея Владимировича, ученика Платонова, и о котором последний весьма хорошо отзывался.

<...> Из состава этих кружков мне известны лишь отдельные лица, например Тхоржевский, Гринвальд, Насонов, Степанов и другие. Наиболее близкими Платонову людьми были Рождественский, Лихачев, Васенко».

<...> «Я на них (С.Ф. Платонова и людей его круга. – Б.В.) смотрю теперь, – отмечал Е.В. Тарле в своих показаниях 9 апреля 1930 г., – **даже не как на противников, а как на врагов** (выделено мной, Е.П.)...».

<...> Итоги проделанной следствием со времени ареста Е.В. Тарле работы с ним были суммированы в показаниях ученого от 11 апреля 1930 г. «В завершение моих совершенно точных и чистосердечных показаний, – заявил он, – сообщаю, что существовавшая контрреволюционная организация во главе с С.Ф. Платоновым имела свое разветвление по ряду городов (университетских: Москва, Харьков, Минск и другие). Конечной целью организации было, как я уже писал, свержение существующего в СССР государственного строя и установление конституционной монархии во главе с Андреем Владимировичем».

<...> «Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич, – читаем мы в другом заявлении Е.В. Тарле к С.Г. Жупахину. – С чувством, близким к отчаянию, я узнал, что Вы не хотите

лично со мной говорить... Я твердо решил все сделать, чтобы вполне удовлетворить следствие».

Неловко и больно читать эти строки знаменитого ученого. Согласившись, что самое поразительное, так легко в обмен на свое гипотетическое освобождение на сознательный оговор своих учеников, коллег и друзей, Е.В. Тарле пошел, что называется, на сделку с дьяволом, и иначе как аморальным его поведение в ходе следствия назвать трудно.

Как и следовало того ожидать, «роман» Е.В. Тарле с С.Г. Жупахиным закончился предъявлением ученому официального обвинения (выделено мной, Е.П.). 15 апреля 1930 г. начальник IV отделения Секретного отдела А.Р. Стромин подписал постановление о привлечении Е.В. Тарле в качестве обвиняемого по статьям 58⁴, 58⁵ и 58¹¹ УК РСФСР в том, что он «активно участвовал в создании контрреволюционной монархической организации, ставившей себе целью свержение советской власти и установление в СССР конституционно-монархического строя путем склонения иностранных государств к вооруженному вмешательству в дела СССР...». Мерой пресечения возможного уклонения Е.В. Тарле от следствия и суда было определено содержание его под стражей в ДПЗ.

Итак, обвинение Е.В. Тарле было предъявлено. Какова же была его реакция на этот шаг со стороны следствия? Увы, Е.В. Тарле и тут повел себя совсем не так, как С.Ф. Платонов в подобной ситуации! Если тот боролся и рьяно защищал своих друзей и учеников от обвинений, возводимых на них следствием, то Е.В. Тарле, напротив, действовал со следователями рука об руку и в буквальном смысле слова топил своих бывших коллег, надеясь заслужить тем самым у чекистов прощение и освобождение.

<...> «Вызовите меня, Сергей Георгиевич, и допросите!

...Искренне Вас уважающий Е. Тарле

17-го апреля 1930

P.S. Вы как-то сказали мне, что Вам часто бывают удобны ночные часы для допросов. Всецело располагайте мною в этом отношении. Все равно в ожидании Вашего вызова я не раздеваюсь и не ложусь до утра каждую ночь теперь».

<...> Впрочем, совсем уж оставить организацию С.Ф. Платонова без оружия было нельзя. Вследствие чего Е.В. Тарле то ли по своей инициативе, то ли по подсказке следователей заявил 29 июня 1930 г., что какое-то оружие у нее все же было. «Начал образовываться небольшой запас оружия, – показывал он, – в Пушкинском Доме в отдельном закрытом помещении, библиотечном зале и на чердаке». Проверять эти домыслы, естественно, никто не собирался.

<...> С этим связано появление четырех основных заявлений Е.В. Тарле, направленных им в коллегия ОGPU: от 10–11 августа, 24, 27 и 28 сентября, а также дополнений к ним от 27 сентября и 4 октября 1930 г.

Основной лейтмотив первого заявления, т. е. 10–11 августа – указание на возможные области использования его (Е.В. Тарле) советской властью в случае освобождения: участие помимо научной и педагогической работы в редактировании многотомного издания дипломатических документов начала XX века; организация в Советском Союзе при помощи Тарле Всемирного съезда архивных деятелей.

<...> Вопреки надеждам Тарле его активное сотрудничество со следователями не спасло академика ни от публичного ошельмования, ни от приговора.

<...> Местом ссылки Е.В. Тарле была определена далекая Алма-Ата, куда он и прибыл 4 сентября 1931 г. Здесь он благодаря покровительству первого секретаря Казахского обкома ВКП(б), своего бывшего ученика по университету, Ф.И. Голощекина практически сразу же получил место профессора новейшей истории местного университета. И хотя условия жизни Е.В. Тарле были здесь не из легких, можно с уверенностью сказать, что в ссылке Е.В. Тарле не бедствовал и, что самое важное, вполне ладил с местным ОGPU и властями.

<...> Особого внимания в этой связи заслуживает утверждение известного чекиста, начальника секретного политического отдела ОГПУ Я.С. Агранова о якобы тесном сотрудничестве Е.В. Тарле с этим ведомством в период его алма-атинской ссылки: «Систематически по своей личной инициативе давал сведения о настроениях в среде научно-технической интеллигенции», и в конце концов даже предложил ОГПУ в Казахстане «свои услуги в качестве секретного осведомителя», от чего там, правда, отказались».

<...> В Алма-Ате Е.В. Тарле пришлось прожить целых 13 месяцев, пока в начале октября 1932 г. по телеграмме председателя политического Красного Креста Е.П. Пешковой он был срочно вызван в Москву. Здесь ему от имени Президиума ВЦИК СССР было объявлено о помиловании. Здесь же в Москве на приеме у наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова Е.В. Тарле наконец-то услышал долгожданные для него слова. «Такая силища, как Тарле, – якобы заявил тот, – должен с нами работать». Е.В. Тарле был счастлив». ⁶⁰

Карьера Е.В. Тарле стремительно пошла на взлет, а вот оклеветанный им дворянин С.Ф. Платонов умер в ссылке 10 января 1933 года. При этом стоит отметить, что оба историка оказались не самыми лучшими политическими аналитиками: они не смогли спрогнозировать развитие ситуации, причем, если С.Ф. Платонов (1860–1933) был уже стар для комфортной эмиграции, то Е.В. Тарле совершенно ошибочно вернулся из упомянутой командировки. Вот так, *на практике*, и проверяется истинная состоятельность ученого-историка...

Итак, «верное понимание» патриотизма и «роли народа», а также талантов М.И. Кутузова растили в застенках ОГПУ. Естественно, ни в предисловии к книгам Е.В. Тарле, ни в школьных учебниках (написанных с учетом и его выводов) про роль застенков (кстати, запомним это слово буквально на несколько страниц) в искажении истории 1812 года не упоминалось, и абсолютное большинство из вас о том не ведали. Как мы знаем, в конце девятнадцатого и начале двадцатого века (даже к юбилею войны – в 1911–1912 гг.) уже вышло множество солидных сборников документов и научных исследований, которые позволяли начать объективно судить о предмете нашего разговора. Но новый политический курс И. Сталина сломал естественное развитие научной жизни. Итогом ломки конкретно Е.В. Тарле среди прочего было: а) изменение оценки выдуманной «народной войны», б) изменение оценки итогов Бородин, в) изменение оценки ряда исторических фигур – и, разумеется, невозможно и думать о том, чтобы показывать борьбу значительной части населения против власти. Отмечу, что подобное стало и отходом от того, что именовали «марксистским подходом». Историкам эпохи советского империализма приходилось работать в состоянии психической неадекватности и как бы раздвоения личности: надо было оправдывать империализм царизма, при этом обличая сам царизм и «империализм Запада». И эта патология психики и отсутствие логики внедрялись в широкие массы: она и до сих пор не изжита, а в последнее время вновь «взята на вооружение». Поведение Тарле-«ученого» коррелирует с поведением Тарле-человека: он менял показания и очернял людей с такой же легкостью и беспринципностью, как создавал исторические тезисы. Есть такая «профессия» – сталинский академик в достатке...

И все же вкусивший в молодости «буржуазной жизни», знающий иностранные языки и работавший в Европе Е.В. Тарле создавал тексты еще не совсем советского стиля – именно советский, точнее, «совковая» стилистика отшлифуется в 1940–1980-х гг., когда бумагу начнут мариать выходцы из пролетариев и крестьян, идейно трафаретные и сломанные с самого начала.

Вспоминаются слова об СССР легендарной балерины двадцатого века – Майи Михайловны Плисецкой (1925–2015): «коммунизм и социализм, лично для меня – это хуже фашизма». Вы их можете услышать в ее известном интервью (доступно в YouTube), но мне посчастливилось несколько лет подряд общаться с Майей Михайловной лично – и могу свидетельствовать, что в частных беседах она высказывалась еще жестче и подробнее. И в контек-

⁶⁰ Там же, с. 128–184.

сте главной темы данной книги, конечно, стоит упомянуть, что на фотографиях М.М. Плисецкой в детстве видна большая конная статуэтка Наполеона, украшавшая квартиру ее родителей. Однако – вернемся к Е.В. Тарле.

Даже получивший все блага от И. Сталина Е.В. Тарле до последних дней жил в постоянном страхе. И **страх этот** ощущался в самых незначительных вещах. Вот какие еще детские воспоминания о единственной встрече с маститым академиком оставил известный советский драматург Э.С. Радзинский:

«Теперь Тарле жил в знаменитом «Доме на набережной», большинство прежних обитателей которого лежали в бездонной могиле в Донском монастыре. В этот дом и привел меня Зильберштейн.

Тарле шел восьмой десяток... он сидел под огромной гравюрой Наполеона.

Посещение меня разочаровало. Тарле как-то холодно выслушал мои восторги Наполеоном. И вообще, о Наполеоне, к моему разочарованию, в этот вечер он совсем не говорил. Вместо этого он долго и нудно рассказывал о классовых выступлениях французских рабочих в XIX веке. После чего они с Зильберштейном заговорили о письмах Герцена, выкупленных Зильберштейном за границей. Экземпляра «Наполеона» у Тарле почему-то тоже не оказалось. Вместо желанного «Наполеона» он подарил мне свою книгу «Жерминаль и Прериаль». Книга оказалась все о тех же французских рабочих и показалась мне невероятно скучной. Но главное – там не было Наполеона.

Отец выслушал с улыбкой мои разочарования и промолчал. Он не посмел мне объяснить: увенчанный славой старый академик попросту испугался. Испугался мальчишеских восторгов Наполеоном, как бы порожденных его книгой. Ведь Бонапарт был врагом России. И к тому же душителем революции. «Бонапартизм» – одно из страшных обвинений во время сталинских процессов. И старый Тарле поспешил подарить мне «правильную книгу» – о классовой борьбе французских трудящихся». ⁶¹

История особенно интересна тем, что в ней многое взаимосвязано и переплетено. И тот же еще помнящий Е.В. Тарле Э.С. Радзинский в 2007 году приходил на премьеру моего спектакля «Немецкая сага» (по пьесе гениального японского драматурга Юкио Мисимы (1925–1970)), которая состоялась в театральном центре имени В.Э. Мейерхольда: а уже он, в свою очередь, был и палачом, и жертвой большевицкого режима. Замечу, что после спектакля Эдвард Станиславович высказал самые лестные слова по поводу моего режиссерского решения. Но вернемся к теме 1812 года.

Великодержавная и ура-патриотическая пропаганда стала входить в сильнейшее противоречие с основными тезисами марксизма-ленинизма: в таких случаях слуги выбирали не принципы, а хозяина. Конечно, приходилось изворачиваться, наглеть и завираться. Вот характерный пример:

«В своих высказываниях об искусстве полководцев русской армии в Отечественной войне 1812 года Ф. Энгельс, пользуясь немецкими и английскими материалами, недооценил военное искусство фельдмаршала М. И. Кутузова, блестяще проведенное им контрнаступление и дал ошибочную характеристику роли Кутузова в Бородинском сражении. Это суждение Энгельса вызвало замечание товарища Сталина, указавшего на огромные личные заслуги Кутузова, который «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления». Опираясь на данное указание И. В. Сталина, советские ученые создают подлинно научную историю Отечественной войны 1812 года, в которой раскрывается роль русского народа и его армии, роль Кутузова и его плана контрнаступления в разгроме захватнической армии Наполеона, спасении народов Европы от наполеоновского ига». ⁶²

⁶¹ Радзинский Э.С. О себе. М., 2008, с. 17–18.

⁶² Котов В.Н. К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русском народе. «Знание». М., 1953, лекция первая.

Это дурная комедия, шутовство – но именно такие сервильные авторы и подобные болезненно нелогичные тезисы вошли в учебную советскую литературу и в сознание масс.

В подобном же состоянии «раздвоения личности» писал в 1954 г. свою брошюру о выдуманном партизанском движении автор с весьма подходящей для данного сюжета фамилией – Бычков. Ах, какие строки, сколько совдеповские «крепостные» писаки умудрялись вмещать эпитетов, усугубляющих и без того злостное нападение врага: «Против захватнического нашествия русский народ начал справедливую Отечественную войну, которая разворачивалась в весьма сложной политической обстановке».⁶³ Это первая фраза главы – а вторая фраза и ряд других вносит базовое противоречие в суть первой: «К началу XIX века Россия представляла собой отсталую сельскохозяйственную страну, в которой господствовали феодально-крепостнические отношения».⁶⁴ Как же это получается: вот рабы являются вещью помещика – и тут вдруг рабы начинают защищать «свободу»?! Но в теории невозможно защищать то, чего у вас никогда не было: даже своей земли, своего дома, своей деревни – ничего своего! И никакой свободы простого передвижения!

Тот же тов. Бычков продолжает описывать прелести свободы, которую надо защищать: «Продолжалась торговля крестьянами и самое беззастенчивое вмешательство помещиков в область чисто личных отношений крепостных крестьян».⁶⁵ Конечно, советский автор не стал описывать сцены сексуального насилия и разного рода глумления одних православных людей над другими – но и вышеназванный тезис как-то смазывает страх от прихода веселых и свободных граждан из Франции. Продолжим: «По данным И. Игнатович, за первое десятилетие XIX века, с 1801 по 1810 г., в России было 83 крестьянских выступления».⁶⁶ 83 выступления за 9 лет! Это же просто **состояние перманентной гражданской войны**. Никакая временная драка солдат соседних стран столько не длится! Однако послушаем еще несколько тезисов из упомянутой брошюры: «Александр I был прежде всего царем-крепостником, жестоко подавлявшим крестьянские выступления».

<...> Эксплуататоры крестьян – помещики-крепостники и царские власти опасались, как бы крепостные крестьяне не воспользовались ослаблением помещичьего государственного аппарата во время войны с Наполеоном и не подняли бы общего восстания против царизма и помещиков.

...При формировании ополчения многие помещики заботились прежде всего о доходах своих имений, а не о защите родины. Многие помещики старались дать как можно меньше людей в ополчение, а на тех крестьян, которые вступали в ополчение, стремились получать рекрутские квитанции, с тем чтобы зачесть ополченцев в счет поставляемых рекрутов».⁶⁷

Таким образом, весь этот мрак ненависти сословий друг к другу полностью уничтожает смысл первой фразы агитки. И вообще любому иноземному «врагу» уже просто нечего делать на этом «празднике» войны всех против всех.

Помня о метафорических «говорящих фамилиях», можно упомянуть и Д.Е. Червякова – автора другой 30-страничной бредовой агитки: «Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 году» (М., 1953). Документы его не интересуют (они бы даже помешали...), зато обильно цитируются И. Сталин и Г.М. Маленков (1902–1988). Прямо на задней стороне обложки и крупным шрифтом гражданам СССР предлагается «вносить вклады в сберегательные кассы».

⁶³ Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954, с. 11.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 12.

⁶⁶ Там же, с. 13.

⁶⁷ Там же, с. 13–15.

IV

Важный, малоизвестный и показательный факт: до эффектных высказываний И.В. Сталина (1878–1953), который пытался прикрыть собственный позор бегства и поражения армии в 1941 году путем сооружения мифа о глубокомысленном плане М.И. Кутузова в 1812 году, **серьезные ученые за 130 лет не посвятили М.И. Кутузову ни одной монографии!** Об этом «кричащем» случае почему-то никто не задумывается. Но факт остается фактом: ни одного серьезного научного исследования за 130 лет – лишь пара балагурных и былинных агиток в первые годы после 1812 года и какие-то конфитюрные упоминания в юбилейных изданиях.

Только в военном 1942 году, после внедрения идеологической директивы сверху, выходит маленькая книжка всего на двести страниц (автор – полковник Н.Е. Подорожный): причем больше ста страниц посвящено унылому пересказу фабулы войны 1812 года (в том числе – без участия М.И. Кутузова), а биографии генерала до проигранной им Наполеону кампании 1805 года – отведено всего 14 страниц (столько же, сколько выделено на специальные разделы о тактике Фридриха Великого, генералов французской революции и лично Наполеона). Почему всего 14 страниц? Потому что писать просто не о чем. До проигранной Аустерлицкой кампании (то есть почти всю жизнь) М.И. Кутузов самостоятельно армиями не командовал – а затем сразу потерпел поражение. Отмечу, что упомянутое издание почти не содержит ссылок на источники, поэтому оно лишь отчасти может именоваться академическим исследованием.

Таким образом, наука на полных основаниях не заметила сего деятеля (М.И. Кутузова) – и только по приказу бандита Кобы-Сталина (в прошлом грабителя инкассаторской машины) советские холуи от «науки» стали строчить типовые книжонки про «великого полководца».⁶⁸ И первый среди подобных графоманов от пропаганды – П.А. Жилин (1913–1987): не историк, а просто кабинетный служака в погонах, родившийся в селе Воробьевка Богучарского уезда (Воронежская губерния...) – и сделавший при советском режиме большую карьеру в Москве (но так, по сути, из села и не выбравшийся). Злобный и мстительный деревенский тип (с соответствующей тяжелой физиономией), который долго душил науку и молодых ученых. Иностранных языков П.А. Жилин не знал, но иностранными источниками часто пренебрегал еще и по «идеологическим» причинам. Он не был в состоянии прочесть на языке оригинала ни один из документов французского штаба! Доходило до комизма: к примеру, известного наполеоновского генерала Гийома Матье Дюма (Guillaume Mathieu Dumas: 1753–1837) товарищ Жилин называл «Мэтью Думасом».⁶⁹ За свою фальсификаторскую брошюрку о М.И. Кутузове ему быстренько выписали Сталинскую премию (1952 г.), а в конце жизни он стал почетным гражданином аж Вязьмы (1985 г.). Вот что товарищ Жилин, не стеснясь ничего и никого (а достойные – или сидят в тюрьме, или в могиле, или в эмиграции), пишет в своей «научной» работе 1950 года: «Огромная заслуга в правильной оценке полководческого искусства Кутузова принадлежит лично товарищу Сталину. ...Решительным поворотом во всей литературе, посвященной Кутузову, явился выход в свет материалов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – «Михаил Илларионович Кутузов». Руководствуясь указаниями товарища Сталина... и в этих материалах в сжатой, но убедительной форме, рисуется мужественный образ великого русского полководца».⁷⁰

⁶⁸ См., например: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. (М., 1950; 2-е изд. – в 1953 г., под заголовком «Контрнаступление русской армии в 1812 г.»).

⁶⁹ На это обстоятельство обратил внимание О.В. Соколов: Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999, с. 6.

⁷⁰ Жилин П.А. Указ. соч., с. 28–29.

Итак, дорогие читатели, ваш образ «великого полководца» вылез из грязной и сухой лапы бандита и серийного убийцы Кобы (Сталина) – одного из главных преступников прошлого века! А затем эта мерзкая выдумка разошлась по всем учебникам, по всей пропагандистской машине «империи зла» – и в итоге выросло уже не одно поколение зомбированных людей.

К слову об отношении советских «историков» к иностранным языкам: профессор В.Г. Сироткин (1933–2005) мне рассказывал, что будущий декан (в 1957–1971 гг.) исторического факультета МГУ, занимающийся темой революционного движения в России И.А. Федосов (деревня Максимово, 1921–2001, Москва), в послевоенные годы еще долго ходил по факультету в сапогах и говорил: «нам иностранные языки не нужны – пусть они, если хотят, наш учат».

Важно подчеркнуть, что и после тоненьких книжонок о выдуманном «контрнаступлении» М.И. Кутузова именно монографических биографий полководца в СССР также не выходило (за исключением антинаучной книжки уже упомянутого П.А. Жилина): то есть он существовал просто как мифический образ в учебниках и на пропагандистских плакатах, но научно почти не изучался.

При этом советские авторы не гнушались производить самые злостные фальсификации. К примеру, **опубликованная в книжке П.А. Жилина схема Бородинского сражения, была намеренно искажена!**⁷¹ И именно эта схема использовалась во всех школьных и институтских учебниках, атласах и наглядных пособиях. В итоге она автоматически стала самой популярной и в сегодняшнем интернете. А все началось с обычной фальсификации в одном издании советской эпохи. Но за неимением альтернативы и монопольным влиянием того же П.А. Жилина подобный подлог не был освящен сразу же – а затем успешно распространился.

Одним из двух (наряду с П.А. Жилиным) главных «монополистов» темы войны 1812 года в советской историографии 1940–1980-х гг. был Любомир Григорьевич Бескровный (1905–1980). Он окончил Кубанский педагогический институт, а затем стал полковником в Москве... Л.Г. Бескровный стал верно отрабатывать «линию партии» в истории – и вскоре он оказался доктором наук.⁷² Этот автор старался сохранять декорацию академической стилистики. В своей написанной к юбилею книге⁷³ он даже отвел значительное место теме подготовки к войне. Но проблема была в том, что выпускник Кубанского пединститута не знал языков. В итоге, описывая состояние Французской промышленности перед Русской кампанией (т. е. в 1810–1811 гг.), он использовал данные из «Отчета генерала Бернадота» 1799 года! Просто эта брошюра была переведена на русский и издана в Варшаве (сразу после прихода к власти Бонапарта Жан-Батист Жюль Бернадот недолго служил военным министром). Как вы сами понимаете, данные 1799 года к 1812 г. категорическим образом устарели: Наполеон создал совершенно новую систему всего государственного управления, провел колоссальные реформы, организовал новую армию и производства. Зная об этой языковой проблеме Л.Г. Бескровного, мы понимаем, что исходные тезисы о работах иностранных историков в типовом перечислении «вражеской» буржуазной историографии было, очевидно, подготовлено «литературными неграми» из числа потомков обитателей «черты оседлости»...

Продолжим. Даже и в советской историографии считалось, что русская армия понесла в Бородинском сражении потерю в 58 000–60 000 человек, но в 1962 году Л.Г. Бескровный неожиданно указал цифру в 38,5 тыс. чел.⁷⁴ Его вопиющий непрофессионализм и неуважение к читателю и коллегам поражают, ведь в том же 1962 г. под его редакцией выходит сборник документов, посвященный Бородине, где опубликована архивная ведомость (*пусть и не пол-*

⁷¹ Николаенко Ст. Гром победы раздавайся? Постскрипtum. Едут, едут по Берлину ваши казаки. Харьков, 2011, с. 46.

⁷² О нем подробнее: Буганов В.И., Водарский Я.Е. Любомир Григорьевич Бескровный. // История СССР, 1981, № 5.

⁷³ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

⁷⁴ Там же, с. 397.

ная), называющая потери русской армии (без учета нескольких подразделений) в 45 633 человека!⁷⁵ Очевидно, Л.Г. Бескровный или сам не читал сборник документов, или понадеялся, что широкая аудитория его не прочтает, а специалисты не посмеют обратить на это внимание.

Если не знать о том, что автор был просто слугой пропагандистской машины сталинской системы, если забыть о том, что его поколение пережило расправы 1937 года, то может показаться, что большинство концептуально важных выводов книжки Л.Г. Бескровного написаны психически больным человеком. К примеру: «В стратегическом отношении Бородинское сражение явилось последним актом оборонительного периода войны. После него начинается период контрнаступления».⁷⁶ То есть бегство остатков разбитой русской армии до Москвы, капитуляция «святых», спешное оставление в ней 30 тысяч русских раненых, отступление до Тарутина, разложение русской армии (когда чуть ли не половина ушла в мародеры – об этом вы узнаете из соответствующей главы); 36 дней пребывания Наполеона во «второй столице», выход Великой армии по решению ее командующего из города, поражение русских под Малоярославцем, отступление М.И. Кутузова от Малоярославца к Полотняным Заводам – это все было «контрнаступлением» русских?!

Продолжим. Сегодня также забыта попытка противостоять мифологизации М.И. Кутузова: **совместное официальное обращение** (июль 1962 года) профессора, доктора исторических наук С.М. Дубровского, генерал-майора С.И. Петровского и инженера-полковника И.М. Данишевского, поданное на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева (1894–1971), в котором они заявляют о бездарных действиях М.И. Кутузова и выступают категорически против возвеличивания его имени (в том числе просят не называть в честь него проспект, по которому русская армия бежала из города, и не ставить ему памятников!). Кроме того, авторы откровенно называют истинного автора мифа о Кутузове – Сталина. Этот интересный документ эпохи ныне хранится в Архиве Президента РФ (Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 46–55).

Когда мы исследуем советскую историографию, нам непременно и постоянно необходимо помнить и учитывать политический, психологический и бытовой контекст эпохи. Чудовищные репрессии уничтожали сотни тысяч людей – а прочих запугивали и делали трусами и подлецами. В особенности, это касается эпохи 1930–1950-х годов, но опыт, испуг и воспитание сохранили свое пагубное воздействие до самого краха СССР – и даже далее. Когда писал Е.В. Тарле – людей в СССР расстреливали, вместе с А. Гитлером расчленили Польшу, без объявления войны напали на Финляндию. Когда сочиняли П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный, А.З. Манфред – граждан СССР сажали в тюрьмы, применяли карательную медицину, публично унижали, шельмовали и устраивали запрет на профессию (кроме того, давили людей танками в Праге). И во все эти годы у советских крестьян еще не было паспортов! Пока уже я работал над данной монографией, мне приходилось наблюдать политические убийства, общественную паранойю поиска врагов, бегство талантливых и свободомыслящих людей из России, монструозную и преступную пропаганду в СМИ, засылку армейцев со срезанными шевами в чужую страну. Иногда работу приходилось прерывать, отвлекаясь на поиски знакомых, которые могли бы вытащить приличных людей и даже их несовершеннолетних детей из автозаков (и что ожидать дальше?). Неужели все это творил «враг»-Наполеон?

А теперь я хочу обратиться еще к одному историку, получившему большую и заслуженную известность в качестве автора книги о Наполеоне. Альберт Захарович Манфред (1906–1976) прожил интересную, но драматичную и очень непростую жизнь.⁷⁷ Мало кто знает, что один из символов академического стиля, прекрасно владевший французским языком (что

⁷⁵ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 216.

⁷⁶ Бескровный Л.Г. Указ. соч., с. 398.

⁷⁷ О биографии А.З. Манфреда подробнее: Манфред Альберт Захарович (некролог). // Вопросы истории, 1977, № 2; Далин В.М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1981.

немаловажно – и русским тоже: многие советские историки 1812 года не владели обоими...), создавший ряд солидных монографий, председатель Ученого совета по всеобщей истории Института истории АН СССР, главный редактор «Французского ежегодника» (с 1962 г.), президент Общества «СССР – Франция», член Национального комитета по изучению Наполеоновской эпохи (Италия) – А.З. Манфред – не имел диплома о высшем образовании. Дело было в том, что его юность пришлось на кошмарные годы революции и гражданской войны. Воспитанный в Петербурге, с детства увлекающийся поэмами Гомера и владеющий французским языком почти как родным, Альберт Захарович оказался вместе с семьей в провинции – и был вынужден устроиться разнорабочим. Его мать, Роза Самуиловна Розенберг, – переводчица и сестра знаменитого художника Леона Бакста (Лейб-Хаим Израилевич Розенберг: 1866–1924) умерла в 1918 году – и будущему историку пришлось помогать сестрам.

Но главное – это талант и знания. В 1926 г. он переезжает в Ленинград – и просто приносит в аспирантуру очень качественную работу на тему «Бланки в революцию 1848 года». Она была весьма благобно принята профессором В.П. Волгиным (1879–1962) – и Альберт Захарович начал академическую деятельность. Однако ему не удалось избежать жерновов советского режима той эпохи: в период обострения террора он был арестован. Несколько месяцев А.З. Манфред провел во Владимирской тюрьме, а когда был освобожден, то, по некоторым свидетельствам, весил всего 40 килограмм. Вскоре он вернулся к преподавательской и научной деятельности, но, конечно, подобный эпизод оставил глубокий след в его сознании и здоровье.

Сфера основных интересов автора – эпоха французской революции: поэтому теме юности Бонапарта, его первых идейных исканий, Итальянским походам и консульству уделено основное место монографии «Наполеон Бонапарт» (М., 1971). Далее повествование как бы сходит на «нет». Не в последнюю очередь это связано и с идеологией: советский историк просто не мог продолжать восхищаться Наполеоном в годы близкие к походу в Россию. Тем не менее Альберт Захарович совершенно верно выявил и подчеркнул стремление Бонапарта-консула к тесному стратегическому союзу именно с Россией.

Как исследователь А.З. Манфред чаще был внимательнее и ответственнее Е.В. Тарле, но и он нередко делал непростительные для настоящего знатока темы ошибки. Например, он писал, что армия Бонапарта вступила в Милан 26 мая 1796 г.⁷⁸ (на самом деле, это произошло 15 мая: видимо, он что-то напутал с трансляцией революционного календаря). А.З. Манфред совершенно незаслуженно говорит об идеологической и безграмотной писанине П.А. Жилина как о «монографическом» исследовании.⁷⁹ Но, я полагаю, это происходило из страха обрести врага в лице всемогущего полковника (и одного из «монополистов» темы 1812 г.), имевшего огромное влияние среди советских чиновников от науки и отличавшегося подлой мстительностью. Нам всегда следует помнить о злоключениях биографии историка.

Также абсолютно бездоказательным выглядит утверждение о том, что «Бородино было переломным сражением». Вернее, учитывая то, что историк не посвятил описанию боя ни одной строчки (!), а об итогах (перечисление некоторых погибших генералов) в общих словах упомянул лишь в одном кратком абзаце, это, скорее, не утверждение, а просто бездоказательный ляп. А.З. Манфред хитрит и изворачивается, как уж на сковородке советского казенного «патриотизма», сначала сравнивая итоги Бородина с итогами другой победы Наполеона, достигнутой большим напряжением сил – под Прейсиш-Эйлау, а затем пытается неуместно (в научном труде) упоминать одной строкой «философию Л.Н. Толстого» (?!).⁸⁰ Да, тяжкая и позорная доля – работать «историком», испуганным на всю жизнь после отсидки в сталинских

⁷⁸ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М, 1986, с. 130.

⁷⁹ Там же, с. 607.

⁸⁰ Там же, с. 616.

тюрьмах: но если Е.В. Тарле был и жертвой, и «палачом», то А.З. Манфред оказался именно жертвой и, в ряде вопросов, конформистом.

Пытаясь понять, как стала возможной советская историография и вообще подобное мироощущение ее авторов, можно только с печалью вспомнить **отрывки из дневников Ю.М. Нагибина** (1920–1994): этот талантливый советский литератор писал похабные до преступности пропагандистские текстики про выдуманные «подвиги», а психологически «спасался», ведя тайный дневник, в котором занимался мазохизмом, обличая себя и всю мерзость, что его окружала. Вот один из характерных пассажей:

«24 апреля 1982 г.

...Замечательное свойство советских людей – их ни в чем нельзя убедить. Сломав в душе самое важное, чтобы стать безоговорочными приверженцами государственной лжи, они компенсируют это предельной недоверчивостью к частным сведениям и соображениям. Быть может, это оборотная сторона рабского смирения».⁸¹

«30 апреля 1982 г.

Почти все советские люди – психические больные. Их неспособность слушать, темная убежденность в кромешных истинах (к примеру, про развязывание войны Наполеоном, а не Россией – прим. мое, Е.П.), душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер. Это не просто национальные особенности, как эгоцентризм, жадность и самовлюбленность у французов, это массовое психическое заболевание. Проанализировать причины довольно сложно: тут и самозащита, и вечный страх, надорванность – физическая и душевная, изнеможение души под гнетом лжи, цинизма, необходимость существовать в двух лицах: одно для дома, другое для общества. Самые же несчастные те, кто и дома должен носить маску. А таких совсем не мало. Слышать только себя, не вступать в диалог, не поддаваться провокации на спор, на столкновение точек зрения, отыскание истины, быть глухим, слепым и немым, как символическая африканская обезьяна, – и ты имеешь шанс уцелеть».⁸²

«21 марта 1983 г.

В России обычно путают слово с делом, и за первое взыскивают, как за второе».⁸³

А вот его записи с фронта, которые живо напоминают нам и о войне 1812 года (и вообще о любой войне, которую ведет Россия):

«8 марта 1942 г.

Ну вот, так и живу. Суета. Мышиная возня. Игра в деловитость. Во всем преобладает показная сторона. Трудно понять размеры этого. Уродство какое-то! Казалось бы, где-где, но уж не в армии. И что же: главное тут не суть работы, а как подано. И так повсеместно. Хорошо поданный минимум предпочитается небрежно поданному максимуму. Листовки. То время, которое Шишловский мог бы потратить на придумывание новых листовок, он тратит на подклеивание старых, давно отосланных, полученных и позабытых – бессмысленный и обидный труд. И конца этому не видно. Рощин в каком-то сладострастном исступлении шлет всё новые и новые папочки. «Еще одна папочка, и враг будет разбит!»⁸⁴

«14 марта 1942 г.

Это черта русского народа: не ценить свою жизнь. Слишком нас много – подумаешь, десятком меньше, десятком больше. Все мы слишком взаимозаменяемы. Тем, кто думает, что мысль эта абстрактна, поскольку ничего подобного не может быть в психологии каждого отдельного человека, нужно учесть, что это чувство не столько врожденное, сколько воспитанное в нас государством. Воспитанное – в самом широком смысле, включая и то неуважение к

⁸¹ Нагибин Ю.М. Дневник. М., 1996, с. 410.

⁸² Там же, с. 413–414.

⁸³ Там же, с. 481.

⁸⁴ Там же, с. 25.

нам государства, которое переходит в личное неуважение, в отсутствие уверенности в том, что ты, действительно, имеешь право на существование.»⁸⁵

И, подытоживая, можно привести известную сентенцию **Ю.М. Нагибина**: «У нашей жизни есть одно огромное преимущество перед жизнью западного человека: она почти снимает страх смерти».

Теперь я предлагаю препарировать показательный образчик типового лицемерия, слепленного из шаблонных идеологических штампов. Откроем сочинение товарища А.А. Смирнова «Москва – героям 1812 года» (М.: Московский рабочий, 1981). Первая же его фраза является стопроцентной ложью: «12 июня 1812 года многотысячная армия Наполеона, почти втрое превосходящая русские войска у западных границ, вероломно вторглась в пределы России» (с. 3). Во-первых, силы Великой армии и русских армий, находящихся у западной границы были практически равны (русские даже несколько превосходили – обо всем об этом мы с документами в руках поговорим в соответствующей главе), во-вторых, никакого вероломного нападения быть не могло: Россия уже сама официально объявила войну Франции, более того, царь приказывал своим генералам еще в 1811 г. перейти Неман, но из-за трусости прусского короля отозвал свое распоряжение (об этом также я расскажу подробно далее). Следующая откровенно бредовая фраза на той же вступительной странице: «... у села Бородина, произошло генеральное сражение, приостановившее наступательный порыв Наполеона». Да уж, «приостановили»: М.И. Кутузов потерял почти половину регулярной армии, Наполеон его преследовал до Москвы, уже через 7 дней город капитулировал, причем русские убегали с такой скоростью, что бросили около 30 тысяч (!) собственных раненых, которые тут же сгорели в пожаре, устроенным московским генерал-губернатором (об этом подробнее – снова в соответствующей главе).

Но подобная трафаретная и убогая пошлость – только начало бумагомарания тов. А.А. Смирнова, который в 1981 году все еще жил по «старому стилю». Прошу прощения, но по долгу служебных обязанностей в главе «историография» я вынужден окунуть вас с головы до ног в полное ... советской исторической литературы. На 173 страницы, где автор должен был описывать события 1812 года, отчасти биографии «героев», а также (по идее...) искусствоведческие нюансы, связанные с монументами, он нашел огромное место для того, чтобы выслужиться перед партией и правительством:

«Ныне Москва – столица первого в мире социалистического государства, крупнейший политический, экономический и культурный центр. С именем Москвы неразрывно связаны история героической борьбы народа против социального гнета, за свободу и независимость Родины, победа пролетарской революции, огромные достижения Страны Советов, борьба за построение коммунистического общества на шестой части нашей планеты. Москва стала центром мирового коммунистического движения, центром борьбы за мир во всем мире.

Вся страна сегодня равняется на Москву в своем стремительном движении вперед. Москвичи идут в авангарде борцов за дальнейший подъем экономики и культуры страны, за превращение столицы в образцовый коммунистический город.

Здесь проходил XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, наметивший новые пути последовательного повышения материального и культурного уровня жизни народа.

С трибуны съезда прозвучали исторические слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева: «Необходимо... чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей».

Съезд призвал продолжить работу по воспитанию у советских людей чувства гордости за свою Родину, за свой народ, за его великие свершения, чувства уважения к достойным страницам прошлого» (с. 6–7).

⁸⁵ Там же, с. 27.

А сегодня, когда упомянутое «социалистическое государство», не в последнюю очередь благодаря таким вот адептам, в нищете развалилось, тот же самый А.А. Смирнов снова прекрасно устроен: не являясь профессиональным историком (!), он каким-то образом много лет работал ученым секретарем Государственного исторического музея. Полюбопытствуем: какими тезисами промышляет товарищ Смирнов в наши дни. Открываем его брошюру-путеводитель по так называемому «Музею Отечественной войны 1812 года» – и что же мы читаем? Хвалебная ода в адрес коммунистической партии и Леонида Ильича испарилась, зато описание событий 1812 года начинается с откровенно клерикальной пропаганды самого низкого пошиба: «Образ Александра Невского, бесстрашного воина и тонкого политика, укрепившего православие, сыгравшего исключительную роль...» и т. д.⁸⁶

Проще говоря, в старый пыльный и засаленный шаблон вставили новые «правильные» имена: и вместо «дорогого и любимого» лидера партии большевиков теперь вписан «феодалный сатрап», а пропаганда богоборчества сменилась пропагандой обскурантизма (и все это безобразие – шелушится на бюджетные деньги светского государства!). Скудоумие и конъюнктура. Что касается самого «Невского», который, конечно, никакого отношения к войне 1812 года иметь не может – и вообще в его время ни России, ни Российской империи как явления не существовало, то он, как известно, вступил в сговор с Ордой и топил в крови восстания соплеменников-единоверцев.

Можно только перефразировать сентенцию нынешнего «дорогого и любимого»: все подобные – это сочинители со сниженной социальной и научной ответственностью... Но все же завершим тему советской историографии и связанной с ней политической проституцией в науке. Многое и многих повидавший доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИ-ОНа РАН А.В. Гордон утверждает, что: «отправным пунктом в понимании своеобразия советской историографии как культурно-исторического явления» является «соотнесение культуры советского периода с феноменами большой религиозной традиции, а именно с верованиями».⁸⁷

И далее:

«Речь идет о глубоко ритуализованном мышлении, о наличии свода предписаний, о хождении специального языка для посвященных. Во главу угла любой работы полагались в качестве высшей научной инстанции цитаты из классиков, в любой библиографии их фамилии, наряду с партийными документами, ритуально следовали в нарушение алфавита впереди списка и даже выше источников. Ритуализовались и толкования цитат: не все из них и не всякому дано было использовать, важнейшие подлежали официальному апробированию.

Ритуальность означала признание абсолютной истины, воплощенной в каноне. Каноном служило Учение, выработанное в Советском Союзе коллективной мыслью нескольких поколений партработников и ученых, но сакрализованное обращением к Основоположникам. Его корпус существенно менялся, при этом наднаучный статус и основные части изменению не подлежали. Абсолютной истиной на всех этапах считались теория смены формаций, классовый подход, «теория отражения» («бытие определяет сознание»). Табуированию подлежал широкий круг положений, начиная с руководящей роли партии, высшей мудрости (и неизменно-

⁸⁶ Смирнов А.А. Музей Отечественной войны 1812 года. Путеводитель. М., 2013, с. 10. Здесь стоит заметить, что в залах этого идеологического заведения (сама экспозиция достаточно бедная, устроена со многими концептуальными недочетами и чудовищно безвкусно оформленная) непомерно много религиозных атрибутов. Как мне *по секрету* сообщил один из весомых сотрудников, «это попы в последний момент нас добавили весь этот балаган выставить». Стыдно.

⁸⁷ Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009, с. 8. Кстати, если я не ошибаюсь, именно А.В. Гордон на одном из круглых столов, проводимых несколько лет назад в РГГУ, заявил во время прений, что для научного изучения темы войны 1812 года необходимо отказаться от довлеющего термина «Отечественная война».

сти) ее генеральной линии; не подлежали обсуждению пролетарское происхождение диктатуры, социалистический характер Октябрьской революции и утвердившегося строя и т. д.».⁸⁸

В итоге авторы беззастенчиво подгоняли выводы своих работ под заранее заданный ответ – и фальсифицировали историю: причем, если речь шла о войнах, которые вела Россия, дело доходило до совсем параноидных вещей, когда все вокруг объявлялись «врагами» невинной и девственной родины. Подчеркну: подобное происходило параллельно с установлением тоталитарного режима в Восточной Европе: и все это не талантом, а массой, «ордой».

Продолжим. В период перестройки и начинающейся эпохи «гласности» в свет вышла книга доктора исторических наук Н.А. Троицкого (1931–2014) «1812. Великий год России» (М., 1988). Именно эта работа означила собой начало пересмотра мифов и лжи сталинской и последующей советской историографии. Николай Алексеевич позволил себе, наконец, *заметить* множество документов, опубликованных еще до революции. Ему удалось пересмотреть тему причин войны, сообщить о множестве агрессивных и наступательных планов царя Александра (с. 41), покончить с ложью о переходе Немана Наполеоном без объявления войны. Н.А. Троицкий более точно рассчитал количество сил М.И. Кутузова перед Бородинским сражением (154 800 чел., с. 143), а также адекватнее изложил итоги боя (с. 176–178) и вообще обнаружил предостаточно ошибок и негативных поступков в деятельности М.И. Кутузова. Безусловно, этот труд все еще носил сильный отпечаток идей советской историографии – но все же прогресс был очевиден.

Мало кто знает, что столь позитивная в научном смысле монография Н.А. Троицкого могла бы выйти из печати гораздо раньше – и, вероятно, с еще более точными и смелыми выводами (соответственно, и импульс его коллегам-историкам по данному направлению был бы послан задолго до 1988 г.). **Еще в 1963 году (!)** молодой исследователь прислал в редакцию журнала «Вопросы истории» большую статью под заглавием «Не отступать от классовых позиций! (Против лакировки так называемой Отечественной войны 1812 года)». В ней с позиции исходных марксистско-ленинских теорий он поставил вопрос о самой теоретической возможности существования отечественных войн в дооктябрьский период. Автор даже сделал категорический и совершенно логичный вывод: «...понятие «Отечественна война» к войне 1812 г. неприложимо!» Далее Н.А. Троицкий предлагал: отказаться от рассмотрения Наполеона в качестве единственного виновника конфликта; пересмотреть идеализированный образ М.И. Кутузова и неверный тезис о «победе» русских в Бородинском бою; кроме того, было упомянуто о подтасовке «в нашу пользу» соотношения сил и потерь сражающихся армий и т. д.⁸⁹ В редакции журнала, естественно, от подобного материала «отшатнулись» (хотя он был академически оформлен и аргументирован). Представьте, каких бы успехов достигла наука, если бы ее не душила цензура: ведь уже с 1963 года мог начаться процесс изучения событий 1812 г. без «удавки» догмы о «справедливой» и «Отечественной» войне (вернее, хотя бы был осуществлен возврат к большим достижениям российской историографии 1900–1910-х гг.).

⁸⁸ Там же, с. 9.

⁸⁹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007, с. 15.

Саратов. 19.07.07

Дорогой Евгений Николаевич!

Спасибо за Ваше „Танго...“ Книга превосходна, а главное, необычна: уникальный пример мемуаров, автор которых в 25 лет успел так развернуться и столько вершин достиг. Эрудиция, наблюдательность, оригинальность, смелость (вплоть до дерзости), литературный талант автора – все это впечатляет. Книга хорошо оформлена (Ваш портрет на обложке эффектен: „смерть“ – женщиной!).

Из письма профессора Н.А. Троицкого – Е.Н. Понасенкову. Из архива Е. Понасенкова, публикуется впервые.

Говоря о Н.А. Троицком необходимо подчеркнуть, что это был ученый замечательной эрудиции, прекрасно владевший словом и весьма точный в своих формулировках и оценках. Кроме эпохи 1812 года он внес огромный вклад в изучение общественных движений, судов и судебных процессов, а также адвокатуры России второй половины девятнадцатого века.⁹⁰ В последние годы жизни он работал над биографией Наполеона (как сам Николай Алексеевич сообщил мне в одном из телефонных разговоров, предполагалось два тома – и с названием «**Наполеон Великий**»), но, к сожалению, по неизвестным причинам издательство затягивало процесс – и в итоге книга не вышла.⁹¹

Не буду скрывать, что я весьма польщен и горд тем, что такой выдающийся и признанный ученый, как Н.А. Троицкий, отнесся к моим книгам и вообще ко всей деятельности с подлинным уважением и совершенным приятием. В одной из своих книг он даже счел нужным так описать того, на кого ссылается: «известный ныне историк, политолог, драматург, режиссер и артист Е.Н. Понасенков».⁹² Отмечу, что ему было интересно все, что я делаю – в том числе Н.А. Троицкий внимательнейшим образом изучил не только мою монографию, посвященную 1812 году, но и художественно-публицистическую книгу «Танго в одиночестве». Николай Алексеевич прислал подробнейшую рецензию, написанную его известным каллиграфическим – практически печатным почерком. Но вернемся к хронологии повествования.

Подытоживая царскую и советскую историографию, я бы сформулировал происходившее и происходящее так: **историография в России – это пропаганда, ограниченная смелой режимом**. Одновременно, приходится с сожалением констатировать, что в последние годы мы наблюдаем возрождение монстра-мутанта, впитавшего в себя негативные черты и царской, и советской историографии-пропаганды. Здесь имперские идеи, засаленные и «засиженные мухами» клерикальной пропаганды, растут на дрожжах левачества и нищей безвкусицы советского периода. Однако продолжим.

⁹⁰ Вот некоторые работы Н.А. Троицкого по данным сюжетам: Большое общество пропаганды 1871–1874 гг. (т. н. «чайковцы»). Саратов: Изд-во СГУ, 1963; Царские суды против революционной России (Политические процессы 1871–1880 гг.). Саратов, 1976; Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000.

⁹¹ Лишь один краткий фрагмент был опубликован в издании «Наполеон Бонапарт: pro et contra, антология» (СПб., 2012, с. 956–962).

⁹² Троицкий Н.А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб., 2013, с. 141. Я использую экземпляр с дарственной надписью автора от 15.07.2013 г.

V

В 1990-е годы у исследователей появилась, наконец, возможность дышать свободнее (и даже беспрепятственно выезжать за границу...). Постепенно стали появляться новые объективные исследовательские статьи, переводились книги западных авторов. Однако удар, нанесенный советским режимом, был силен: он оставил, я бы сказал, антропологическую рану на всех живущих в России и на территории бывшего СССР. Люди все еще были дезориентированы, кто-то боялся, так сказать, по инерции, но большинство страдало оттого, что просто не умело жить свободно и мыслить вне штампов. Тем не менее, позитивный процесс пошел.

На рубеже веков стали появляться и мои публикации: они выходили в сборниках научных конференций МГУ, ГИМа, профильных музеев, а затем и Российской академии наук.⁹³ Среди прочего, пользуясь самой широкой документальной базой, я пересмотрел и отверг тезис об исключительно негативном влиянии присоединения России к континентальной блокаде Англии. Сухие цифры свидетельствовали, что главной причиной финансовых проблем стало увеличение военного бюджета, а не часто саботируемое российским правительством следование принципам торговой блокады. Данный доклад был мною прочитан на заседании Центра экономической истории (МГУ), а затем опубликован в университетском сборнике.⁹⁴

Наконец, в 2004 году вышла в свет моя монография **«Правда о войне 1812 года»**, которая имела огромный резонанс: она обсуждалась и в академических кругах – и даже в популярных ток-шоу на центральном ТВ. Данная книга стала фактически первой монографией, посвященной войне 1812 г., которая была *по своему стилю не описательная, но сконцентрированная на решении конкретных концептуально важных задач*. Среди них – причины, характер и значение войны. Кроме того, я старался придать объем объяснению исторического действия, часто рассказывая о широком контексте событий и совершая экскурсы в смежные темы и эпохи. Помимо перечисленного, значительное место было уделено методологии исследования.

Отчасти подобное согласуется с тем, что мне рассказывал о методе создания своих произведений (спектаклей, фильмов, а также книги воспоминаний) один из величайших режиссеров XX века – **Франко Дзеффирелли** (1923 г. р.). Мне повезло быть с ним в добрых отношениях – и вот как он мне описывал очередность собственных целей: «Прежде всего, я показываю красивый и четкий «фасад» – этот первый план понятен почти всей публике. Далее, я создаю множество деталей, которые уже доступны лишь искушенным людям. И некоторые способны увидеть нечто важное и отчасти мною замаскированное».

С самого начала интуитивно, а затем уже осознанно я избрал определенный стиль и метод исследования, а именно – комплексный подход, многофакторное описание, сообщение

⁹³ К примеру: Понасенков Е.Н. К вопросу о характере наполеоновских войн. // Труды научной конференции студентов и аспирантов: Ломоносов – 2001, М.: Изд-во МГУ, 2001, с. 209–212; Понасенков Е.Н., Сироткин В.Г. Наполеоновские войны и русская кампания 1812 года. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г., М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 2001, с. 44–76 (должен заметить, что эта большая статья написана полностью мной, а В.Г. Сироткин, хотя изначально и собирался что-то привнести от себя, по прочтении, был под большим впечатлением – и заявил, что материал монолитен, ничего менять не следует, а так как вскоре его надо было предавать гласности, то Владлен Георгиевич просто подписался под текстом); Понасенков Е.Н. Что такое бонапартизм? // Труды научной конференции студентов и аспирантов: Ломоносов – 2002., М.: Изд-во МГУ, 2002, с. 196–199; Его же. Никто не трудится с усердием. Местная администрация на территории, занятой Великой армией. // Родина, 2002, № 8, с. 94–96; Его же. Размышления к юбилею: что мы знаем о войне 1812 года? // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы V научной конференции. Москва, 25 апреля 2002 г., М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 2002, с. 102–126; Ponasénkov E.N. Les problèmes des relations entre la Russie et l' Autriche dans le cadre de la direction européenne de la politique extérieur du tsar Alexandre I: 1801–1804. // Instruction. Culture. Société. La France et la Russie au debut du XIX-e siècle. Colloque international. Musée Historique d' Etat, Musée de L' Armée (France), Paris, 2002.

⁹⁴ Понасенков Е.Н. Экономические предпосылки кризиса тильзитской системы в России (1807–1812 гг.) и причины войны 1812 г. // Экономическая история: Обзорение, вып. 8, 2002, с. 132–140.

раскрытию темы как можно большего объема. Если мы говорим о войне, то нет никакого смысла разводить графоманию о том, как батальон номер такой-то убежал за овраг. Потому что, прежде всего, надо выяснить, как он вообще там оказался! С кем и почему воевал? Из кого состоял: предположим, старослуживые или новобранцы, голодные или при достатке фуража, какой расы, этноса, роста, темперамента и т. д. Кто являлся командующим армии или корпуса: какой нации, веры, что за психологический тип? Были ли у него физиологические недостатки или болезни, которые могли влиять на поведение? Был ли он связан с партиями или коррупционными схемами? Как он относился к государству, к данной конкретной войне? Была ли у него, в конце концов, собственность в тех городах, которые он сдавал? Был ли он бедным служащим или богатым помещиком? Какова была погода в тот день, когда упомянутый батальон героически направился к оврагу? Например, дождь или гололедица многое меняет в возможностях участников процесса и в оценках их деятельности историками. Всегда интересны взаимоотношения между начальниками и между сословиями. К примеру, историку войны 1812 года важно знать о том, что, к примеру, М.И. Кутузов и П.И. Багратион были большими врагами друг другу, чем лично Наполеону – или, наоборот, он – врагом им обоим. Существенно и понимание отношений солдат и офицеров внутри русской армии, в которой имели место телесные наказания (в наполеоновских войсках – запрещены). Хорошо бы иметь сведения не только о численности войск на поле Бородинского сражения, но и о том, что в русской армии уже тогда числилось несколько тысяч мародеров (а после боя их количество возросло в разы!).

Далее. Большинство историков упоминают авторов источников (того, кто создал документ или мемуары) даже без обозначения, кем он был по званию, возрасту, нации, политическим взглядам и психологическому складу. А все это категорически важно: ведь степень доверия к источнику или исходные данные для обдумывания цитаты невозможны без знания подробностей. Поразительно, но абсолютное большинство моих коллег об этом не задумываются – плывут по течению и продолжают увеличивать макулатуру. Конечно, это великий и тяжелый труд – выяснять все детально, проверять информацию и знать контекст события, но иначе теряется смысл научной работы. Методология, которую я применяю, подразумевает ответ на все эти и многие другие вопросы. Поэтому, как вы уже заметили, я постоянно привожу годы жизни, часто нацию, профессию и т. д. тех, на кого ссылаюсь или кого описываю.

Кроме означенного, **я являюсь сторонником контакта с артефактами и книгами**, а не с ксероксами – или тем более с плоским миром оцифрованного для интернета. Безусловно, в этом техническом новшестве есть масса позитивного – кому-то подобное может сократить время поиска материала (хотя до сих пор большая часть необходимых источников и исследований не оцифрованы), но для глубокого исследования подобный образ жизни не подходит. Уничтожается контекст, чувство реальности и связи с ушедшей эпохой, отмирает важнейшее – атмосфера, ощущение и память физических действий.

Краеугольными камнями, используемой мной **методологии** являлись и являются:

- истина как высшая ценность;
- материалистический подход к изучению исторических процессов и явлений;
- классическая европейская логика;
- принцип историзма;
- возврат к изучению всех доступных первоисточников;
- принцип системности;
- междисциплинарный подход к исследованию (использование знаний и методик нейрофизиологии, психиатрии, антропологии, экономики, социологии, военных прикладных дисциплин, вспомогательных исторических дисциплин, методов математического анализа и т. д.);
- практическая польза (об этом мои коллеги часто забывают...).

Стоит подчеркнуть: многие науки (к примеру, физика, химия, биология и др.) постоянно развиваются, в них происходят *качественные* изменения, открываются по-настоящему новые горизонты и методики. Во многом из-за цензуры и штампов история сильно отстает от них: хотя имеет все потенциальные возможности для похожей эволюции. Подобному способствует также лень и косность сознания значительного числа моих коллег, которые привыкли повторять бессмысленные байки, удобные для жизни на государственной дотации (вот почему я считаю, что историки должны стараться от нее отказаться).

Еще А.П. Чехов (1860–1904) был убежден: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука». Точно так же и не бывает «национальных» таблиц химических элементов, национальных законов физики, математики, национальных геометрических формул. Медицинская наука не говорит, предположим, о «патриотической гонорее» или «отечественном сифилисе», нет «отечественных» молекул и атомов, не существует патриотических синусов и косинусов. Те авторы, которые пренебрегают этим очевидным знанием, компрометируют историю как науку: это настоящие вредители. Поэтому совершенно невозможно, чтобы российские ученые-историки использовали местечковый и противоречащий фактам термин «Отечественная война»: для любого их западного коллеги подобное будет абсурдным.

Подчеркну: большой ошибкой является отсылка к «традиционности» и «давности» использования того или иного термина или концепции. Наука не стоит на месте – и постоянно отказывается от устаревших и неверных теорий. Подобное относится и к идеологическому фейку «Отечественная война». В конце концов, я приведу такой яркий пример. В Венской сокровищнице (Schatzkammer) есть экспонат – бивень жирного нарвала (которым млекопитающее, среди прочего, привлекает самок). Так вот: долгие века этот предмет рассматривался (и учеными, и монархами) за «рог единорога», но затем выяснилась его истинная суть. Вот такая же история и с «Отечественной войной 1812 года»: на самом деле – это отнюдь не украшение мифического животного...

Если история является наукой, то она должна быть прикладной и полезной, как полезна биология, медицина, физика, инженерное дело и т. д. Истории необходимо эволюционировать из пересказа сказок или даже простого механического выявления подлинных фактов многовековой давности – в эффективного аналитика, который может объяснить суть процесса, предложить способы исправления ошибок (и на основе широчайшей базы точно выявленных и сформулированных знаний о прошлом предсказывать развитие явления или процесса в будущем). Долгое время историю использовали для пропагандистского «улучшения» прошлого или, в лучшем случае, удовлетворения собственного любопытства (что само по себе неплохо, но для науки недостаточно) – теперь ей пора перерасти в нечто более полезное и солидное.

Здесь стоит процитировать знаменитого французского философа Габриэля Бонно де Мабли (1709–1785): «Именно потому, что люди, то ли по безразличию своему, то ли из лени или самонадеянности, не хотят перенимать опыт протекших веков, всякое столетие являет собой зрелище всех тех же заблуждений и бедствий. Глупое невежество готово в который уже раз посадить корабль на рифы, а вокруг мы видим во множестве плавающие обломки, несчастные останки тысяч кораблекрушений».⁹⁵ Поразительные слова, которые были сформулированы давно, точно и (благодаря людской глупости) бесполезно. Именно для улучшения жизни в настоящем и будущем мы должны узнать правду о том, как царь Александр I вместо реформ занялся кровавой и ненужной агрессией во внешней политике, о склочности и бездарности многих русских военных командующих, о коррупции и безнаказанности властей, которые были неподконтрольны гражданскому обществу. Всем жителям цивилизованных стран стоит помнить об уничтожении Римской империи пущенными в тыл варварами (сегодня Запад наводнен

⁹⁵ Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993, с. 11.

новыми дикарями – но качественно более опасными, ибо они заражены религиозной идеологией смерти).

Продолжим. Среди прочего, в работе 2004 г. я сильно продвинулся на пути выявления истинного характера войны 1812 г.: с международной, исторической и с юридической точки зрения, тогда имела место **Шестая антифранцузская коалиция**. Кроме того, мною были изучены внутривосточные аспекты – и сделан вывод, что термин «Отечественная война» категорически противоречит сути явления. Никакого серьезного «народного» сопротивления армии Наполеона в России не встретила, зато имели место многочисленные случаи коллаборационизма, антикрепостнические бунты и желание некоторых национальных регионов восстановить независимость от Российской империи. Анализ первоисточников свидетельствует: основная вина в развязывании кровавого противостояния, на самом деле, лежит на русском императоре Александре I. Все это стало значительным шагом к выявлению и полному пониманию истинной природы тех событий: я говорю о гражданской войне, которая началась в России в 1812 году параллельно с Русской кампанией Наполеона (но это уже тема нынешнего труда). Отдельная большая глава отводилась изучению деятельности М.И. Кутузова: первоисточники полностью поменяли образ выдающегося полководца (подробнее об этом – в соответствующей главе). Таким образом, я имею основания констатировать, что существует история войны 1812 года до упомянутой книги 2004 года – и после ее публикации. Показательно, что даже упертые пропагандисты от науки были вынуждены сочинять статьи, пытающиеся заново оправдать уже давно устоявшийся идеологический термин «Отечественная война».⁹⁶ Вместе с тем даже в официальной российской энциклопедии впервые появилась формулировка (пусть пока осторожная и хитрая) о начале складывания Шестой антифранцузской коалиции уже в 1812 году.⁹⁷ Стоит подчеркнуть, что в те годы я не знал еще о неопубликованной давней статье Н.А. Троицкого, в которой он высказывал теоретические сомнения в возможности использования этого злополучного понятия. Кроме того, Николай Алексеевич выступал с позиций теоретического марксизма, а я шел по пути, так сказать, практического историзма. Сами исторические факты, проанализированные мной, буквально выдавливали несуразный догматический штамп о «справедливой» и «народно-освободительной» войне 1812 года.

Какой же была **реакция научного сообщества** на публикацию моей монографии? Как это ни удивительно (учитывая политический контекст), но абсолютное большинство ученых мою концепцию и выводы поддержали. К примеру, кандидат исторических наук, главный государственный инспектор Отдела лицензирования, аккредитации, контроля и надзора, подтверждения документов государственного образца об образовании Службы по контролю и надзору в сфере образования Калининградской области Правительства Калининградской области И.Г. Дырышева в своей кандидатской диссертации делает вывод: «Интересна и неожиданна по своему содержанию работа Е.Н. Понасенкова «Правда о войне 1812 года»».⁹⁸ Кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук С.Д. Сахончик утверждает в своей диссертации «Полководческая деятельность генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года», что М.И. Кутузов изображен в трудах Е.Н. Понасенкова более реалистично.⁹⁹ Доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой истории Военного университета Министерства обороны РФ, И.А. Шейн, в своей монографии, специально посвященной историографии войны 1812 года обращается к теме современных обобщающих работ – и утверждает: «Анализ содержимого комплексного научного исследования и публикаций

⁹⁶ Вот эта несуразная заметка: Безотосный В. А была ли война Отечественной? // Родина, 2012, № 6, с. 4–8.

⁹⁷ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия... с. 6.

⁹⁸ Дырышева И.Г. Автореферат диссертации к.и.н. «Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года». // СПб., 2007 г.

⁹⁹ Сахончик С.Д. Автореферат диссертации: «Полководческая деятельность генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года». // М., 2011 г.

В.М. Безотосного, Е.Н. Понасенкова, О.В. Соколова, Н.А. Троицкого, некоторых коллективных трудов, свидетельствует о различной степени научного осмысления исследуемой темы, а также о существенных отличиях в понимании авторами основных положений современной концепции этой войны».¹⁰⁰

Признанный специалист по военной истории эпохи Наполеона, А.А. Васильев, в откровенно хвалебной рецензии (Рейтар. Военно-исторический журнал. № 7, 4/2004, с. 251–253) на мою монографию 2004 года («Правда о войне 1812 года») среди прочего писал, что эта книга продолжает дело монографий доктора исторических наук Н.А. Троицкого и доктора исторических наук А.И. Попова, но все концептуальные тезисы выражены гораздо точнее и новее. А.А. Васильев также пишет, что я «совершенно прав, рассматривая события 1812 г. как войну между наполеоновской империей и 6-й антифранцузской коалицией, в которой Россия вовсе не была жертвой «неспровоцированной агрессии» (Там же, с. 252). Рецензент полностью поддерживает мои выводы о негативной роли императора Александр и о том, что «полуварварская Россия» в 1812 году лишь помогла Англии и укрепила цепи собственного народа.

Безусловно, **весомая оценка моей монографии, сделанная А.Н. Сахаровым** (1930–2019). Несколько слов об этом ученом: доктор исторических наук, профессор, директор Института российской истории РАН (1993–2010), главный редактор издательства «Наука» (1971–1974); в 1999 году совместно с академиком Г.Н. Севостьяновым (1916–2013) написал письмо тогдашнему директору ФСБ Владимиру Путину о необходимости рассекречивания и публикации информационных обзоров органов госбезопасности об экономическом и политическом положении в СССР; входил в Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В последние годы А.Н. Сахаров часто приглашал меня выступать в академических кругах (одно из специальных заседаний состоялось в Общественной палате РФ). Так вот, Андрей Николаевич даже в публичном интервью не побоялся назвать мою монографию «прекрасной», сообщил, что будет на нее ссылаться в новом издании своей известной биографии Александра I, а также заявил, что пересмотр исторических мифов – это «абсолютно правильно».¹⁰¹

В последние годы своей жизни я получил множество лестных слов в собственноручных письмах и в телефонных беседах от крупнейшего специалиста по эпохе 1812 года – доктора исторических наук, профессора Н.А. Троицкого. Дело будущего: обработка подобного материала – и его публикация (одно из писем приведено в иллюстрациях к настоящей книге). Ряд известных современных исследователей уже ссылаются на мою монографию или помещают ее в список использованной литературы.¹⁰² Книга 2004 года сегодня находится в научных и учебных библиотеках многих университетов Европы и США.

Уже вскоре после публикации значительные отрывки из моих работ нашли место, например, в **солидном издании МГИМО «Россия и Европа. Эпоха Наполеоновских войн»** (М., 2012). Его авторы акцентировали именно мою точку зрения относительно влияния присоединения России к блокаде Англии (с. 134). Вообще же я должен заметить, что коллеги, поддержавшие мои выводы, со временем только утвердятся в этом своем суждении. Как легко проверить в открытых источниках, я еще ни разу не ошибался в прогнозах политического и социального свойства – и могу иметь смелость утверждать: именно за моим видением и общей концепцией событий эпохи 1812 года – **будущее**.

¹⁰⁰ Шейн И.А. Указ. соч., с. 392.

¹⁰¹ «Сахаров о книге Понасенкова о войне 1812 года!» // Электронный источник: <https://www.youtube.com/watch?v=Q3C-13XQuXE>

¹⁰² К примеру: Нечаев С.Ю. Барклай-де-Толли. М., 2011, с. 328; Гречена Е. Война 1812 года в рублях, предательствах и скандалах. М., 2012, с. 312; Суданов Г. 1812. Всё было не так! М., 2012, с. 354, 378 и др.

За эти годы СМИ России и Европы проявляли немалый интерес к моим публикациям. Среди прочего упомяну интервью прославленной французской газете «Фигаро»¹⁰³ и ряд материалов в авторитетнейшем политическом еженедельнике «Коммерсантъ-Власть» (см. в разделе библиографии). Кроме того, я с успехом выпустил на ТВ 7-серийный авторский документальный фильм «Правда о войне 1812 года» (ТВ-КП, 2012 г.) и прочитал ряд лекций на телеканале «Дождь» (об этом и других выступлениях подробнее – см. в разделе, посвященном библиографии).

Нашлись, конечно, и те, кого моя книга и статьи заставили понервничать и сделать много подлостей и глупостей. Как правило – это маргиналы, не являющиеся профессиональными историками, а также отдельные сотрудники музеев, которым мои публикации помешали продолжить безнаказанно и комфортно внедрять пошлейшую пропаганду среди наивных посетителей. Кроме того – функционеры от науки, которые боятся за свои кресла и гранты. Но чаще всего злобствование объясняется банальной завистью. Вообще, как вы скоро узнаете, **зависть** в качестве симптома и явления – одно из краеугольных для сюжета данной книги. Однако никто из них – ни единый человек – так и не опубликовал серьезного критического разбора моей книги: ибо для этого нужны огромные знания, а вот они, как раз, воспрепятствуют критике моих выводов.

Надо сказать, что мои выступления на конференциях в МГУ, в Центре экономической истории МГУ и тем более монография (*впервые в истории МГУ* студент выпустил собственную крупную монографию!) имели большой резонанс. Их выводы шли вразрез с уже вновь утверждающейся «линией» новой-старой «партии», направленной на пропаганду казенного «патриотизма», душившего все живое на поле изучения истории России. В СССР существовало выражение «пойдут письма» – так вот и письма пошли, и звонки. Отмечу, что уже студентом я стал выступать на радио и на ТВ, отчего **число завистников**, естественно, сильно увеличилось.

Поскольку я учился на кафедре Новой и новейшей истории стран Европы и Америки, местные сидельцы-старожилы забеспокоились. Моим научным руководителем была Е.И. Федосова (дочь уже упоминавшегося бывшего декана исторического факультета И.А. Федосова). Давным-давно (еще до моего рождения) она опубликовала небольшую книжку (по итогам диссертации) «Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции» (М., 1980, 210 с.), которая в общем ничего нового науке не сообщала, а ко времени моего студенчества Елена Ивановна как-то уже совсем отошла от исследовательской деятельности (хотя по моей просьбе выступила на одной из организованных мной научных конференций с докладом по теме той же старой диссертации). К тому времени я уже имел опыт публикации научных работ, свой стиль: поэтому в нашем общении мы никогда не затрагивали тему собственно «научного руководства». Характер у Е.И. Федосовой был мягкий, и руководство кафедры не надеялось, что она сможет на меня как-то повлиять (мой характер был уже всем известен с первого курса...).

Важное положение на кафедре тогда занимал профессор Владислав Павлович Смирнов (1929 г. р., Кинешма): тема его диссертации 1972 г. была весьма «своевременной» и выгодной для своего времени: «Движение Сопротивления во Франции. 1940–1944 гг.» (его научный руководитель – Н.Е. Застенкер). Так вот, специалист по партизанской войне В.П. Смирнов придумал «зайти с тыла» – и позвонил известному исследователю дипломатии эпохи Наполеона, профессору В.Г. Сироткину, который преподавал в Дипломатической академии МИД России и числился уже моим соавтором по паре статей. Не в пример Е.И. Федосовой Владлен Георгиевич Сироткин был человеком с энергичным характером, веселым и с нервическим гонором. Человек невысокого роста, с давней плешью и хитрым взглядом, товарищ В.П. Смирнов, позвонил вечером коллеге и попросил:

¹⁰³ Lasserre I. Le Kremlin revisite la bataille de Borodino. // Le Figaro, 23.07.2013, p. 12.

– Будьте добры, надо как-то повлиять на Евгения: его публикации сейчас очень несвоевременные и шумные, у нас ведь гранты и вообще... Только я вас умоляю: ни слова не говорите Понасенкову о моем звонке.

– О чем речь, естественно, – ответил Владлен Георгиевич – и тут же позвонил мне:

– Слушай, мне только что Смирнов звонил; он боится твоих статей, хочет досидеть «до гроба». Но он просил тебе ничего не говорить! Ты ведь можешь красиво взлететь, не порть себе все. Никому твое правдоискательство не нужно. Если не сидится – пиши в стол. А он боится. Пойми, они там все пуганные. Его в свое время как по делу Краснопевцева (эпизод борьбы с диссидентами далекого 1957 года – прим. мое, Е.П.) вызывали – так они до сих пор трясутся. Вот и Татьяна мне тут подсказывает (жена Владлена Георгиевича – прим. мое, Е.П.): успеешь еще наиграться. Ой... но, ты же... классик! Никого не слушаешь. Вообще, делай, что хочешь. Только я тебе не говорил, что он просил меня повлиять.

Все это было сказано эмоционально и, на самом деле, без всякой надежды, что я прислушаюсь. Сироткин уже знал мою натуру и понимал, что любые подобные просьбы не имеют ровным счетом никакого смысла – только хуже сделают. Замечу, к слову, что в молодости В.Г. Сироткин посещал лекции Е.В. Тарле: в *Истории всё взаимосвязано*.

Однако как относиться к подобной низости и непрофессионализму университетских работников, к равнодушию в отношении научной деятельности – и постоянным мыслям о том, «что станет говорить княгиня Марья Алексевна»?! Вспоминается замечательная фраза польского литератора и остролова Станислава Ежи Леца (1909–1966): «Не знаю, хорошо ли я воспитан, – я думаю вслух».¹⁰⁴

Чтобы вам больше была ясна ситуация на историческом факультете в мою бытность студентом, я вам сообщу, что заместителем декана *по научной работе* (в 1980–2014 гг.) была Лира Степановна Леонова (1930 г. р.): в 1982–1991 гг. она заведовала кафедрой истории КПСС...

Я полагаю, что факты и статистика расставят многие точки над «i»: один из основателей «Диссернета», в свое время – основатель и первый главный редактор журнала «Итоги», главный редактор журнала и издательства «Вокруг света» (2009–2011 гг.), С.Б. Пархоменко (1964 г. р.), 26 июля 2016 г. сообщил на своей персональной странице в Facebook об итогах проверки диссертаций ректоров российских вузов на предмет плагиата. Выяснилось, что 61 ректор получили свои научные степени на основе частично или полностью украденных диссертаций! В Москве таких ректоров – 26.¹⁰⁵

И здесь же стоит просто перечислить (этого достаточно и без комментариев...) «вехи большого пути» многолетнего ректора МГУ тов. В.А. Садовниченко (1939 г. р., Краснопаравловка): член КПСС, входил в парткомы мехмата и МГУ, с декабря 2002 г. – член политиче-

¹⁰⁴ Понасенков Е.Н. Танго в одиночестве или мемуары 25-летнего. М., 2007, с. 48.

¹⁰⁵ «Диссернет» выявил 61 ректора с украденными диссертациями. // электронный источник (27.07.2017): <https://pedsouvet.org/beta/article/dissernet-vyavil-61-rektora-s-ukradennymi-dissertaciami> И тот же С.Б. Пархоменко на своей странице в Facebook 20 октября 2017 г. был вынужден констатировать печальные итоги еще одного скандального и позорного дела высокого чиновника (который, кстати, однажды признался, что он даун...): «Просто чтоб осталось тут для хроники событий. Некоторые технические подробности финального рассмотрения «дела М...»:1) Диссертационное дело, в котором хранятся официальные документы, подтверждающие процедуру защиты диссертации... в 2012 году, – НЕ БЫЛО СЕГОДНЯ ПРЕДЪЯВЛЕНО. Вообще, совсем, никому. Член президиума ВАК профессор Сергей Мироненко, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, потратил три дня, пытаясь получить его в руки. Ему ввали разное – про «удаленное загородное хранилище», про «передачу по запросу в Рособннадзор», про «специальное хранение в кабинете у начальства». Но так и не показали. Сегодня Мироненко еще раз потребовал это дело у Председателя ВАК Владимира Филиппова. Тот ответил по-простому: "Нет, я вам его не дам".2) Диссертация... как теперь совершенно ясно, НИКОГДА НЕ РАССМАТРИВАЛАСЬ на Экспертном совете ВАК в момент ее принятия в 2012 году. Сегодня Председатель Экспертного совета по истории член-корреспондент РАН Павел Уваров сообщил, что переговорил со всеми членами Экспертного совета того состава, который действовал в 2012 году. НИ ОДИН ИЗ НИХ не подтвердил, что участвовал тогда в каком-либо заседании, где рассматривалась бы диссертация...3) Тем не менее, диссертация... была утверждена Президиумом ВАК 30 декабря 2012 года, БЕЗ ВСЯКОГО РАССМОТРЕНИЯ на Экспертном совете...» Хотя, я полагаю, что при смене политического курса – этого типа все же лишат ученой степени.

ского совета московского регионального отделения партии «Единая Россия», также вдруг стал активным проводником клерикальных элементов.

Продолжим. **Закулисная «война 1812 года»** не утихала – фронт ее был широк, часто бои происходили «на флангах». В еще относительно «вегетарианском» 2002 году я был приглашен правительственным журналом «Родина», чтобы курировать и редактировать специальный выпуск, посвященный очередному юбилею 1812 года. Отмечу, что журнал в деньгах, так сказать, не купался: редакции нужно было и искать средства помимо бюджетных – а значит, приходилось публиковать статьи, интересные для читателя (именно поэтому капитализм – это свобода и научные успехи!). Сразу подчеркну, что в 1992 году подобный же номер «Родины» означил собой веху в свободном научном поиске и в публикации массы ранее неизвестных документов, а в 2012 году это уже был совершенно «советский» юбилейный выпуск: к сожалению, государственная политика и идеология в России самым пагубным образом влияет на исторические исследования.

Но в 2002 г. я активно принялся за работу – придумал темы, которые необходимо осветить, нашел соответствующих специалистов-авторов и иллюстрации. Среди них (материал об ампире) был, кстати, и тогда еще кандидат искусствоведения, а ныне доктор и декан исторического факультета МГУ И.И. Тучков (1956 г. р.). Сам я написал статью «Никто не трудится с усердием. Местная администрация на территории, занятой Великой армией» (Родина, 2002, № 8, с. 94–96), посвященную такой «скользкой» проблеме, как коллаборационизм. В ее оформлении были использованы иллюстрации из моей личной коллекции. Но, как я упоминал, в России войны просто так не заканчиваются в своей далекой истории. И вот члены редакции мне сообщают, что по этажу начал бегать известный участник военных реконструкций (мероприятий с переодеванием) тов. А.М. Валькович. Он бегал и требовал не публиковать мою статью и вообще снять информацию о кураторстве. Статью у него снять не вышло, а вот строчку про «кураторство» заменили «благодарностью». «Уж очень он нам надоел – пусть успокоится», – опустив взгляд на дохлую муху под столом, прокомментировал мне сотрудник редакции. Надо сказать, что через некоторое время Вальковича сразил инсульт, в связи с чем я советую своим коллегам задуматься: возможно, спорт, бег – это не всегда здоровье... Возможно, прав был великий британский поклонник Наполеона сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874–1965), когда говорил, что: «Своим долголетием я обязан спорту. Я им никогда не занимался». Кстати, скульптурное изображение гениального императора французов постоянно украшало рабочий стол двукратного премьер-министра Англии: это была несколько уменьшенная копия с оригинала знаменитого бюста работы Антуана Дени Шоде (1763–1810).¹⁰⁶

К слову сказать, вот что я обнаружил в книге уже упомянутого В.Г. Сироткина о деятельности «бегуна»-Вальковича:

«А сей «настоящий профессионал» еще в молодости прославился неблагоприятными делами в московских архивах и библиотеках, и до сих пор этому «профессионалу» закрыт, например, доступ в хранилище и библиотеку музея-панорамы «Бородинская битва» в Москве.

И не только в «Панораму». 14 января 2003 г. «Московский комсомолец» сообщил, что сей «настоящий профессионал» уволен и со своего последнего постоянного места работы – из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) за сутяжничество: пытался за плановую работу по архиву сорвать с дирекции РГВИА через Басманный муниципальный суд Москвы еще и гонорар в 22 тыс. руб., но потерпел фиаско и с позором был изгнан из РГВИА, где до этого подвизался много лет в качестве главного архивного специалиста».¹⁰⁷

¹⁰⁶ Сингер Б. Стиль Черчилля. М., 2013, с. 135.

¹⁰⁷ Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003, с. 31.

Но спорт – явление заразительное. В 2014 году Научным советом Российской академии наук я был приглашен выступить на очередном его заседании с докладом «Две модели реформирования Европы: Наполеон и Александр I». ¹⁰⁸ Заранее прослышав про это, на «беговую дорожку» вышла относительно молодой научный сотрудник РАН тов. Л.В. Мельникова. Среди прочих целей ее стартов был и кабинет доктора исторических наук А.Н. Сахарова:

– Нельзя! Просто нельзя допускать, чтобы Понасенков выступал аж на Научном совете! Как к этому отнесутся наверху?!

Будучи атеистом, я могу только удивляться: как автор книжки о Православной церкви в наполеоновских войнах (рецензент – профессор С.В. Тютюкин) может проявлять себя так нервно?! Ведь в ней же должна жить сама благодать и успокоение, а под разного рода Понасенковых такие должны подставлять «вторую щеку»! Представляете, сколько страниц ею написано про «духовность»: автор просто должна светиться нездешним светом – но нет. И ведь на разного рода презентациях выставок она так дружелюбно улыбалась... Воистину, неисповедимы нервы исследователей синодских постановлений. Так или иначе, по воле Дарвина мое выступление состоялось: его видеозапись доступна в YouTube, а печатный материал был позже опубликован Российской академией наук.

Я предлагаю, дорогие читатели, вспомнить поведение вышеописанного клубка единомышленников, когда вы будете читать описание русского штаба и генералитета накануне войны 1812 г. (тот же Валькович, видимо, слишком уж вошел в образ переодетого русского генерала-интригана). Вообще же мне вспоминается фраза известного певца декаданса и лауреата Сталинской премии (1951 г.), «ариетки» из репертуара которого я часто исполняю, А.Н. Вертинского (1889–1957), сказанная по возвращении из эмиграции на родину: «узнаю матушку-Россию».

Кстати, о беге и спорте: по заявлению министра образования и науки РФ, религиоведа, а в прошлом школьного преподавателя пения, О.Ю. Васильевой (1960, Бугульма, СССР), только в 2016 году на уроках физкультуры погибли 211 детей. ¹⁰⁹ Стоит подчеркнуть, что от Наполеона или, предположим, солдат НАТО ни один русский ребенок не пострадал. Кроме того, как вы видели, я не начинал того закулисного «спортивного» процесса, который был описан выше, но я не положу перо, пока хоть один подобный «бегун» и его действия не будут преданы гласности.

Однако вернемся к теме моего доклада в Академии наук. Эта программная работа была посвящена принципиально важной теме: а что же, собственно, могли предложить Европе и миру обе противоборствующие стороны – Наполеон и Александр I, прогрессивная Франция и крепостническая Россия, которая в ту эпоху не имела четких границ, единого свода законов, чей литературный язык еще не был сформирован? На основе широчайшей фактологической и документальной базы я проанализировал реформы Наполеона в Европе (а также его дальнейшие планы и то, как уже осуществленные им нововведения великолепно выдержали испытание Временем), а затем изучил действия Александра, которые сводились к рассылке карательных отрядов для удушения общественных движений в Европе и к аракчеевщине в России.

Продолжим. В монографии, которую вы держите в руках, я продолжил исследование истинного влияния присоединения России к континентальной блокаде Англии (это стало продолжением моей статьи 2002 года «Экономические предпосылки кризиса тильзитской системы в России (1807–1812 гг.) и причины войны 1812 г.», изданной Центром экономической истории МГУ им. Ломоносова). Поскольку данный сюжет лежит в поле смежном с предметом изу-

¹⁰⁸ Доклад опубликован: Понасенков Е.Н. Две модели реформирования Европы: Наполеон и Александр I. // Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. и реформирование Европы. (Бюллетень Научного совета Российской академии наук «История международных отношений и внешней политики России»; Вып. 5). М.: Изд. центр Института российской истории РАН, 2015, с. 27–35.

¹⁰⁹ Чернова Н. Смерть по остаточному принципу. // Новая газета, 11 октября 2017 г.

чения профессиональных экономистов, то мне было интересно мнение о моей работе (т. е. о главе нынешней книги) коллеги-ученого именно из этой области. Послушаем его:

«Работа Е.Н. Понасенкова «Континентальная блокада Англии и экономика России» касается важного аспекта истории нашей страны и ее международных отношений. Тема находится на стыке двух дисциплин – истории и экономики. Используя широкую базу источников и метод историзма, автору удалось проанализировать влияние Континентальной системы Наполеона на бюджет Российской империи (1807–1812 гг.), а также выявить истинное ее значение в свете развития мануфактурного производства и торговли на внутреннем рынке России. Подробные и репрезентативные статистические сведения дают читателю возможность получить необходимое представление об изменении ситуации в каждом квартале исследуемого периода.

Есть все основания считать данную главу интересной и научно целесообразной – прежде всего, с точки зрения истории экономики и торговли.

М.И. Кротов – доктор экономических наук, профессор СПбГУ
14.07.2017.»

Заверенный собственноручной подписью оригинал на личном бланке автора хранится в моем архиве.

Доктор исторических наук, профессор В.В. Сергеев рассказывает о моем большом вкладе в изучение темы – и отмечает, что: «совершенно в противоположном плане по сравнению с большинством советских и российских историков характеризует экономические последствия тильзитской системы для России Е. Н. Понасенков». В.В. Сергеев отмечает, что я в своей статье «Экономические предпосылки кризиса Тильзитской системы (1807–1812 гг.) и причины войны 1812» «критикую отечественную историографию за абсолютизирование, односторонность и контрфактичность в подходе к континентальной блокаде как к губительной для экономики России». И далее он в самом положительном ключе излагает мою новую концепцию (Сергеев В.В. Тильзитский мир в восприятии современников и оценке российских историков. // Калининградские архивы, 2011, № 9, с. 99). Доктор исторических наук А.В. Чудинов (руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН) весьма четко определяет, что именно я первым открыл новое понимание последствий присоединение к блокаде Англии для экономики России (Revisiting Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences (L., 2014, p. 65). Хотя, надо признать, что (по некоторым кулуарным нюансам) и этот исследователь-бюджетник тоже подвержен некоей зависти в отношении успеха моих публикаций, но вышеозначенный факт этим не умаляется, а лишь усиливается.

Среди моих концептуально новаторских работ последних лет стоит упомянуть и большой материал, который я подготовил к 200-летию юбилею Русской кампании Наполеона: «Почему войну 1812 года никак нельзя назвать Отечественной» (первоначально статья была опубликована на сайте исторического журнала «Дилетант» в сентябре 2012 г.). В ней я совершил экскурс в свои прошлые публикации – и впервые подробно сформулировал термин «гражданская война 1812 года».

Далее. Важно сказать о том, что сегодня существует как бы несколько своеобразных ниш, где объединяются исследователи разного стиля, направления и, так сказать, калибра. Работники Академии наук, крупных университетов, сотрудники музеев, любители военно-исторической реконструкции (направление своеобразное и по психологии, и по методологии, но тем не менее в нем есть люди, хорошо разбирающиеся в вопросах военного быта и униформы), независимые авторы и т. д.: большинство из перечисленных достаточно разобщены

– и часто не ведают о результатах деятельности друг друга. Именно для того, чтобы объединить все эти разрозненные течения, изучающие войну 1812 года, я созвал еще в октябре 2002 года **Первую всероссийскую межвузовскую конференцию**, в которой приняли участие не только члены, так сказать, традиционной обоймы специалистов по кампании 1812 года (к примеру, А.А. Васильев), но и преподаватели крупных ВУЗов (к.и.н. Елена Федосова, к.и.н. А.Ю. Смирнов, проректор МосГУ проф. В.А. Луков, проф. А.А. Королев), научные сотрудники Российской академии наук (к.и.н. Л.П. Марней), работники профильных музеев, ведущие научную работу (в том числе Т.А. Привезенцева – из музея-панорамы «Бородинская битва») и т. д.

Далее. Стоит отметить, что нападки маргиналов на ученых ведутся и в интернете – и там же часто приходится на них реагировать (правда, я уже давно пренебрегаю подобным). Прочитую отрывок из ответа на один из выпадов непрофессионалов, написанный в декабре 2012 года известным исследователем, кандидатом физико-математических наук и доктором исторических наук, С.А. Нефедовым (1951 г. р.):

«21 сентября на портале «Свободная пресса» была опубликована статья Сергея Беякова «Историки-вредители». Автор обрушивается на российских историков, которые, по его мнению, недостаточно патриотично описывают войну 1812 года. Он приводит в пример Чечню, которая «идет от победы к победе». В Чечне, предупреждает Беяков, таких историков «могут на вполне законных основаниях отправить в зиндан, как это недавно чуть было и ни случилось с двумя русскими историками».

Реакция патриотов не заставила себя ждать – она проявилась тут же, в комментариях на портале. Там закричали «о необходимости неотвратимого наказания Лжецов, высосавших все из грязных ж... – фарисейских пальцев в угоду своей людоедской Торе!!!» Поеживаясь в ожидании зиндана, я попытался что-то написать в ответ – но не тут-то было: мои комментарии упорно не воспринимались патриотически настроенным сервером «Свободной прессы».

Ну ладно, подумал я, все-таки у нас не Чечня, а я не Салман Рушди. Я всего лишь бедный историк, ЦРУ мне не платит, и денег, чтобы менять свою внешность и прятаться в экзотических странах у меня нет.

Остается оправдываться, объяснять, что Беяков кое-чего не понимает или попросту лжет, наговаривает на бедных историков. Зачем? Хорошо известно, что некоторые журналисты и политики объявляли «охоту на ведьм» ради собственного пиара...

Итак, Беяков очень конкретно указал на трех кандидатов на «отправку в зиндан». Первым был всеми уважаемый специалист, доктор исторических наук Владимир Земцов, автор нескольких монографий о нашествии Наполеона. Вторым был молодой талантливый историк Евгений Понасенков, написавший книгу «Правда о войне 1812 года». Третьим был я, доктор исторических наук Сергей Нефедов. Я написал для журнала «Новый мир» статью, которая была посвящена объяснению причин побед и поражений Наполеона. Обвинение, предъявленное нам, отличалось несравненным изяществом: нас обвиняли не в том, что мы написали, а в том, что мы о чем-то не написали. Мне, например, инкриминировалось то, что в статье «нет ни слова о народной войне, о партизанском движении, о предусмотрительности Кутузова, о мужестве Дохтурова и Раевского».

Что поделаешь, остается признать, что обвинитель полностью прав. Да, конечно, моя статья была совсем о другом. Речь там шла о том, что Наполеон первым из полководцев научился использовать мобильность новых артиллерийских систем, созданных генералом Грибвалем...»¹¹⁰

¹¹⁰ Нефедов С. Историков-вредителей – в зиндан! // электронный источник: <http://www.mk.ru/blogs/posts/istorikovvrediteley-v-zindan.html>

VI

Продолжим. Скандальную известность получила деятельность доцента СПбГУ О.В. Соколова (1956 г.р., Ленинград). Этот неуравновешенный ленинградец пыжится казаться историком, но всегда был, по сути, любителем изучать униформу и некоторые аспекты военного дела. Когда же он на склоне лет попытался говорить о вопросах дипломатии и экономики – это получилось весьма неудачно. Его книжка с картинками «Армия Наполеона» (СПб.: Империя, 1999, 592 с.) среди коллег почти сразу стала обрастать обсуждением с не очень приятным «запахом». К примеру, научный сотрудник Государственного Эрмитажа П.В. Суслов был вынужден сообщить в своем докладе на научной конференции в Москве: «В период 1994–1998 гг. я имел непосредственное отношение к процессу ее написания. Однако, в дальнейшем, ситуация поменялась столь кардинально, что сущность этих изменений должно было бы оглашать не в этом, а в другом «зале», и наши взаимоотношения с этим человеком в настоящее время сложно именовать цивилизованными» (Суслов П.В. «Гвардия погибает и не сдается». Несколько вопросов к автору одной «нашумевшей» книги. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы V научной конференции. Москва, 25 апреля 2002 г., М.: Музей-панорама «Бородинская битва», 2002, с. 147). Что это Соколов за тип такой, что с ним сложно остаться в цивилизованных отношениях?!

И, конечно, для знающих французский язык публикация Соколова не сообщит практически ничего нового: можно вспомнить и более подробные и солидные монографии – к примеру, фолиант профессора Алена Пижара (1948 г.р.) «Наполеоновская армия» (Pigeard A. L'armée Napoléonienne, 1804–1815. P., 1993, 991 p.).

Но, к большому сожалению, О.В. Соколов сильно подпортил свою репутацию и неприятными делами. Как вы знаете, во главе угла моей концепции конфликта России с Францией в эпоху 1801–1815 гг. лежит понимание того, что именно русский император Александр I из-за зависти, усугубившейся уже в ходе развязанной им против Наполеона войны, был главным инициатором конфликта. Этому посвящены мои нашумевшие выступления и публикации 2000–2004 гг. и далее. Моя позиция стала не просто известной, но широко обсуждалась в научных кругах и даже в СМИ. Через некоторое время мне сообщили, что О.В. Соколов в своей книжке, посвященной Аустерлицкому сражению (Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. Т. 1–2, М., 2006), использует мою концепцию в качестве основной, однако на мои работы не ссылается. Более того: имеет место практически дословное цитирование итоговой концептуальной формулировки без ссылки на автора. К примеру: «...в этом (в конфликте – прим. мое, Е.П.) виноваты не столько объективные обстоятельства, сколько личная деятельность одного человека – русского императора Александра I. ...Итак, Россия, а вместе с ней и вся Европа были втянуты в глупую, ненужную, кровопролитную войну, за которую большую, если не всю часть ответственности несет император Александр I» («Аустерлиц...», т. 2, с. 102–103). А теперь читаем мой т.с. *оригинальный* текст: «...ответственность за франко-русский конфликт в большой мере лежит на Александре I...» (Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004, с. 123).

Стоит подчеркнуть: чтобы сделать подобный вывод, я опубликовал множество научных статей и целую монографию, а О.В. Соколов позднее лишь использовал уже готовую концепцию. Конечно, я не хочу называть это плагиатом – и вообще, что называется, выносить сор из «избы», где «обитают» исследователи, верно понимающие суть происходившего в ту эпоху (нас мало...). Но и умалчивать об этой проблеме было бы неверно: все же был использован мой замысел, обдуманый глубоко. Здесь, очевидно, следует упомянуть о характере О.В. Соколова. Дело в том, что он является реконструктором: любит участвовать в представлениях с розыгрышем баталий наполеоновской эры, напяливает на себя игрушечную униформу диви-

зионного генерала Первой империи. В его комнате даже висит портрет, изображающий хозяина квартирки в упомянутом заграничном наряде, а среди прочих реконструкторов О.В. Соколова нередко кличут «сиром» (от фр. *sire* – форма обращения к монарху). Что ж, как говорил легендарный художник Пабло Руис-и-Пикассо (1881–1973): «Un artista copia, un gran artista roba» (Хорошие художники копируют, великие художники воруют). Видимо, ленинградский доцент и «сир» все же не лишен такого же «величия»...

Идем далее. К юбилею, в 2012 году О.В. Соколов издает новую книжку (весьма небрежную по стилю): «Битва двух империй. 1805–1812» (М. – СПб., 2012). Это исследование не преодолело описательной стилистики, многие места достаточно «сырые», часто отсутствуют ссылки на источники цитируемых документов и неточности в сносках. Вероятно, особая темпераментность «сира» и спешка стали главными виновниками подобной небрежности. Среди прочего в глаза бросается фраза Наполеона, которую О.В. Соколов, не ссылаясь на первоисточник, полагает сообщенной К. Меттерниху: «В своей беседе с Меттернихом он сказал: «Если бы кто-нибудь мог избавить меня от этой войны, я был бы ему очень благодарен»». ¹¹¹ На самом деле, Наполеон ее высказал министру полиции Анну Жану Мари Рене Савари, герцогу Ровиго (1774–1833) – и в оригинале мысль звучит так: «Celui qui m'aurait évité cette guerre m'aurait rendu un grand service...» ¹¹² Подобный непрофессионализм просто недопустим.

Но и в этой могущей бы представлять интерес книге, «сир» не обошелся без «приемов Пикассо» в отношении моих работ и научных открытий. Дело в том, что одним из важнейших пунктов в концепции вины царя и вообще русской стороны в конфликте является мое известное открытие того, что влияние присоединения России к блокаде Англии не имело тех страшных последствий для ее экономики, как считалось в историографии прежде. Этому был посвящен и мой доклад на заседании Центра экономической истории МГУ (2002 г.), и отдельная глава в моей монографии 2004 года. В данном случае у О.В. Соколова нет никаких альтернатив: подобную версию никто до меня не высказывал и не доказывал (причем подводя широчайшую документальную базу). Тем не менее он резво аж на 20 страницах повторяет мои тезисы (с. 344–365): хотя и приводит новые аргументы в пользу моей теории (это похвально).

За истекшие два года Соколов не смог предоставить ни мне, ни публике публикаций, в которых бы упомянутое было высказано им раньше меня (по теме вины царя – его статья на иностранном языке в сборнике за 2004 год – против моей статьи за 2001 год, по теме континентальной блокады – разница еще более значительная: 2012 год против моей знаменитой публикации в МГУ за 2002 год!). Это неоспоримые факты: математические, физические, печатные, биографические!

Окончательную точку в обсуждении темы авторства концепций ставят ведущие в нашей стране специалисты – крупнейшие ученые из Российской академии наук. Вот их заключения, предоставленные по официальному запросу юристов. Первое: «Е.Н. Понасенков впервые в отечественной и зарубежной историографии высказал идею (и обосновал ее в виде научной концепции) о том, что присоединение к блокаде Англии не могло быть причиной войны 1812 года (ни с экономической, ни с политической точки зрения). Особый акцент исследователь сделал на то, что причиной финансовых проблем Российской империи стали расходы на военное ведомство и неразбериха в финансах. Этот тезис становится и одним из краеугольных камней другой концепции ученого – относительно вины императора России в конфликте 1805–1815 гг. По мнению Е.Н. Понасенкова у царя не было необходимости не соблюдать условий Тильзитского мира и конфликтовать с Французской империей. Е.Н. Понасенков считает возможным утверждать, что большую, если не всю часть ответственности за серию войн несет император Александр I. Подобные же тезисы были опубликованы через несколько лет в рабо-

¹¹¹ Соколов О. Битва двух империй. 1805–1812. М. – СПб., 2012, с. 544.

¹¹² Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon. Т. 5. Paris, 1828, p. 226.

тах О.В. Соколова; в них, к сожалению, отсутствуют ссылки на упомянутую монографию (и другие работы) Е.Н. Понасенкова. 09.10. 2018.

Ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, член бюро Научного Совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», директор-учредитель «Центра научных и прикладных исследований в области истории «Институт национальной памяти», кандидат исторических наук, Колодникова Л.П.»

И второе: «Проведенное исследование структуры аргументации фрагментов книг Понасенкова Е.Н. «Правда о войне 1812 года» (М., 2004, с. 106–109, с. 123) и Соколова О.В. «Битва двух империй. 1805–1812» (М., 2012, с. 357–365), «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг.» (М., 2006, т. 2, с. 102–103), показывает, что значительная часть тезисов и аргументов, занимающих центральное место в обсуждении причин возникновения войны 1812 г., близки по семантике, будучи синонимическими вариантами друг друга с существенной степенью семантического сходства. В проанализированных фрагментах отсутствуют ссылки авторов друг на друга. Отсутствие ссылок на оригинальные научные результаты ученого при их воспроизведении другими исследователями представляет собой некорректное заимствование в научных трудах, опубликованных позже, что может рассматриваться судом как та или иная форма плагиата.

Общие выводы исследования:

Проведенное исследование структуры аргументации фрагментов книг Понасенкова Е.Н. «Правда о войне 1812 года» (М., 2004, с. 106-109, с. 123) и Соколова О.В. «Битва двух империй. 1805-1812» (М., 2012, с. 357-365), «Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799–1805 гг.» (М., 2006, т. 2, с. 102-103), показывает, что значительная часть тезисов и аргументов, занимающих центральное место в обсуждении причин возникновения войны 1812 г., близки по семантике, будучи синонимическими вариантами друг друга с существенной степенью семантического сходства. В проанализированных фрагментах отсутствуют ссылки авторов друг на друга. Отсутствие ссылок на оригинальные научные результаты ученого при их воспроизведении другими исследователями представляет собой некорректное заимствование в научных трудах, опубликованных позже, что может рассматриваться судом как та или иная форма плагиата.

Заведующий отделом экспериментальной лексикографии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
доктор филологических наук профессор

А.Н. Баранов

Выводы экспертного заключения доктора филологических наук профессора А.Н. Баранова.

Заведующий отделом экспериментальной лексикографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук доктор филологических наук профессор А.Н. Баранов».

Оба документа опубликованы на официальных сайтах. Но все же **«признание – царица доказательств»**. Подобная сентенция часто приписывается Прокурору СССР А.Я. Вышинскому (1883–1954), но фраза бытовала еще в Древнем Риме (царица доказательств: лат. – *Regina probationum*). Итак, в 2019 г. (подписано в печать 18.10.2018 г.) в переиздании книги об Аустерлицком сражении О.В. Соколов был вынужден самолично удалить именно ту часть концептуально важного высказывания, которую мы оспаривали юридически. Из фразы о вине царя Александра в войне им вырезано: «...за которую большую, если не всю часть ответственности несет император Александр» (с. 543). Причем, сделал он это весьма убого, трусливо – не стал отстаивать свое первенство до конца (хотя было бы уже просто совсем неприлично...),

но и не написал в том же абзаце причину удаления части текста. Это я считаю весьма убогим поступком – но подобное весьма органично «сиру».

Есть и более постыдные вещи, связанные с этим переизданием. Я напомним, что первое издание было выпущено на средства брата жены бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова – В.Н. Батурина (видимо, издательства просто так не брали писанину «сира»?). Однако потом Батурин был осужден по статье УК и сел в тюрьму: в эти годы неблагодарный Соколов отзывается о бывшем благодетеле весьма нелицеприятно. И вот в переиздании уже не упоминается помощь Батурина – более того, Соколов выкинул главу «Слово от издателя». Чем она стала плоха идейно? Как омерзительна такая «черная» неблагодарность! Зато произошло совсем убогое и комическое. Дело в том, что новое издание писанины Соколова тоже вышло не в каком-то солидном издательстве, а напечатано на дешевой бумаге в серии «РАЗВЕДОПРОС»: и на обложке выше автора и выше названия великой битвы красуется имя некоего «GOBLIN» (антипатичный блогер, поклонник «совка» и Сталина, Д. Пучков) с фотографией его же комически обработанной физиономии! Да, Олег, лучше не доживать, чтобы на седьмом десятке печататься под маркой «тупичок гоблина». Этот тупичок – финал твоей никудышной жизни. И вот вместо послесловия прошлого благодетеля в книжке опубликовано «Предисловие» нового – «Гоблина». Это ли уровень научного исследования? Более того: этот Пучков официально поставлен в соавторы книги об Аустерлице! Кстати, стоит подчеркнуть: у Соколова нет ни одной книжки с грифом «научное издание» – только художественная или популярная литература (да еще с графоманией то уголовного, то «гоблина»).

Но Соколов пробил и это «дно». В первом издании было указано: «Автор выражает благодарность Турусову Виктору Павловичу за помощь в подборе материала, составлении боевых расписаний и приложений, и Кукушкиной Анне Анатольевне за помощь в подборе и обработке материала, составлении боевых расписаний и приложений, а так же за графическое исполнение схем и планов». Так вот в переиздании эта информация удалена! Как не было! А ведь раздел приложений составляет только во втором томе большую (!) часть текста (с. 109–217)! Я полагаю, вы прекрасно понимаете, как это называется на языке человеческом и юридическом.

С именем Соколова связаны и более омерзительные вещи, о которых мне писать физиологически неприятно (и не место им в данном труде), но вы легко можете найти необходимую информацию. Буквально несколько секунд поисков в интернете (к примеру, публикации «Радио Свобода» и статьи в «Московском комсомольце», комичный «пранк» в YouTube и т. д.). Среди прочего – чудовищное избиение студентов на лекции Соколова. Они всего лишь задали вопрос о том, когда тот ответит на мою критику – а дальше прямо в аудитории под истеричные крики (в стиле подворотни) самого лектора их избили два негодяя (один из которых – подручный Соколова в его играх в «реконструкцию», такой же ряженный). Еще раньше на Соколова писал заявление в Прокуратуру с требованием наказать его за кошмарный инцидент на Бородинском поле Президент Международной Военно-исторической Ассоциации Валькович. Но, повторяю: все это настолько грязно и отвратительно, что в данной монографии я не буду писать об этом подробно.

Соколов опускался все ниже – дошел до хамства в мой адрес. В итоге всего этого я подал на него в суд – и 29 октября 2019 года я (вернее, мои юристы – сам я заседания не посещал: не барское дело) полностью разгромил его там: городской суд Санкт-Петербурга удовлетворил мой иск, обязав Соколова принести мне публичные извинения и выплатить денежную компенсацию морального вреда! Этот процесс о защите чести, достоинства и деловой репутации длился почти полтора года и получил большой резонанс в прессе и в научной среде, его обсуждали десятки тысяч людей в социальных сетях и в Ютубе.

Деятельность А.И. Попова (1953 г.р., Самара) весьма противоречива. С одной стороны, он пытается серьезно исследовать некоторые аспекты военной истории эпохи 1812 года (об этом подробнее – в соответствующих главах), с другой – его публикации изобилуют неточ-

ностями, весьма небрежны стилистически. Я полагаю, что, как и всегда, все подобное легко объяснимо, если мы внимательнее (с научной, биологической точки зрения) присмотримся к личности автора подобных небрежных текстов. Описывая А.И. Попова несколькими чертами, стоит отметить: провинциальный бюджетник, невысокого роста, с плешью (его «заем» смотрится весьма неудачно – и часто, простите, отлетает), странной мимикой и косоглазием. Я много раз встречался с ним на конференциях – и постоянно замечал, что его лицо имело комический красноватый оттенок. Думаю, вы уже догадались, что обладатель такой «красоты» не станет моим большим поклонником... Снова вспоминаем верную сентенцию гениального Оскара Уайльда (1854–1900): «Величайшая ошибка – не судить о людях по внешности».

Не очень красивая история связана с диссертацией этого самарского автора. Исследователь историографии войны 1812 года И.А. Шейн пишет: «В качестве научного оппонента на защите в диссертационном совете было предложено выступить Н.А. Троицкому. Однако, ознакомившись с содержанием диссертации, он «категорически» отказался от оппонентского выступления, поскольку «в принципе» не мог быть солидарен с докторантом. ... Трудно судить, какие замечания к научному труду А.И. Попова высказали члены диссертационного совета по защите. Копий материалов диссертационного дела сам соискатель не сохранил, поскольку считал их «пустышными бумажками» и к процессу защиты отнесся весьма скептически, полагая, что «почти любая защита диссертации, это дело до безобразия формализованное!» (Шейн И.А. Война 1812 года в отечественной историографии. М., 2013, с. 337–338). Ну, что же: лично я согласен с такой пренебрежительной оценкой диссертационных защит, но вот я в эти пошлые «игры» и не играю, а уж если вы согласились в подобном участвовать – так извольте уважать все глупости данного явления. Кроме того, что это за историк, который не хранит материалы? Для историка главное документ, важно все архивировать – и плохое, и хорошее, и серьезное, и комическое!

В 2016 г. вышла небольшая по объему книжка Н.В. Промыслова, в которой анализируется общественное мнение французской стороны о России.¹¹³ Автор затронул и прессу, и частную переписку солдат Великой армии. Сама фактура исследования представляет определенный интерес, однако вызывает неприятное удивление то, как сам Н.В. Промыслов относится к цитируемым им документам эпохи. К примеру, если десятки живых свидетелей, участников событий упоминают определенное число потерь французов и русских в Бородинском сражении, то автор почему-то называет их заниженными, не приводя при этом никаких аргументов и не ссылаясь на какие-либо иные источники. Ровно так же, перечислив массу подлинных писем с фронта, в которых активная деятельность русской армии практически не упоминается (французов в основном беспокоил климат), Н.В. Промыслов осмелился все это отнести фактически к пропаганде. Подобное непонимание жанра документа и неуважительные по отношению к первоисточнику выводы свидетельствуют о желании сделать политически удобный вывод. Неужели армейцы с разными социальными, национальными и возрастными характеристиками, находясь в нервной обстановке, только и думали, как бы устроить «пропаганду» среди невест и родственников?..

В своем подозрении (относительно подгонки выводов под настроение дня) я утвердился в обстоятельствах не совсем академического свойства. Одно из посвященных теме Бородинского сражения ток-шоу недавно было устроено на одиозном телеканале Царьград. Каково же было мое удивление, когда на стороне, о которой сами редакторы в частных беседах говорят: «а здесь у нас обычно стоят мракобесы», я увидел Н.В. Промыслова. По сценарию он должен был отстаивать давно отброшенную как фальсификаторскую и вообще невозможную версию о том, что Бородинское сражение было выиграно русскими (которые потом бежали до Москвы, а затем до Тарутина?!). Дальше я увидел и услышал самые бездарные и пошлые потуги пере-

¹¹³ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.

дернуть факты и просто обмануть телезрителя. Каждый раз я буквально «хватал оппонента за руку» – и Н.В. Промыслов был вынужден соглашаться (в том числе и с тем, что М.И. Кутузов обманул царя, сообщив о победе). Зачем в общем-то не чужому теме человеку подобные поступки? Вероятно, причина банальна: желание сделать карьеру и следовать конъюнктуре.

Метафоричный и показательный факт: поскольку мой оппонент достаточно низок – ему подставили под ноги высокие коробки, чтобы создать ложный эффект более высокого роста. И вот так, простите, у них всё: вся великодержавная и ура-патриотическая версия событий 1812 года (и многих других войн) – это подложенные для эффекта и обмана зрителя «коробки». Безусловно, я бы никогда не сказал об этом бытовом факте, но поведение Н.В. Промыслова было столь недостойным, что я не считаю возможным скрывать подобные нюансы от аудитории. После эфира, бесясь от публичного поражения, он позволил себе несколько истерических выпадов и в гримерной (перефразируя известную иронию: не по таланту истерика). Как вы уже заметили, я полагаю методологически очень важным обращать внимание на психологию поступков персонажей, на их внешность и биографию. Далее мы будем подробно говорить о том, что именно личные комплексы Александра I и части российского правящего класса стали движущей силой конфликта в 1812 года. Так вот, во время упомянутого выступления я стал свидетелем, как по человеку буквально разливалась злоба и зависть. Уверен, все это «бурление» я вскоре прочитаю в пристрастной рецензии на мою книгу: но я привык получать наслаждение от научного и режиссерского исследования поведения сапиенсов.

По несчастью или к счастью, в наши дни помимо академического жанра сильно продвинулся (а по тиражам и превосходит) жанр публицистический, или, я бы сказал, компилятивный. На этом поле достаточно известной стала книга А.П. Никонова «Наполеон: Попытка № 2» (СПб., 2008). Если говорить лаконично, то нечуждое здравому смыслу сочинение, основанное на компилировании нескольких известных работ (в том числе Е.В. Тарле и моих). Конечно, в нем встречается масса неточностей и ряд идей весьма произвольного толка, но для подобного легкого жанра это естественно. Кроме того, в отличии, к примеру, от «академического» исследователя О.В. Соколова журналист А.П. Никонов нашел нужным сослаться на местами использованные им мои работы. Вообще же, замечу, что наши взаимоотношения развивались от того, что Никонов-редактор (в журнале «Огонек») сильно урезал мое интервью – к тому, что мы вполне дружественно и со схожими позициями выступаем в различных ток-шоу.

Как я всегда говорил, война 1812 года (как и война 1939–1945 гг.) в России до сих пор не закончена. Здесь не очень хорошо воюют во время самой войны – зато потом «довоевывают» ложью и мифами по полной программе. Поэтому вместо того, чтобы достойно вести Бородинское сражение и победить в нем, отстоять Москву, начинают выдумывать бредни, объясняющие, почему поражение – это победа, и почему «черное» – это «белое». Но воюют не только с Историей и истиной, не только со стороной бывшего противника, но и с собственными гражданами, кто решился на смелость говорить правду. К примеру, после выхода первого издания данной монографии на меня лично, на книгу началась настоящая атака подлецов и психбольных всех мастей. Угрозы, клевета, подлоги, давление, ложь в СМИ и Интернете. Естественно, ни к одному пункту моей концепции, ни к одному факту они «прицепиться» не сумели – поэтому обсуждали лишь автора, мой успех, наряды и т. д. Важно понять, что помимо административного ресурса пропаганды в этом принимают участие две константы мировой истории: зависть бездарных приматов и просто огромное количество психически больных существ, которым место в клинике. На самом деле, я бы вообще определил зависть в качестве одного из главных явлений истории: весь род людской (который весьма поспешно и необдуманно объявили единым видом) делится на тех, кто создает – и на тех, кто от зависти гадит создателям и старается разрушить созданное. Такая же ситуация и с моей книгой, со всей моей деятельностью: я создаю, а серые бездари ежедневно делают пакости.

Вместе с тем, я очень рад тому, что крупнейшие ученые и общественные деятели громко поддержали мои научные выводы и книгу в целом! Среди них: Николай Сванидзе (выпускник исторического факультета МГУ, член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (с 2009 г. до ликвидации этой комиссии в 2014 г.), профессор и заведующий кафедрой журналистики Института массмедиа РГГУ, член Общественной палаты РФ, входит в Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека), Евгений Ройзман (профессиональный историк-архивист, мэр Екатеринбурга (в 2013–2018 гг.), почетный член Российской академии художеств, автор книг по истории и реставрации икон), писатель Дмитрий Быков, кандидат философских наук, Президент Венского бала в Москве Александр Смагин, легендарный диктор отечественного телевидения, народная артистка РСФСР Анна Шатилова и многие другие (электронный источник: <https://www.youtube.com/watch?v=y2dqPeupa38>). Очень важную характеристику моей работе уже после ее выхода в свет (и после начавшихся пакостей) дал А.Н. Сахаров (доктор исторических наук, профессор, много лет был директором Института российской истории РАН, главным редактором издательства «Наука», на момент интервью – зампредела Экспертной комиссии по анализу и оценке научного содержания ФГОС и учебной литературы для начальной, средней и высшей школы, возглавлял Научный совет ИРИ РАН по внешней политике и т. д.; среди прочего является автором монографии об императоре Александре I, ряда статей по внешней политике России начала 19-го века, автор практически всех главных учебников по отечественной истории). Вот его авторитетное и однозначное мнение: «Это интересный труд, острый, правдивый...», а мой подход обозначил как верный и «системный» (электронный источник: <https://www.youtube.com/watch?v=OQWueYddE7o>).

VII

Теперь коснемся темы **зарубежной историографии**. Стоит сразу подчеркнуть, что она гораздо беднее на яркие образы и положительного, и отрицательного свойства. Существенное отличие: европейские и американские авторы могли пребывать во власти определенных политических идей, довлеющих над объективностью выводов, но это случалось не по указке сверху, а по их личным мотивам и пристрастиям. Иностранцы историки (в большинстве своем) не знали русского языка, следовательно, значительный комплекс источников, особенно о внутренней жизни России, был для них труднодоступен. В данном вопросе они часто доверялись некоторым нечистоплотным российским и советским авторам, некритично относясь к их политически ангажированным сочинениям.

Рассмотрим схематично несколько знаковых работ, обращая внимание на ряд традиционно дискуссионных вопросов: и начнем с исследования публикаций французской стороны.

Выдающийся историк и государственный деятель Мари Жозеф Луи Адольф Тьер (1797–1877):

– в России Наполеон защищал свою империю, которая основывалась на достижениях буржуазной революции;

– Бородино – победа французов;

– в неудаче похода виноват климат.¹¹⁴

Крупнейший французский историк, специалист по наполеоновской тематике, сторонник франко-русского союза конца XIX века, создатель солидного восьмитомного (!) блестящего труда по эпохе, член Французской академии и иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук, Альбер Сорель (1842–1906), резонно называл **войну 1812 года «анти-французской коалицией»**. Но это было не плодом отдельного доказательного рассмотрения проблемы, а следствием машинального логического объяснения обратной связи претензий союзников в период общеевропейского конфликта конца XVIII – начала XIX вв. Отличительной чертой подхода автора является твердая уверенность в том, что в ходе столкновения с постреволюционной Францией континентальная Европа просто продолжала осуществлять политику, нашедшую отражение еще в Вестфальском мире: только под иными предлогами.¹¹⁵ По мнению А. Сореля русский климат имел гораздо больше воздействия на французов, чем русская армия.

В рамках этого же направления написан и небольшой по объему (два компактных тома), но достаточно дельный курс французской истории Альбера Мале, ориентированный как учебное пособие. Между тем он отчетливо и ясно назвал войну 1812 года **«VI антифранцузской коалицией»**.¹¹⁶ Как и А. Сорель, А. Мале ограничился лишь констатацией данного факта, вполне объективно стремясь привести явления одной цепи к общему знаменателю. Кроме того, жанр его работы и документальная база той эпохи практически не позволяла ему пойти дальше. Общим для обоих (как, впрочем, и для всех западноевропейских ученых) является также и полное невнимание к внутрироссийскому аспекту характера войны 1812 года.

Альфред Николя Рамбо (1842–1905) – французский историк, министр народного просвещения (1896–1898), иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1876):

– в войне виновата Россия;

¹¹⁴ Тьер Л.-А. История Консульства и Империи. Книга II. Империя: в четырех томах. М., 2014, т. 3.

¹¹⁵ Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906, т. 8, с. 407.

¹¹⁶ Malet A. Histoire de France. V. 2, P., 1909, p. 207.

– огромные потери Великая армия понесла от инфекционных болезней летом и морозов зимой;

– Смоленск и Бородино – безусловные победы Наполеона.¹¹⁷

Крупный историк Жак Бэнвиль (1879–1936) считал, что Наполеон не собирался углубляться в Россию – его целью был лишь мир с Александром, на который он рассчитывал после крупной битвы. Бородинское сражение – это победа французов, а сожжение Москвы – акт «русского варварства», причем наполеоновские солдаты, рискуя жизнью, спасали церкви, дворцы и т. д. На Березине слава Наполеона заиграла новым блеском.¹¹⁸ Историк-марксист Жорж Лефевр (1874–1959) благоволил к России, но в рассмотрении причин войны остался на позициях своих коллег. Потери в Бородинском бою он определял так: 50 тыс. чел. у русских и 30 тыс. чел. у французов. Отступление Наполеона из Москвы, по его мнению, было связано с тем, что он не мог долго находиться вне Франции и не управлять империей.¹¹⁹

Выводы работы Жозефа Кальметта (1873–1952):

– Смоленск и Бородино – выдающиеся победы Наполеона;

– Москву поджег ее генерал-губернатор;

– французское оружие покрыло себя славой на Березине;

– причиной больших потерь была стужа, а не армия М.И. Кутузова.¹²⁰

Крупнейший историк своей эпохи, большой знаток империи Наполеона, член французской Академии, Луи Эмиль Мари Мадлен (1871–1956) сделал следующие выводы:

– в 1812 году Франция вела войну оборонительную;

– Наполеон сумел правильно подготовить армию к походу;

– в Бородинском сражении русские потерпели поражение, потеряв 45 тыс. чел. против всего 23–24 тыс. чел. у французов.¹²¹

В 2012 г. Ж.-Ж. Брежеон выпустил необычную по своей структуре публикацию, которая состоит из отдельных эссе, связанных с разными темами общественной жизни и биографиями некоторых деятелей искусства. Все они как бы вращаются вокруг событий 1812 года, но как таковое описание войны автору неинтересно – да и между собой эти статьи почти не связаны.¹²² Небольшое по объему сочинение Мари-Пьер Рэй ничего идейно нового читателю не сообщает, но составлено вполне грамотно по уже широко известным источникам и работам.¹²³

Несколько слов о немецкой историографии. Знаменитый историк Фридрих Кристоф Шлоссер (1776–1861) был убежден, что Москву сожгли по приказу Ф.В. Ростопчина, а роль русской армии в неудачах похода Наполеона незначительна.¹²⁴ Не менее прославленный автор, Франц Меринг (1846–1919), считал, что Бородино стало поражением армии М.И. Кутузова, который был «дряхлым и неспособным» генералом. Только морозы, а не русская армия причинили французам значительный урон. В итоге событий 1812–1814 гг. наступила эпоха пагубной реакции: Наполеон же был вынужден долго сопротивляться подобному стремлению европейских монархов.¹²⁵ Крупный немецкий военный историк Ханс (Ганс) Готтлиб Леопольд Дельбрюк (1848–1929) утверждал, что при Бородине Наполеон разгромил русскую армию. Среди причин неудач французов автор делал особый акцент на дезертирстве.¹²⁶

¹¹⁷ Лависс и Рамбо. История XIX века. М., 1938, т. 2, с. 249, 258 и др.

¹¹⁸ Bainville J. Napoléon. P., 1946.

¹¹⁹ Lefebvre G. Napoléon. P., 1947, p. 518–519.

¹²⁰ Calmette J. Napoléon. P., 1952.

¹²¹ Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 12. P., 1949.

¹²² Bregeon J.-J. 1812. La paix et la guerre. P., 2012.

¹²³ Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М., 2015.

¹²⁴ Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. VI, гл. IV. СПб., 1872.

¹²⁵ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. М., 1956, с. 320–322, 401 и др.

¹²⁶ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. М., 1933, с. 386–388 и др.

Еще несколько примеров зарубежных исследований.

В 1957 г. вышла примечательная, весьма аргументированная и логически точно сформулированная большая статья Л. Яреша «Кампания 1812 года».¹²⁷ Автор критиковал советскую пропаганду на историческом фронте, доказывая, что конфликт развязала Россия, никакой крестьянской войны против Наполеона в 1812 году не было, а М.И. Кутузов значительной роли не сыграл. Главными причинами известных нам итогов столкновения стали огромное пространство и суровый климат. Ко многим другим тематическим англоязычным публикациям мы обратимся и используем по ходу основного повествования.

Продолжим. Книга Дж. Нафзигера (1988 г.) представляет собой простое хронологическое перечисление передвижений армий и хода сражений – практически без всякого анализа происходящего, без рассмотрения общественно-политического и экономического контекста. Почти половину объема книги занимают расписания войск перед крупными боями, что, в принципе, имеет мало смысла – т. к. в них участвовали в основном одни и те же соединения. Да и сами эти расписания составлены недостаточно подробно, в большинстве не указаны источники.¹²⁸

Значительным событием стала публикация в 2004 году труда Адама Стефана Замойского «1812. Фатальный марш Наполеона на Москву».¹²⁹ Представитель старинного польского аристократического рода родился в США, но всю жизнь прожил в Англии, где и получил прекрасное образование в Куинз-колледже (Оксфорд). А. Замойский владеет несколькими языками и имеет возможность путешествовать: все это самым положительным образом отразилось на его исследованиях. Книгу, посвященную войне 1812 года, отличает правильность многих суждений, широкий охват источников (особенно многочисленных мемуаров), проницательность в рассмотрении ключевых вопросов и общая объективность подхода. Вместе с тем А. Замойский все же пошел по проторенной дороге *описательного повествования*, он так и не разобрал на концептуальном уровне «гордые узлы» эпохи. Широко используя записки и мемуары русских участников, автор, к сожалению, не имел возможности проанализировать массу архивных документов. К ряду конкретных сюжетов его монографии мы еще обратимся в соответствующих главах.

В юбилейном 2012 году на русском языке выходит работа Доминика Ливена «Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814» (2009 г.).¹³⁰ Она написана как бы в академическом стиле, но за этой «декорацией» скрывается очевидная ангажированность – и желание сделать выгодное имя в России (как мне стало известно из частных разговоров, автор надеялся на некоторые, скажем так, преференции, но, вероятно, их так и не получил). Это исследование отягчено передергиваниями и неточностями. Есть и грубые ошибки, которые профессиональный историк не имеет права допускать (например, Наполеон стал королем Италии не в 1804, а в 1805 г. – с. 77). Совершенно непростителен и нечистоплотен ход, при котором обстоятельства создания царем Александром Третьей антифранцузской коалиции полностью искажаются, изымаются давно известные ученым факты (и далее – в том же духе).

В 2014 г. в США была опубликована (к сожалению, не лучшим, с технической точки зрения, образом) яркая по своей идейной составляющей книга Джона Тартелина «Подлинный Наполеон. Нерассказанная история». Согласно концепции, поддерживаемой автором, войны, которые вел Наполеон, носили оборонительный характер.¹³¹

¹²⁷ Yaresh L. The campaign of 1812. // *Rewriting Russian history: Soviet interpretations of Russia's past* (N.Y., 1957), pp. 261–289.

¹²⁸ Nafziger G. *Napoleon's Invasion of Russia*. Novato, CA: Presidio, 1988.

¹²⁹ Zamoyski A. *1812: Napoleon's Fatal March on Moscow*. L., 2004; Русское издание: Замойский А. *1812. Фатальный марш на Москву*. М., 2013.

¹³⁰ Ливен Д. *Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814*. М., 2012.

¹³¹ Tarttelin J. *The real Napoleon. The untold story*. San Bernardino, CA, 2014.

Далее. Стоит отметить усиление интереса к теме войны 1812 года среди **белорусских исследователей**. При этом термин «Отечественная война» уже давно отброшен – и акцент сделан на тяготах того конфликта в национальном регионе.¹³² Подобным же образом, от антинаучного и бессмысленного понятия «Отечественная война 1812 года» отказались и историки Украины, а также стран Прибалтики (обо всем этом подробнее – в следующих главах).

¹³² Среди прочего, можно выделить работы: Швед В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады. Гродна, 2006; Швед В. Беларусь часоў напалеонаўскіх войнаў (1805–1815 гг.): стан і перспектывы даследаванняў. // Французска-руская вайна 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнар. навук. канф., 29–30 ліст. 2002 г. Мінск, 2003, с. 9–17; Лукашевич А.М. Политическая ситуация в белорусско-польском пограничье и ее оценка российским руководством: по данным разведки и контрразведки (1801–1812 гг.). Минск, 2009; Ерашэвіч А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадскапалітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 2003; Литвиновская Ю.И. Беларусь в войне 1812 года: социально-экономический аспект: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Минск, 2004; Філатава А. Вайна 1812 г. і Беларусь. // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] Мінск, 2005, с. 75–86; Российская империя во время войны 1812 г.: учебно-метод. пособие (карта) для общеобразовательных учреждений / А.М. Лукашевич. Минск, 2004 и др.

VIII

Среди часто тиражируемой литературы есть и **околонаучные сочинения**, которые могут негативно сказаться на неподготовленном и беззащитном читателе, на аудитории, которая не в состоянии отличить научную работу от **пропаганды, фальсификации, фоменковщины или просто шаблонной графомании**.

В 2010 году в издательстве с прогрессивным названием «Вече» вышла книжка В.М. Безотосного (1954 г.р.) с широким и коммерчески завлекательным заглавием «Наполеоновские войны». Однако поверившие обложке и заплатившие деньги граждане по ходу чтения постепенно убеждаются в том, что их, скажем интеллигентно, ввели в заблуждение. Сочинение В.М. Безотосного оказывается примитивным набором давно отработанных псевдопатриотических штампов об участии России в череде войн 1805–1815 гг. Часто автор и не заботится сохранять декорацию академического стиля – многие страницы идут без всяких ссылок не то, что на первоисточники, но даже и на литературу. Покупателю, желавшему узнать о гениальных кампаниях Бонапарта, предположим, в Италии, Египте, о Пиренейской войне, о Линьи и Катр-Бра (Ватерлоо) мелким шрифтом на 4-й странице сообщается, что этого всего не будет, а задача автора: «...нарисовать общую картину участия российской армии в войнах против Наполеона...» (вспоминается: «Киса, вы рисовать умеете?..»). Но все мы понимаем, что подобные «картины» давно есть в любых учебниках, десятках тысячах уже давно опубликованных серьезных и иного уровня исследованиях. В том числе сто лет назад этому был посвящен знаменитый семитомник «Отечественная война и русское общество» (недавно переиздан репринтным способом). Коллективная монография, в которой самые блестящие ученые уже подробно и солидно выполнили задачу, поставленную запоздалым В.М. Безотосным: все антифранцузские коалиции, в которых участвовала Россия, еще сто лет назад были показаны в самом широком контексте причин и следствий мировой истории.

Однако наука развивается, открываются новые источники, методологические приемы, новые ракурсы оценки – и, конечно, мы ждем новых исследований, но они **ОБЯЗАНЫ** представлять читателю а) новую подробно аргументированную концепцию, б) если эта концепция противоречит прежним монографиям – выводы этих монографий необходимо сначала оспорить. Но В.М. Безотосный умудрился (это еще надо постараться!) не высказать ни одной новой идеи – ровным счетом *ничего*! Зато он совершил абсолютно недопустимое в науке (с моей точки зрения, подобное вообще есть преступление против науки): просто проигнорировал выводы капитальных исследований о причинах и характере конфликта¹³³ (а это главное!).

Подобное преступление против доверчивого читателя, который наивно полагает, что автор всегда отталкивается от знаний, которые накопили его коллеги. Что же вместо честной и объективной научной «картины» несет это сочинение? Потратив деньги и время, читатель узнает в финале следующий главный вывод (об идеологии официальной народности, которую В.М. Безотосный умудрился неверно процитировать как «Вера, самодержавие, народность», забыв слово «Православная»): «Несмотря на кажущуюся тривиальность и критику этой идеи интеллектуалами (вот они – главные негодяи! – прим. мое, Е.П.), более простых и доступных для широких слоев населения лозунгов найти трудно. Именно эти подкорректированные лозунги в середине XX столетия взяли на вооружение коммунистические идеологи... Государство переживало трудный момент (шла Великая Отечественная война), и велосипед было изобретать некогда» (с. 367). То есть автор открыто заявляет, что «широкие слои населения» –

¹³³ К примеру: Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1906, т. 6; Вандаль А. Наполеон и Александр I: Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., т. 1–3, 1910–1913; Arthur-Levy M. Napoleon et la Paix. P., 1902; Соколов О. Погоня за миром. // Родина, 1992, № 6–7; Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004; Zamoyski A. Op. cit. и др.

это фактически стадо, которое можно примитивными словечками загонять в стойло! И этому примеру радостно посвящена книжка. Как прекрасно! И это в 21-м веке, когда люди уже летают в космос, пересаживают искусственно выращенные внутренние органы и расшифровывают геном! Снова в стойло самодержавия или сталинщины! Но В.М. Безотосный чудовищно неграмотен и в нюансах: переход к «патриотической» пропаганде Сталин начал за несколько лет до Второй мировой войны (в которую СССР, кстати, вступил в союзе с А. Гитлером). И что же: если еще какой-нибудь местный диктатор спровоцирует конфликт (как это сделал Александр I в 1805, 1806–1807, 1812–1814 гг.) – то автор посоветует посадить население на тот же «велосипед» и снова отправить в могилу?! Есть такая профессия: сталинскую идеологию оправдывать... Хорошо, что хотя бы автор честно отделяет себя от интеллектуалов.

Примитивное сознание уроженца города Серова (Свердловская область) В.М. Безотосного полностью разоблачается в такой фразе: «Только единожды наши казаки стояли бивуаком на Елисейских полях и купали лошадей в Сене. Дальше в Европу наши войска не заходили, да, думаю, и вряд ли зайдут» (с. 363). Сбылась мечта серовчанина – искупать лошадей в парижской реке (вспоминается идея В.В. Жириновского обмыть сапоги в Индийском океане). Достойна ли автора, претендующего на ученость, подобная сентенция? Имеет ли право современный исследователь ассоциировать свои радости с лошадьми армии государства, которое перестало существовать в 1917 году? Можно ли представить себе физика, математика или медика, который бы чванился *национальной таблице умножения*, национальному закону тяготения или национальному сифилису? Почему автора больше заботят казачьи лошади, чем тот факт, что миллионы жителей Российской империи в 1812–1814 года были рабами, которых продавали отдельно от семьи?! Стоит ли эта помывка лошадей сотен тысяч русских жизней, положенных в гроб закомплексованным императором Александром I? Как говорится, можно вывезти сочинителя из г. Серова, но сам г. Серов... Персонаж с ужасно глупым взглядом и как бы странно и плоско «стесанным» носом, тов. Безотосный, является типичным примером графомана с обертонами «охранительной» пропаганды.

Помимо многочисленных фактических и логических ошибок незадачливого автора, некоторые пассажи из книжки оставляют впечатление, что ее писали разные люди – или автор не перечитывал написанное. На странице 122 В.М. Безотосный пытается неумело обвинить Наполеона в коварных планах, а уже на стр. 132 сообщает удивленному покупателю его графомании: Наполеон был уверен, «что русские первыми начнут вторжение в герцогство Варшавское и Пруссию» (что, кстати, и подтверждается всеми документами)! В описании Бородинского сражения В.М. Безотосный стал поистине смехотворен: до такого не доходил ни один его предшественник, даже из числа сталинских писак. На странице 187 с разницей в один абзац автор сам себя опровергает: «Русских победить не удалось» – и (через 4 сантиметра) Наполеон «не добился, как хотел, решающей победы» (то есть все же победил, но не так, как, например, под Аустерлицем). **Фарс!** Как же опускаются те, кто стараются усидеть на двух стульях: не показаться совсем дремучим и смешным, и в то же время всеми силами сохранить имидж «патриота», радующегося купанию казацких лошадей в Париже (или просто логическая неадекватность?).

На этом «цирк» с лошадьми в Сене не заканчивается. В 2012 году фактически тот же текст, ту же книгу с завлекающим названием «Наполеоновские войны» В.М. Безотосный без всякого стыда (хотя, с научной точки зрения, я этого утверждать не могу: возможно, ему было стыдно – может, он публиковал и краснел) выпускает уже под совершенно другим названием «Все сражения русской армии 1804–1814. Россия против Наполеона»! То есть наполеоновские войны «легким движением руки» превращаются (обрезаются?) до «всех сражений русской армии» в означенные годы. Можно ли всерьез относиться к подобному автору? Что следует думать о его нравственном облике?

Другой показательный ляпсус сочинителя В.М. Безотосного: в одной из своих статей он умудрился назвать Шестую антифранцузскую коалицию – «шестой антинаполеоновской коалицией»¹³⁴ (как же местные кабинетные госслужащие любят воевать с тенью Наполеона!..). Я напомню: антифранцузские коалиции начались в 1791 году, когда Буонапарт(е) еще был никому не известным нищим офицером, однако чтобы об этом знать, надо изучать биографию Наполеона и вообще быть в курсе исторического контекста. Но, видимо, В.М. Безотосный, как говорится, не читатель, а писатель. Еще комичнее другой случай из его творческой биографии. До широкой публики скандал не допустили, но специалисты знают, как некий А. Горшман, очевидно, в силу собственных психологических проблем, выдумал несколько биографий «генералов» эпохи 1812 года (и даже испортил своими письменами какие-то документы в архиве) – более того: намалевал их «портреты». Все это стало частью публикации, одним из авторов и редактором которой был разбираемый нами сочинитель В.М. Безотосный.¹³⁵ Подлог и нарисованные на уровне ребенка с отстающим развитием «портреты» мог бы разоблачить и непрофессионал – но В.М. Безотосный умудрился во все это поверить и гордо опубликовать!

Все вышеперечисленное не покажется сильно удивительным, если вспомнить, что В.М. Безотосный сначала много лет работал в музее «Траурный поезд В.И. Ленина», а потом неожиданно решил бросить все свои таланты и траурные познания в области поезда на эпоху войны 1812 года. Упомянутый музей многим сегодня может показаться странным, но, да, была и такая контора, причем весьма идеологически важная: ее единственный экспонат – это паровоз У127 и багажный вагон № 1691, в котором в 1924 году тело Ленина привезли в Москву. Представляете психику человека, каждый день и годами водящего пионеров к подобному экспонату? Поневоле замечаешь искупать лошадей в Париже...

В итоге я бы назвал В.М. Безотосного автором с, так сказать, *пониженной научной ответственностью*. Можно было бы не обращать внимания на подобного уровня книжонки, но их тиражи все же стимулируют к тому, чтобы объяснить аудитории ситуацию.

Изучая сочинения по истории войны 1812 года царской и сталинской эпохи, вспоминается афоризм Жарко Петана: «Иные так расхваливают свою родину, словно мечтают ее продать». Такова суть казенных «баснописцев» и «лакеев» еще с николаевских времен.

Еще один пример современной сочинительницы, повторяющей устаревшие псевдопатриотические байки – Л.Л. Ивченко (1956 г. р.). Ее, мягко скажем, неуважительное отношение к своей аудитории (иногда это сопоставимо с отношением автора к самому себе —?) ярко проявилось в издании под обложкой с эффектным для прилавка названием «От Бородина к Парижу» (М., 2016). У специалиста или просто культурного читателя возникнет обманчивая уверенность, что на страницах данной печатной продукции он узнает много интересного о двух годах боев, о сдаче Москвы, о сражениях на Березине, при Лютцене, при Бауцене, у Дрездена, возможно, об отношении общества к происходящим событиям, о перемирии, о кампании 1814 года, о вступлении в Париж и т. д. Однако фактический обман открывается быстро (это если есть возможность и время внимательно поглядеть книжку в магазине, а не заказывать ее, как это делают сегодня многие доверчивые граждане, через интернет). Ничего из перечисленного в книжке не описывается (а что тогда?!). Вместо этого мы имеем просто бессвязный набор старых статей Ивченко вокруг темы участия П.И. Багратиона в Бородинском бою и историографии М.И. Кутузова последних лет. Единственная статья, представлявшая (в момент ее первой публикации 24 года назад...) хоть какой-то научный интерес (в противоположность при-

¹³⁴ Безотосный В.М. Россия и шестая антинаполеоновская коалиция. // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013, с. 138. В итоге – совершенно неудивительно, что в музее войны 1812 года в Москве, который среди прочих курирует и сотрудник ГИМа Безотосный, экспозиция начинается с пропагандистского религиозного символа – с изображения Александра Невского. К чему он в музее 1812 года: даже если и был вмонтирован в заведение, предшествующее бассейну – в ХХС?

¹³⁵ «Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.)». Вып. VII, М., 1996, с. 446–447 и др.

вычным для автора простеньким историографическим экскурсам с неизменным некритичным восторгом перед М.И. Кутузовым) – это материал 1992 года в соавторстве с А.А. Васильевым, посвященный хронологии атак на Семеновские флеши в Бородинском сражении.

Особенно комично (термин «ненаучно» – был бы слишком серьезным в отношении разбираемой публикации) выглядит название раздела «На пути к Парижу», который начинается с визита «Лористона в ставку Кутузова». Представляете: Наполеон дает парады в Москве, там же работает учрежденный им впервые в России всесословный муниципалитет, офицеры Великой армии смотрят спектакли актеров французской труппы, подмосковные крестьяне грабят дома москвичей, М.И. Кутузов рассылает карательные отряды против бунтующих русских крестьян, пытается отыскать несколько тысяч дезертиров из русской армии – а Ивченко уже всюду шагает на каблуках по российской осенней слякоти к Парижу! О кампании 1814 года и про разрекламированный на обложке данного печатного продукта любимый туристами город Париж (нет бы про реально описанные Семеновские флеши на обложку...) доверчивый читатель не сможет узнать ни-че-го! Про события 1813 года (давно описанные во множестве монументальных исследований) – лишь пренебрежительные 20 страничек: часть из них – это «доклад на круглом столе» про хорошо всем известное участие русских в бою при Кульме, и еще несколько листочков – это просто описание «храма-памятника» погибшим в Лейпциге. То есть, обещая Париж, Ивченко всех «похоронила» по дороге: метафора, однако, для апологета российского командования образца 1812 года... Возможно, подобное прозвучит не совсем академично, но мне стало СТЫДНО за автора и неуютно за себя самого как покупателя.

Автор или участники издания этого печатного продукта (а как иначе подобное назвать?), очевидно, так суетились, что в оглавлении (а это – лицо книги, лицо автора и издательства!) умудрились напечатать «бородинское Сражение» с неправильным выделением заглавной буквы (видать, от большого уважения к участникам боя, к себе и к читателям), а несколькими строками ниже забыли одну кавычку в эффектном когда-то пропагандистском слогане «содружество трех армий». Более того: инициалы столь пропагандируемого Ивченко Кутузова (фактически «кормильца») в том же оглавлении разлетелись в разные стороны. Да... даже пропаганда – и та хромает. Далее. Упомянутая статья 24-летней давности (на момент публикации книги в 2016 г.) в оглавлении почему-то заявлена как заметка 10-летнего возраста (речь идет о перепечатке ее в 2002 г., но ведь оглавление касается 2016 года...). Однако этот нюанс сочинения автора-дамы мы можем оставить без подробного комментария...

Еще одна книжка Л.Л. Ивченко – это биография-апология М.И. Кутузова для серии ЖЗЛ (М., 2012). И эта работа не может считаться серьезным исследованием: Лидия Леонидовна умудрилась не найти ни одного пункта для критики известного многочисленными поражениями, преступлениями и грехами генерала и вельможи. Ее приемы рассчитаны на совсем невежественного и невнимательного читателя: к примеру, Л.Л. Ивченко зачастую осуждает М.Б. Баркляя де Толли за те же решения, за которые безоговорочно хвалит М.И. Кутузова и т. д. Тем не менее я должен напомнить, что, купив биографию того или иного исторического деятеля, мы обязаны за свои, простите, деньги получить объективный образ, созданный знающим и свободным от ангажированности исследователем. История – это такая же наука, как, предположим, химия или физика. Если в книге не изложены азы и законы – значит, эта книга лишь макулатура. Однако даже Л.Л. Ивченко, допускающая массу фактических ошибок и передергиваний, не смогла «перешагнуть» через ставшие известными уже и широкой аудитории цифры потерь противоборствующих армий в Бородинском сражении: по ее словам, русские потеряли от 45 до 50 тысяч человек, а французы – около 35 000 (с. 402). Естественно, Лидия Леонидовна постаралась назвать наибольшие из упоминаемых современными историками показатели по французам – и наименьшие по русским (подлинные цифры – см. в главе данной монографии, посвященной походу от Немана до Москвы). При подобных потерях полной клоунадой выглядит фраза Л.Л. Ивченко о том, «что Кутузов решил на генеральную

битву по причинам «нематериального характера»: прежде всего он должен был поддержать моральный дух русских воинов...» (с. 403). Ничего не скажешь – прекрасно поддержал, погубив почти половину этих самых регулярных «воинов»! «Одноглазого сатира», как его называли современники, проигравшего Аустерлиц и Бородино, бросившего русских раненых на сожжение в Москве, Л.Л. Ивченко всячески выгораживает – зато разводит графоманию, тщась критиковать действительного великого полководца и государственного деятеля, изменившего облик мира – Наполеона: есть такая профессия младших научных сотрудников и неудачников от жизни – гениев критиковать.

Так или иначе, за многолетние ура-патриотические публикации Лидия Леонидовна все же кое-что получила. Почти к полувековому юбилею ей засчитали кандидатскую диссертацию с размашистым названием: «Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции». Как говорится, обо всем – и ни о чем: вернее, о перечисленном уже многие подробно написали ранее. Но в стране, где обладатель «лишней хромосомы» В.Р. Мединский считается «доктором исторических наук» – должен быть и подобный «кандидат» (таких же наук). Некоторые фактические ошибки Л.Л. Ивченко для профессиональных историков могут стать, выражаясь современным языком, комическими «мемами». К примеру – «академик А.З. Манфред»¹³⁶ (который никогда академиком не был): возможно, автор перепутала Альберта Захаровича с Евгением Викторовичем... Все вышеперечисленное – это печатные опусы, а в устных выступлениях (к примеру, перед случайными посетителями общедоступной лекции), Лидия Леонидовна, к сожалению, не гнушается и прямой ложью: к примеру, объясняя причины войны 1805 года тем, что «Наполеон стоял на границах России». Товарищ Ивченко обязана знать хотя бы данные школьного курса: в 1805 году Наполеон находился на территории далекой Франции, а его армия – у Ла-Манша (а это граница с Англией). Когда же Россия объявила войну Франции и пошла туда интервенцией – вот тогда Наполеон моментально снял Булонский лагерь (Camp de Boulogne), совершил гениальный бросок через всю страну: и погнал «протеже» Ивченко (М.И. Кутузова) по долине Дуная, а затем полностью разгромил 2 декабря под Аустерлицем. Но преследовать не стал – и на границы России и близко не выходил (зато предложил мир).

Между тем, часто некачественные тексты на исторические темы печатаются огромными тиражами, пропагандируются на средства государственного бюджета. Мне вспоминается меткий и глубокий афоризм Станислава Ежи Леца: **«Ничто занимает в мире слишком большое место».**

А сейчас я вынужден сообщить вам о совершенно вопиющем и преступном сюжете. Недавно ко мне стали обращаться студенты и коллеги-исследователи, которые попросили, используя мое медийное имя, проинформировать общественность о факте фальсификации истории, причем в учебном пособии. Я процитирую отрывок из учебника д.и.н. А.С. Маныкина (МГУ) «Новая и Новейшая история стран Западной Европы и Америки»: «Очередной раунд военных действий начался в 1805 г., когда сформировалась третья антифранцузская коалиция, в состав которой вошли Англия, Австрия и Неаполитанское королевство. Изначально Наполеон намеревался нанести главный удар по Англии, являвшейся душой коалиции. Готовилась армия вторжения. Над Англией нависла самая серьезная с XVI в. угроза. Однако в морском сражении у мыса Трафальгар франко-испанский флот был наголову разбит англичанами под командованием адмирала Г. Нельсона, и Наполеону пришлось расстаться с планами высадки на Британских островах.

Тогда он направил основной удар против Австрии, стремясь укрепить свои позиции в центре Европы. Австрия вынуждена была выйти из войны и уступить ему Венецию, Истрию, Далмацию. Неаполитанским королем стал брат Наполеона Жозеф. В Германии на месте мно-

¹³⁶ Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. М., 2012, с. 173.

гочисленных немецких государств под эгидой Франции был создан Рейнский союз, что знаменовало собой крупный поворот в традиционной политике Франции...»¹³⁷

Как вы заметили, автор самым бессовестным образом искажил факты и суть явления: он полностью изъясил из состава участников Третьей антифранцузской коалиции Россию. При этом именно царь Александр I был создателем коалиции и главным двигателем! Большую часть войск также предоставила Российская империя. **А.С. Манькин лжет** относительно планов Наполеона напасть на Австрию: император лишь был вынужден поспешно отбиваться от совместного нападения России и Австрии. В мире не существует ни одного словаря, учебника, ни одной монографии или научно-популярной книги, где об этом не было бы адекватной информации. Про Аустерлиц знают даже далекие от истории люди. Для меня совершенно очевидно то, что подобная **фальсификация была произведена гражданином Манькиным А.С. со злым умыслом**. К большому сожалению, не существует уголовной статьи, по которой его можно было бы осудить – хотя подобная норма необходима. Я убежден, что на историках лежит еще большая ответственность за жизни людей, чем даже на врачах. Ложь или некомпетентность историка может спровоцировать конфликты в обществе – и даже целые войны. Именно фальсификации, подобные манькинской, способствуют «зомбированию» населения и провоцируют паранойю в обществе, значительная часть которого обретает уверенность в том, что на страну постоянно кто-то нападал или хочет напасть. Только правдивая и объективная информация **о причинно-следственных связях международных конфликтов** может предотвратить появление подобных *социальных болезней*. В итоге, считаю, что А.С. Манькин должен быть лишен ученых степеней и предан бойкоту со стороны уважающих себя коллег.

Во многом благодаря вышеназванным мошенникам от истории и просто бездарям, повторяющим идеологические сказки, в среде значительной части простых обывателей могут появляться **самые дикие теории** (относительно прошлого человечества). В глазах, не вдающихся в подробности и сторонних науке людей, всего несколько мошенников или жаждущих легкой карьеры типов могут скомпрометировать целый научный цех. Когда малообразованные массы слышат несколько десятилетий пропагандистские клише, а затем (после падения тоталитарного строя) до них доносятся голоса серьезных ученых с адекватной документальной информацией, упомянутые «массы» перестают доверять и тем, и другим. Большинство всегда лениво и вульгарно во всех своих проявлениях – поэтому оно готово отмахнуться от того, что требует затрат интеллектуальной энергии. Гораздо проще, простите, ляпнуть грязным ртом: «история – не наука: один говорит так, а другой – так». Подобная убогость выгодна и неудачникам, которые ничего за свою жизнь не создали, серьезными кругами профессионалов какого бы то ни было направления деятельности человека не признаны – и им легче огульно охаивать все вокруг (среди подобных есть и один недоучившийся поп, которого выгнали из той избы, где готовят «профессиональных» мракобесов и, простите, «разводил»: затем он стал служкой и телекиллером в руках олигархов, а потом пытался публично учить лошадь читать латинские тексты). И толпа такому всегда рада: ведь тотальным охаиванием и отрицанием Знания месиво как бы утверждает, что не только оно само, но и все вокруг ничего не ведают о мире и ничего не умеют.

К сожалению, техника не только дает, но и многое забирает. Умным людям она помогает (собственно, только они ее и изобрели), а *биомассе*, толпе она служит для удовлетворения низменного и примитивного. Любой примат может нажимать на не им изобретенные кнопки: и «пойдет», предположим, видеоролик. Так наступает фактически техногенная катастрофа. Применительно к теме данной монографии можно вспомнить, что несколько лет назад какой-то, очевидно, психически больной тип в нестиранном свитере начал снимать видео для Ютуба, в которых треплется, будто бы никакой войны между Наполеоном и Александром I

¹³⁷ Манькин А.С. Новая и Новейшая история стран Западной Европы и Америки. М., 2004, с. 87.

в 1812 году не было (вариация на тему бредней пациента той же палаты – Фоменко); другой «пациент» обнаружил в ту же эпоху «ядерную войну» (?!), а кто-то не верит, что Александровскую колонну могли поднять люди. Тем не менее благодаря упомянутой катастрофе, когда любой примат может нажимать на кнопки – а затем глазеть ролики (естественно, соответствующие его убогому уровню), подобные бредни набирают большое количество просмотров (но, конечно, не качество – кроме нескольких защитников здравого смысла зрителей-людей там нет). В чем главное отличие человека от животного? **У Человека есть История, а у животного – нет** (лишь биологическая эволюция, написанная сторонним наблюдателем-человеком и им же придуманные беллетризованные сюжеты). Человек записывает свою историю на камнях, папирусах, в книгах. Но, конечно, речь идет не обо всех особях, а лишь о части тех, кто имеет качественный мозг – именно они двигают прогресс. Человек, не читающий много книг (причем с качественной информацией), – то же самое животное. У животного не было истории – и у массового потребителя фоменковщины также ее нет. Именно подобным «маугли» легко вбросить в пустой мозг абсолютно любую теорию.

Конечно, не только представители низших классов, но и аристократ или потомственный буржуа может быть лоботрясом: однако в его дворце, доме, в апартаментах издревле висели и висят портреты предков, он может держать в руках грамоты и документы разных веков. Поэтому люди из приличных «старых» семей не могут попасться на крючок разного рода шарлатанов и психически больных существ, старающихся лишить окружающих истории. В Европе живут сотни и тысячи семейств, которые не просто имеют давний род, но даже и занимают много веков один и тот же дом. К примеру, палаццо Колонна (Palazzo Colonna) – дворцом у подножия Квиринала в Риме – уже более 20 поколений (!) владеет семейство Колонна.¹³⁸ И каждый век оставлял новые полотна, гравюры, посуду, мебель и т. д. Все это ясно видно и можно, так сказать, потрогать руками. Другой пример. Мой добрый знакомый – потомок наполеоновского маршала Жана Ланна (1769–1809) – герцог Роже де Монтебелло живет в величественном «палаццо Полиньяк» (**постройка XIV века**): во дворце на Большом канале в Венеции (возле моста Академии). И здесь снова каждый зал означает эпоху – и этот дворец, его фасад и внутреннюю обстановку (которая в некоторых помещениях не менялась столетиями!) мы можем видеть на гравюрах и картинах разных веков.

Но двадцатый век вывел на сцену огромное количество пролетариев и крестьян, которые после своих лачуг жили в «хрущёвках» **с голыми стенами**, а затем им в эти, мягко скажу, помещения провели телевиденье и интернет. Конечно, если многие из их предков получили паспорт лишь в конце 1970-х годов (!), то они самым легким образом (и даже охотно!) поверят в любые бредни, отменяющие целые века истории: не только, мол, у нас нет прошлого – но и у вас. Агрессивное невежество дополнительно питается *завистью*. Безусловно: талантливые и выдающиеся люди есть среди всех социальных страт, спору нет, но я сейчас говорю о статистике, трендах и различных системах воспитания и быта. С количественными данными, с математикой не поспоришь: а исключения – лишь подтверждают правила.

Итак, в двух словах «выбью табуретку» из-под психопатических мошенников, оболванивающих *доверчивых голостенных* относительно упомянутых выдумок о 1812 годе:

– Во-первых, на одном месте двух предметов быть не может. К примеру, если вы сейчас держите в руках и читаете данную книгу, то вы не можете одновременно держать штурвал судна, спать в стогу сена и прыгать с шестом. То, что вы – это точно вы, нам (историкам) сообщают ваши документы, нотариальные акты, сведения ЖКХ, воинского и квартирного учета,

¹³⁸ Об истории рода Колонна и их фамильного дворца: Filadelfo Mugnos. *Historia della augustissima famiglia Colonna*, Venezia, 1658; Borgese C. *Delle Famiglie siciliane nobili e illustri vissute in Polizzi tra il XII e il XIX secolo*, Palermo, 1998; Majanlahti A. *Guida completa alle grandi famiglie di Roma*. Milano, 2005.

свидетельство коллег, сослуживцев, соучеников, родственников, а также ваши фотографии – и то, что предки и родственники самих историков знали ваших предков и родственников. Если у нас есть миллионы (!) документов и артефактов о событии, месте, его участниках и т. д., то нет никакого смысла *и права* выдумывать, что на их месте было то, о чем не имеется ни одного документа и артефакта (чтобы вас не обманули фотешопом и вырыванием двух слов из контекста тысячи страниц текста – *читайте книги*, а не смотрите маргинальные ролики в интернете: *уважайте себя!*).

– Тартария – это устаревший термин, который применялся средневековой западной литературой в отношении областей между Каспием и Китаем, иногда Индией (среди прочего – см.: Закиев М.З. Происхождение татар. // Происхождение татар и тюрков. М., 2002). Затем, когда увеличилось количество путешественников, миссионеров (в том числе русских) – этот термин ушел в прошлое, и был заменен более точными и подробными выкладками по истории. В эпоху 1812 года – это уже рудимент запылившихся томов, написанных часто ленивыми авторами далекого прошлого. Точно так же, к примеру, и в биологии, в физике часто комические термины средневековья были заменены точными знаниями и адекватными названиями-терминами.

– Только невежественные приматы могут удивляться зеленому цвету одного из мундиров Наполеона. Армия императора французов насчитывала сотни тысяч человек, поэтому, чтобы не путаться (а также из эстетических соображений), униформа была буквально всех цветов радуги. При этом для совсем «темных» верунов в бредни ютьюбовских мошенников я сообщаю: у любого цвета есть *оттенки*. Так вот – русская униформа была темно-зеленого оттенка (почти черного), на материале иного качества. Для интересующихся униформой русской армии разных периодов рекомендую многотомное солидное издание: «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времён до 1855 г.» (СПб., 1841–62, ч. 1–30). По униформе французской армии при Наполеоне существуют десятки тысяч работ, а начать ознакомление можно с упомянутых выше книг А. Пижара и О.В. Соколова (кроме того, много предметов обмундирования эпохи 1812 г. сохранилось, к примеру, в Музее армии в Париже и в Государственном историческом музее в Москве). Нечастый для французских соединений зеленый цвет был гораздо светлее (да и униформа имела иной фасон, другие детали). Кроме того, в русской армии были элементы униформы, предположим, красного (частый цвет в британской армии) и белого цвета (характерен для австрийцев), а другой оттенок, но уже упомянутого зеленого цвета отличал итальянскую армию той поры.

– Первые карты Бородинского сражения (и прочих боев 1812 г.) были созданы уже в 1812–1814 гг., а затем их появились десятки (в том числе за авторством участников Бородинского сражения – К.Ф. Толя, Г. де Водонкура, А.И. Михайловского-Данилевского; также интересен ранний план А. Савинкова). Все планы и карты сохранились в подлинниках, давно опубликованы в сотнях книг и альбомов (раскладную карту Г. де Водонкура 1817 года издания я даже лично приносил демонстрировать в студию телеканала «Совершенно секретно»), оцифрованы и выставлены в интернете. Поэтому любая болтовня о том, что до середины девятнадцатого века подобных карт не было – это просто бред сумасшедшего или мошенничество, рассчитанное на ленивых олигофренов.

– Обращение «государь, брат мой» было традиционным для европейских монархов: поэтому переписка Наполеона I с Александром I не могла обойтись без этого кажущегося кухаркиным детям странного клише.

– Галломания в России перед событиями 1812 года продолжалась уже много десятилетий (ведь, в значительной мере, именно из Франции и черпали цивилизацию...) – и только несколько лет войн, устроенных завистливым царем Александром против Наполеона, слегка и лишь показушно приостановили пламень восторга перед Францией (чему не помешала даже Французская революция – ибо множество эмигрантов временно поселились именно в России). Галломания вернулась с еще большей силой (после посещения русскими офицерами прекрасного Парижа) уже в 1814 г. и развивалась далее. К началу двадцатого века Франция и Россия были в тесном союзе (надо еще учитывать усиление Германии), а образованные люди прочитали сотни томов опубликованных документов – и знали, что войну 1812 г. развязал Александр I, а Наполеон ее вел без ожесточения – лишь чтобы принудить царя следовать условиям Тильзитского мира. Поэтому российское светское общество (а не оскалившееся на весь цивилизованный мир население эпохи застойной «совдепии») с большим интересом относилось к Наполеону. Перед юбилеем в России было выпущено множество разного рода коробок для конфет, фарфоровых чашек и т. д. с изображением Наполеона: фигура гения часто вызывала восторг – и капитализм, рынок диктовал свои условия (предметы с такими символами прекрасно продавались: они есть и в моей личной коллекции). Таким образом, нет ничего удивительного в существовании упомянутых вещей: в 1912 г. Наполеон в теории не мог восприниматься как враг.

– Для «мауглиоидов», для оставшихся на животном уровне «людей» приходится сообщать, что в 1812 г. не могло быть никакой «ядерной войны» потому, что требовалось еще 150 лет работы физиков, химиков, специалистов по баллистике, инженеров, экономистов и т. д., чтобы соответствующее оружие создать и заставить его действовать (а затем еще долго дорабатывать средства его перемещения в пространстве...). Только в 1938 г. Фриц Штрассман, Отто Хан и Лиза Мейтнер открыли расщепление ядра урана при поглощении им нейтронов – и только тогда смогла начаться разработка ядерного оружия. Голостенные существа не понимают, что разрушения от обычного городского пожара не могут быть сравнимы с итогами ядерного взрыва. Само прекрасно документированное сожжение Москвы российским правительством и последствия упомянутого преступления запечатлены на сотнях гравюр, полотен, рисунков, в записках, письмах, мемуарах участников и современников. Все это хранится в архивах, в музеях, в библиотеках, даже у меня дома: и у нас есть описи, где данные документы упомянуты и четко описаны каждый год их существования в течение прошедших 205 лет!

– Изучите археологическое понятие «культурный слой» (и поглядите, как он вырос от вашей собственной деятельности на шести сотках). Если вы 200 лет кладете новую плитку (и так «пилите» бюджет каждый год), асфальт, мусорите, строите бульвары и т. д. – то, естественно, что ваше старинное здание станет ниже уровня новой плитки и клумбы на ней на 30–40–70 и т. д. сантиметров. Однако – это в центре города, а если вы, ленивые обитатели хрущёвок и Ютьюба, подойдете к городской усадьбе или к возведенному в 1776–1780-х гг. Петровскому путевому дворцу (у метро Динамо), или к любому зданию восемнадцатого века в Кусково – то обнаружите, что эти аристократические и удаленные от суетной жизни «коллектива» здания остались на прежнем уровне, в землю не вросли – и никакими комическими ядерными взрывами не засыпаны и не испорчены (в Кусково уцелели даже люстры и вазы). Это я уже молчу про Венецию – там здания стоят вровень с камнями «тротуара» по 500–700 лет.

– Александровская колонна – это типовое сооружение, очень позднее для монументов подобного жанра. Она возведена как бы в ответ на Вандомскую колонну, поставленную в Париже по приказу Наполеона – в честь побед французской армии (в том числе – под Аустерлицем). Образованные люди знают, что подобные колонны научились поднимать еще

несколько тысяч лет назад (к примеру, их можно наблюдать в Риме). Все этапы создания Александровской колонны нам известны (и сохранились сотни документов-проектов, подрядов, писем и т. д.). Известный инженер, генерал-лейтенант А.А. Бетанкур сконструировал подъемную систему (обо всем этом подробнее: Кузнецов Д. Бетанкур. М., 2013, 479 с.), которая состояла из строительного леса 47 метров высотой, 60 кабестанов и блоков (об устройствах-подъемниках: Никитин Н.П. Огюст Монферран, Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Ленинград, 1939, с. 257). В архивах имеются десятки подготовительных записок и чертежей. В 1832 г. было устроено торжественное поднятие (участвовало около 2000 солдат и 400 рабочих): почетные гости расположились на трибуне, а толпа заняла всю площадь и даже крыши домов (об этом у нас есть детальные гравюры, а также сотни документов и записок современников: так сказать, специально для ленивых – изображения того мероприятия доступны в интернете).

– Важно понимать: даже фальсифицирующие историю в угоду властям нерадивые историки не могут просто добавить век или подменить продолжительное событие; совершенно невозможно добавить новое государство или поставить на место достоверно существовавших стран или губерний некую «Тартарию». Максимум, что могут сделать историки-пропагандисты, это, к примеру, иначе объяснить причины войны, свалить вину на соседнее государство, обмануть по поводу итогов какого-то сражения. Ничего другого от них и не требуется – да и невозможно: в мире нет сил, способных физически подменить тонны бытующих последовательно документов, а также миллионы квадратных километров культурного слоя с сотнями тысяч артефактов.

Продолжать перечисление подобных азбучных истин можно до бесконечности. Конечно, с упомянутого «коллектива» потомков крепостных рабов, которые веками гнули шею перед попами, а затем сбрасывали их с колоколен и послушно «строили коммунизм», после чего вновь по указке сверху «организованной толпой» пошли молиться и одновременно заряжать воду перед телевизором – с таких станется. Эти организмы могут слушать любые бредни про «Тартарию» и т. д. Почему я использую биологические термины и изъясняюсь достаточно жестко? Напомню, что вы держите в руках научную монографию – здесь конкретизируется и объясняется материальная суть произошедшего и происходящего, здесь нет места кружевным и обходным «трелям» дамочек викторианской эпохи: так что, если животные – значит, животные, а коли люди – так заслужили быть занесенными в графу «люди».

Тем не менее перед учеными все очевиднее встает **проблема верификации информации**: и не только для самих себя. Но и для широких масс, которые не имеют навыков работы с источниками. Поэтому я полагаю весьма важным описывать происхождение той или иной информации самым подробным образом. Подобное касается и иллюстраций (к примеру, к данной работе): помимо точной и подробно каталожной их атрибуции, важно показать жизнь предмета в разных эпохах. Так, полотна художников можно изучать и по ранним гравюрам, а также по первым фотографиям в старых книгах и на открытках.

Подытоживая, приходится с грустью признать, что большую часть времени царская, а затем советская и российская историография развивалась *неестественным, суррогатным* образом. Как правило, ученые подгоняли выводы своих исследований под указку режима, а значительная часть советских пропагандистов от науки не владела необходимыми для исследования темы иностранными языками. Только недолгие периоды в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, а также в 1990-е годы были отмечены относительной свободой научного поиска. Путь был извилист и темен: от царской пропаганды в стиле эпоса и летописания – к медленному переходу в академический стиль, а затем снова примитивные лозунги и пропаганда советской эпохи; несколько лет свободного дыхания разума – и очередная реставрация

тоталитарной идеологии, совместившей в себе худшие черты предшествующих двух ее ипостасей.

Что касается западных авторов, то, с одной стороны, они, как правило, испытывали сложность языкового барьера (и не могли полноценно изучать русские источники), с другой – подчас излишне доверялись тезисам российских коллег. Тем не менее они, безусловно, были более самостоятельны в своих выводах. Однако не будем отчаиваться – и продолжим поиск исторической **Истины**.

P. S. «Общественная жизнь в этой стране – сплошные козни против истины. Всякий, кто не дает себя провести, считается здесь изменником; посмеяться над бахвальством, опровергнуть ложь, возразить против политической похвальбы, мотивировать свое повиновение – является здесь покушением на безопасность державы и государя; такого преступника ждет участь революционера, заговорщика, врага государственного порядка, преступника, виновного в оскорблении величества...»

Маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин

P. P. S.

...Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Ф.И. Тютчев

* * *

Рецензия на монографию Понасенкова Е.Н. «Первая научная история войны 1812 года» (М., АСТ, 860 с.).

Представленная монография российского историка Е.Н. Понасенкова «Первая научная история войны 1812 года» безусловно является знаковой научной работой в современной историографии. Имея за плечами солидную историческую подготовку, обладая незаурядной эрудицией, автор как истинный учёный-историк отказался следовать интересам государственной идеологии и одним из первых незаангажированно анализирует события представленного периода. Ценность монографии также обозначается тем, что в течение вот уже 27 лет после распада Советского Союза, так и не было создано научно ценного исследования по данной теме. Таким образом, основываясь на широкой документальной базе, на 860 страницах монографии, Е.Н. Понасенков изложил события данной эпохи с точки зрения профессионального ученого.

В подготовленной монографии Е.Н. Понасенков аргументировано представляет кардинально новый взгляд на причины войны, анализирует внутривнутриполитическую и социальную ситуацию на территории Российской империи в 1812 г., чётко определяет социальные и экономические составляющие войны, описывает государственную систему противоборствующих стран, а также показывает психологический портрет основных действующих исторических фигур эпохи.

Новейшее исследование историка отличается строгим следованием научной методологии, знанием иностранных языков и значительным вниманием к ранее неизвестным документам. Действительно, исследование учёного насыщено фактами, цитатами из документов, и, как результат, все ключевые выводы в монографии новые и неожиданные.

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что не подлежит сомнению востребованность монографии Е.Н. Понасенкова «Первая научная история войны 1812 года». В свет вышла отличная, добротная, востребованная книга, которая позитивно повлияет на современную историографическую ситуацию. Выводы учёного уже приняты многими учёными в России, однако, мы отмечаем необходимость более широко популяризировать данный труд за пределами страны. Ведь представленная монография из тех работ, к которым и специалисты, и все «просто» интересующиеся историей будут обращаться не одно десятилетие.

М.С. Гедин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Киевского национального лингвистического университета

Российская империя – предыстория

История? Одна и та же пьеса, исполняемая разными актерами.
Анри де Монтерлан

Весь народ жил одной мыслью, и на долю каждого доставалось совсем немного.
Станислав Ежи Лец

Государство расположилось в России как оккупационная армия.
А.И. Герцен

I

Меня всегда поражала полная нестыковка всего со всем в смысле того, как авторы повествовали об истории войны 1812 года и прочей истории России, русского государства и общества, до и после этой войны. Кричащий диссонанс и парадокс: серьезные источники и исследователи описывают дикости крепостного рабства, безнравственные утехы при дворе, повальное казнокрадство, пьянство, общую цивилизационную отсталость России – и так весь XVIII век (до этого – еще страшнее), а затем уже и аракчеевщина, и казнь декабристов, и Николай Палкин! С каждым годом все хуже: арест и каторга Ф.М. Достоевского, террористы от безысходности, годы суровой реакции, Кровавое воскресенье, столыпинские виселицы, дикая физиономия Г. Распутина, кошмарные годы после Октябрьского переворота и братоубийственная гражданская война, расстрел царской семьи, расстрел поэтов, сталинские репрессии (преступление века!), тысячи доносов, союз с А. Гитлером и совместный парад с его армией, повесившаяся Марина Цветаева, коллаборационисты, нищета, унижение А. Вознесенского, пошлость «совка», воровство изобретений Запада, лишение гражданства великих отечественных артистов, бандитские 90-е, наступление реакции и расцвет мракобесия – и как в этот парад ада (украшенный виньетками завезенного из Европы искусства) затесался чистый и светлый 1812 год, где все было чинно, благородно и свято?! Как это возможно физически, теоретически, научно и практически?! Прекрасные и талантливые люди, безусловно, были, но в подобном контексте – тем хуже для них...

Общество интересующей нас эпохи и сразу после нее хорошо и подробно описано А.С. Грибоедовым, Н.В. Гоголем, М.Е. Салтыковым-Щедриным и А.Н. Островским. Еще с детских лет нам известны прекрасные одухотворенные образы Собакевича, Ноздрева, Коробочки, Плюшкина, Манилова, Держиморды, Ляпкина-Тяпкина, Молчалина, Скалозуба, Фамусова, Кабанихи, Мамаева, Турусиной, Крутицкого, Раскольниковова с топором, знаем про город Глупов, читали про жизнь крестьян у Н.А. Некрасова, понимаем строки М.Ю. Лермонтова о «немытой России». Но, возможно, все было совсем не так – и просто эти гении чего-то не поняли или работали на какого-то заокеанского заказчика?! Поэтому я предлагаю обратиться к документам, к первоисточникам и последовательно изучить все заново: никаких штампов и эмоций – лишь факты, логика, Наука!

II

Знаменательную мысль высказал А.И. Герцен (1812–1870): «подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того, – только предисловие». ¹³⁹

Действительно, эпоха 1812 года раскрыла и вскрыла многие явления и проблемы, которые стали жить новой жизнью. Но нам сейчас важно понять, кто и за что воевал, как, собственно, случилось так, что Россия оказалась в конфликте с далекой Францией? Что скрывается за эффектным фасадом под названием «Российская империя»? С ответа на подобные вопросы, к сожалению, не начинал изучение истории 1812 года ни один мой предшественник.

Российское государство, сама данная историческая структура, была к началу девятнадцатого века совсем недавним, молодым и аморфным образованием. В современном его понимании оно начало оформляться лишь с эпохи правления Петра I. Много говорят о традициях, но главное свойство любой традиции – ее временность и ограниченность по ареалу следования ее недолговечным канонам. Яркая эпоха язычества когда-то сменилась наступлением колено-преклоненного православия (а постепенно рука об руку с ним и крепостного рабства), которое вдалбливали в население огнем и мечом. Долгие века справляли масленицу, а теперь в моде – Хеллоуин. Веками женщины в русских селениях практиковали питье из собственных, простите, менструаций, веря, что это вернет им девственность: об этом свидетельствуют материалы многочисленных этнографических экспедиций князя В.Н. Тенищева (1844–1903) еще XIX века. А затем пришла эра широкого распространения науки и медицины (правда, ненадолго и не для всех...). Еще совсем недавно мы наблюдали попытки строить «коммунизм» и деятельность «институтов атеизма», но потом через СМИ была спущена пропаганда религиозности. Обыватель этого заметить и проанализировать неспособен, но нам необходимо видеть широкую панораму Истории и ее истинные механизмы: иначе мы никогда не сможем понять ни одного конкретного события или явления.

¹³⁹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Собрание сочинений: в 30 томах. М.: Академия наук СССР, 1956, т. 7, с. 153. Отмечу: здесь и далее по тексту я постараюсь всегда приводить годы жизни упоминаемого лица (а иногда и его национальность, принадлежность к той или иной конфессии и место службы) – т. к. это очень помогает более объемному пониманию цитаты, биографии и явления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.